

Б.И.Пясецкий

ОТ РЯДОВОГО ДО ПОЛКОВНИКА

Воспоминания

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга эта является кратким описанием моей тридцатилетней службы в Вооруженных Силах СССР и работы после увольнения из Армии. История ее создания такова.

Старобельск. 2002 год

В последние годы, когда позволяли обстоятельства, я старался побывать на своей исторической родине – в городе Старобельске Луганской области.

Однажды во время посещения местного историко-краеведческого музея я познакомился с его директором – Татьяной Владимировной Миловановой. В беседе с

ней я рассказал о довоенной жизни города в дни своей юности и днях временной оккупации Старобельска немецко-фашистскими войсками. Тамара Владимировна попросила написать обо всем этом для музея. Я выполнил ее просьбу – написал и выслал в Старобельск брошюру под названием «Воспоминания о Старобельске». По этим материалам в местной газете была опубликована большая статья, посвященная годовщине освобождения Старобельска от немецкой оккупации. Из музея мне прислали копию статьи на украинском языке. Одновременно Татьяна Владимировна попросила продолжить воспоминания о моем участии в Великой Отечественной войне и послевоенной службе.

Немного подумав, я пришел к выводу о целесообразности продолжить воспоминания об армейской службе и работе после увольнения в запас. Это мое намерение поддержали дети и взрослые внуки. И я продолжил писать – не только для музея, а и для тех, кого эти воспоминания заинтересуют.

Что из этого получилось – судить читателям.

Автор выражает искреннюю благодарность за подготовку материала к печати В.Б.Пясецкому и М.Г.Шведченко

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Родиной своей я считаю город Старобельск Луганской области, где прошли мои детские и школьные годы. История города официально исчисляется с 1686 года. Впрочем, эта дата не является достоверной, – существует мнение, что он основан значительно раньше: территория города стала заселяться уже в конце XVI века.

Царское правительство проявляло большую заботу об освоении южных территорий государства. Из Правобережной Украины сюда убегало много крестьян и казаков, угнетаемых польской шляхтой. Здесь они наделялись землей, обзаводились хозяйством. В эти же края убегали от крепостного гнета крестьяне и ремесленники из центральных областей России.

Освоение края связано с именем Окольного воеводы Бельского, который поощрял заселение этих земель. Появился ряд поселений, одним из которых был острожок Бельский.

Для возвращения бежавших на Дон крестьян Петр I снарядил 30-тысячную армию, возглавленную генерал-фельдмаршалом князем В.В.Долгоруковым. В ответ на жестокую расправу карателей вспыхнуло крестьянско-казацье восстание. Его возглавил К.Булавин, избранный атаманом войска Донского. К концу 1708 года восстание было жестоко подавлено, а сам Булавин, попав в окружение, застрелился.

Многие казачьи городки, поддержавшие восстание, в том числе и Бельский, были сожжены. Восставший край был опустошен. И только через 24 года на левом берегу реки Айдар вблизи пепелища острожка Бельского была заложена казачья слобода Старая Белая. Сюда переселялись казаки и крестьяне из других районов страны. Благодаря наличию большого количества пустующих плодородных земель крестьяне получали высокие урожаи зерна, разводили скот, развивали мельничное дело и торговлю. Зажиточные крестьяне вывозили зерно в порты Азовского моря.

Слобода росла и богатела. По указу правительства 1 мая 1797 года слобода Старая Белая была переименована в город Старобельск, который стал уездным центром Слободско-Украинской губернии. Ему был присвоен герб: под двуглавым орлом изображалась лошадь и разлитая из кувшина вода, означавшие наличие коневодства и изобилие рек и озер в этом крае.

В Старобельске прошло мое детство. Отсюда в апреле 1943 года я был призван в армию. С марта 1944 года и до конца войны воевал в составе Первого Украинского фронта, пройдя боевой путь от Западной Украины до Берлина и Праги в должности командира орудия.

Мой отец – Пясецкий Иван Демидович – служил под Петербургом ротным писарем в так называемом женском ударном батальоне, охранявшем с группой юнкеров Зимний дворец накануне его взятия восставшими солдатами и матросами. О своей службе в те годы отец не любил вспоминать и рассказывать. И его можно понять: в прошлом героями считались не те, кто защищал Зимний, а те, кто его брал.

После революции до выхода на пенсию он проработал счетоводом на швейной фабрике, в военкомате и других учреждениях Старобельска.

*Отец Иван Демидович
в дни службы в женском
батальоне*

Не найдя счастья на чужой стороне, отец вскоре возвратился домой. Здесь его познакомили с Анастасией Филевской – акушеркой местного родильного дома.

Узнав о намерении отца жениться, матушка Эмилия, опасаясь потерять место, пугала нас тем, что скоро придет чужая «тетка Настька», и нам станет жить очень плохо, ибо она злая и нехорошая.

*Отец Иван Демидович и мать
Анастасия Ивановна. 1947 год*

В начале 30-х годов отец женился на Анастасии Ивановне Филевской, многие годы проработавшей акушеркой. Многих жителей города, которым она помогла появиться на свет, она называла своими внуками.

Вопреки запугиваниям матушки Эмили, Анастасия Ивановна оказалась доброй и заботливой женщиной. Вскоре мы стали называть ее мамой.

Они прожили с отцом до конца своих дней в мире и согласии, так и не оформив официально своих отношений.

Отец и мать. 60 – е годы XX века

служили огород и небольшой сад, которым отец отдавал все свободное время. Из живности держали только кур. Помимо этого, отец выращивал махорку-самосад. Все курящие соседи знали, что крепче и лучше махорки не было ни у кого в округе, и охотно покупали ее по цене один рубль за стакан. Это была твердая валюта, курс которой не зависел ни от каких колебаний цен. Продажа 2 – 3 стаканов в неделю считалась удачной сделкой.

Одежду на меня и сестру отец в большинстве случаев шил сам. Портняжному делу он обучился в молодости у своего отца, занимавшегося пошивом одежды. Ни о каких излишествах, тем более предметах роскоши, не было и речи. Все то, что выходило за рамки повседневных нужд, отец называл «панскими примхами» – то есть барскими причудами.

Старобельская школа. 9 класс

В 1933 году меня определили в нулевой класс (в то время еще существовали нулевки) Старобельской зразковой (образцовой) средней школы №1. Она размещалась в здании бывшей мужской гимназии. Напротив располагалась Николаевская церковь, закрытая и оставленная без присмотра в годы «непримиримой борьбы с церковным мракобесием». На переменах и после уроков мы устраивали там различные игры.

Школьные годы не оставили в памяти заметного следа. Обладая хорошей памятью, уроков почти не учил: что услышал на уроке, то и запоминал. Легко запоминал стихотворения и отрывки из прозы, многие из которых помню до сих пор как на русском, так и на украинском языках.

Математика давалась с трудом, ее я освоил уже в армии на курсах по подготовке лейтенантов инженерных войск. А немецкий язык в объеме программы средней школы – самостоятельно на московских курсах «ИНЯЗ». Этих знаний оказалось достаточно для поступления в военную академию.

Родительский контроль над учебной работой отсутствовал.

Классных собраний мои родители не посещали, да их в то время почти и не проводили. Делался упор на воспитание в коллективе и через коллектив. Тех родителей, чада которых отличались особой неуправляемостью, учителя посещали на дому. Мера крайняя, но, как правило, действенная. К моим родителям учителя не приходили. У них был другой источник информации – моя сестра Евгения, учившаяся в этой же школе на два класса старше: «А Борька сегодня опять сбежал с урока», – или: «Его выгнали с урока». Следовала очередная порция «морали». Другие формы наказания не применялись.

Сестра Евгения

Из школьных предметов любил физику и химию, но только не решение задач по этим дисциплинам, а опыты и практические занятия. Учителей уважал, строгих побаивался, но особой любви ни к одному из них не питал, за исключением учительницы начальных классов Надежды Николаевны Пискавцовой.

Особо следует рассказать об учителе украинского языка и литературы. Его фамилия была Бугай. Уже на первом своем уроке, знакомясь с классом и дойдя до фамилии ученика по фамилии Теличко, он заметил: «Мы с тобой родственники: ты теличка, а я – бугай». На его уроках стоял галдеж, его никто не слушал, каждый занимался, чем хотел. Иногда он прерывал урок и спрашивал у класса, будем ли мы его слушать или нет. Следовал дружный ответ: «Нет!». – «Тогда я буду читать урок стенке, деньги мне все равно заплатят». После этого он поворачивался спиной к классу и продолжал «урок».

Забегая вперед, скажу, что в период временной оккупации города немцами этот Бугай возглавил районную полицию, и гибель многих горожан – на его совести. Долгое время я не знал, какова его судьба, но в один из приездов в город узнал от известного краеведа И.Е.Мирошниченко, что после освобождения Старобельска Бугай был пойман и расстрелян по пути на Сватово в Мостках.

В школьные годы много читал художественной литературы, любил читать книги о путешествиях, научную фантастику, исторические повести. Тех классиков, которых мы «проходили» в школе, читать не хотелось. И теперь я понимаю, почему. Преподавание гуманитарных предметов было до абсурда идеологизировано. Литературных героев и их поступки необходимо было рассматривать с классовых позиций. Вот и получалось, что Онегин и Печорин – «лишние люди», а многие литературные герои, «образы» которых требовалось раскрывать, оказывались представителями буржуазии и помещиков, словом – кровопийцами и эксплуататорами.

Безусловно, многое зависело от позиции и мастерства учителя, но и они не были свободны от необходимости придерживаться официальной линии. Особенно явно это проявилось в годы борьбы с троцкистами и их со-

общниками, когда неосторожное высказывание могло послужить поводом для репрессий, обвинений в связях с «врагами народа». Да и о каком привитии любви к литературе могла идти речь, если ее, эту литературу, преподавал Бугай.

Уже в более зрелом возрасте, перечитывая классиков, я по-новому осмыслил всю глубину и философский смысл произведений Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, запрещенного в 30-е годы Достоевского и других.

Одним из моих увлечений в школьные годы были занятия в авиамодельном кружке детской технической станции – ДТС. В одном из номеров местной газеты даже была напечатана моя фотография со схематической моделью самолета. Названия газеты я не помню, но хорошо запомнил фамилию фотографа: под снимком стояла подпись «Фото С.КИПОТЯ».

В школе существовала система внеклассного воспитания учащихся. На больших переменах старшеклассники были обязаны заниматься с ребятами из младших классов. Они устраивали подвижные игры, водили хороводы и т.д. В классах к памятным датам выпускались стенные газеты. Периодически выпускались и устные газеты. Для этого после уроков учеников собирали в актовом зале. На экране с помощью эпидиаскопа показывали карикатуры нерадивых школяров. Показ сопровождался пением хора девушек с частушками собственного сочинения на темы дня. Вот одна из них:

Шибалко лежит на парті,
Мов би на пуховику,
А Петруня тим часом
Исть велику булку.

Шибалко и Петруня были нарушителями дисциплины. Кстати, Петруня – сын известного в городе врача-окулиста, ставший в будущем, как и его отец, глазным врачом.

По праздникам проводились вечера самодеятельности, на которых ученики исполняли хоровые песни, танцевали. Заканчивались выступления, как правило, акробатическими «пирамидами» с участием всего класса.

Помнится, что новогодние праздники с ёлкой в первые годы моей учебы не проводились. Они считались чуть ли не религиозным обрядом и были просто запрещены. Вместо них проходили антирелигиозные «мероприятия». Школьники распевали на мотив «Солдатушки, браво ребятушки»:

Пионеры, в бога вы не верите,
А где ваша ёлка?
Наша ёлка – дворная метёлка –
Вот где наша ёлка!
.....
А где ваше рождество?
Наше рождество снегом занесло –

Вот где наше рождество!

И дальше в том же духе пелось о других религиозных праздниках.

В дни революционных дат проходили торжественные собрания. Детей катали по городу на автомашинах с открытыми кузовами, украшенными лозунгами. При этом дети распевали песни, провозглашали лозунги и размахивали красными флажками.

Через какое-то время запрет на проведение новогодних елок был отменен. Они стали устраиваться в школах, в учреждениях и на предприятиях по месту работы родителей. Елочные игрушки первое время изготовлялись самими ребятами, так как в продаже их не было. Украшали елки также конфетами, орехами, ватой.

Главным же нашим развлечением было посещение кинотеатра. За билетами у кассы выстраивались длинные очереди. Билет на детский сеанс стоил 20 копеек. Но деньги на кино были не всегда. И мы старались проскользнуть в кинозал без билета. На входе стоял контролер – тетя Паша – гроза всех мальчишек - безбилетников. Она бесцеремонно хватала их за шиворот и выдворяла вон. Иногда мы атаковали ее сообща, и пока она хватала одного, иногда кому-то удавалось проскочить в зал и спрятаться там за экраном, дожидаясь, когда погаснет свет, и тогда занять свободное место, а когда его не было – устроиться на полу.

Любимыми фильмами были фильмы про войну: «Чапаев», «Щорс», «Мы из Кронштадта» и другие. Ребята переживали события, происходившие на экране: когда «наши» шли в атаку, поднимался свист, крик, топот ногами. Днем во время игр в войну часто разыгрывали эпизоды из кино, причем все хотели быть чапаевыми и щорсами, и никто не хотел быть «беляками».

На вечерних сеансах перед началом фильма в фойе кинотеатра играл баянист. До начала сеанса взрослая публика танцевала. Поэтому зрители, особенно молодежь, старались приходить пораньше. Перед началом фильма обязательно демонстрировался киножурнал о событиях в стране и за рубежом. Если на экране появлялся Сталин и другие члены Политбюро, их встречали аплодисментами.

До войны Старобельск был глубокой провинцией. Только в конце тридцатых годов здесь проложили железную дорогу – магистраль Москва – Донбасс. До этого ближайшей станцией была Сватово в 60 километрах, куда ходили небольшие автобусы. По этим причинам знаменитости приезжали в Старобельск довольно редко. Помню приезд Игоря Ильинского, который выступал с рассказами Михаила Зощенко. В те годы Зощенко был очень популярен. Ильинский выступал в ДК имени Коцюбинского, а я попал туда благодаря сторожу – деду Санько, проживавшем в нашем доме со своей женой – бабой Галькой. Они были раскулачены и высланы из своего села за то, что владели ветряной мельницей. Мои родители поселили их в пристройке к нашему дому. Баба Галька помогала им по хозяйству.

Однажды перед войной город посетил маршал С.М.Буденный. Он приезжал на конный завод, известный в то время в стране. По такому случаю на городском стадионе собрался митинг. Появление маршала жители встретили

аплодисментами. Буденный выступил с речью. Он говорил об угрозе войны, в которой враг будет разгромлен так же, как были разгромлены японские самураи «вон там, на востоке», – провозгласил он, указывая правой рукой на запад. Видимо, не сориентировался на незнакомой местности.

Центром проведения досуга горожан в летнее время был городской парк культуры. По выходным дням здесь на летней эстраде играл духовой оркестр. Желаящие танцевали под оркестр на площадке перед эстрадой. Тут же однажды выступал известный конферансье Михаил Гаркави, а также группа канатоходцев «Икар».

В дни летних каникул почти все время мы проводили на реке Айдар. В то время она еще не утратила своей чистоты и очарования. В начале XX века, плененный ее красотой, русский поэт Алексей Кольцов, приехавший с отцом в Старобельск на ярмарку, писал:

Айдар! Все теми же волнами
Катишься вдаль, как и всегда.
Таковыми ж светлыми водами
Поишь людей, поишь стада.

Недалеко от нас реку преграждала плотина, там же стояла водяная мельница. Чаще всего мы приходили купаться сюда. По деревянному настилу мы подбирались поближе к водяному колесу и прыгали в речку, наслаждаясь чистой прозрачной водой, шумно стекавшей по желобу. Течение выносило нас на речной простор и дальше, к песчаной отмели. Это у нас называлось «ходить купаться на шума!».

Другим излюбленным местом для купания был участок реки рядом с самой высокой прибрежной «горой» – высоким меловым холмом. Это место мы называли «пристином». Река здесь была наиболее глубокой, дно песчаным. Мы переплывали на противоположный берег и на четвереньках по крутому склону взбирались на вершину холма, откуда город был виден как на ладони.

Город от реки отделял выгон, на котором происходили события, описанные Всеволодом Гаршиным в рассказе «Медведи». Тогда по приказу губернатора расстреляли медведей, принадлежавших цыганам. В.Гаршин – наш земляк. В разное время он проживал в Старобельске и в своих произведениях рассказал о быте и нравах уездного города, каким в то время был Старобельск.

В 1939 году с каждым днем усиливалось ощущение близкой войны. В ходе воссоединения с Западной Украиной и Западной Белоруссией было захвачено в плен множество солдат и офицеров Войска польского. В городе было создано несколько лагерей для военнопленных: солдат разместили в бывшем женском монастыре, офицеров – в домах в разных частях города. Один из офицерских лагерей находился на улице Кирова, напротив нашей школы. Особой охраны в лагере не было, и пленные офицеры через невысокий забор свободно общались с жителями города и с нами, учениками. Офи-

церы дарили ребятам «вечны пюра» – авторучки, а также зажигалки и другие мелочи, а мы за их деньги покупали печенье, конфеты, папиросы и передавали все это через забор пленным.

Судьба польских военнопленных была трагичной. По приказу Берии, согласованному со Сталиным и другими членами Политбюро, они были расстреляны под Харьковом по вымышленному обвинению в контрреволюционной пропаганде. Из Старобельских лагерей было уничтожено 3986 человек, и только 79 человек осталось в живых. Тысячи польских офицеров были расстреляны у местечка Катынь Смоленской области. Руководство СССР долгие годы отрицало свою причастность к совершению этого злодеяния, стараясь переложить вину на немецких оккупантов, хотя весь мир знал правду об этой трагедии. И только в апреле 1990 года президент Горбачев признал, что поляки стали жертвами Берии и его подручных. Эти события отрицательно сказались на отношениях двух государств. Влияние их ощущается по сей день.

НАШЕСТВИЕ

22 июня 1941 года по радио было передано правительственное сообщение о вероломном нападении на СССР фашистской Германии. О неизбежности войны говорили все, но представляли ее как кратковременную победную военную кампанию, как пели в песне: «...И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом».

Мне в то время только что исполнилось пятнадцать лет, и я хорошо помню, как на городском стадионе состоялся митинг, на котором выступающие говорили о готовности армии и народа дать решительный отпор врагу. Над трибуной был вывешен лозунг «Раздавим фашистскую гадину!».

Началась мобилизация. Старобельчане отправлялись на фронт. Вскоре вышло постановление горсовета, обязывающее население сдать имеющееся оружие и радиоприемники. Главным источником информации остались домашние проводные радиоточки, а у кого их не было – уличные громкоговорители. Люди собирались около них на улице, когда передавали сводки Информбюро.

Сообщения о положении на фронтах становились все более тревожными: наши войска сдавали город за городом, и казалось, что этому не будет конца.

Как и по всей стране, главным стал лозунг «Все для фронта, все для победы!». Предприятия и учреждения стали работать по военному распорядку. Часть работников вскоре была мобилизована на сооружение оборонительных объектов, рытье окопов и противотанковых рвов. Учащихся привлекали на сельхозработы. Мы работали на сборе ромашки. Аптечная ромашка выращивалась на специальных плантациях. Считалось, что она необходима для лечения раненых. А вскоре в город стали поступать и первые раненые. В здании нашей школы разместился военный госпиталь.

Занятия в школе к тому времени уже закончились. Я сдал экзамены и был переведен в десятый класс, о чем и получил свидетельство. Но заканчивать десятилетку пришлось почти через десять лет в вечерней школе далеко от Старобельска, в Молдавии.

Рассчитывая на молниеносную военную победу, Гитлер хвастливо заявлял, что Москва будет взята через 2 – 3 месяца. Именно на Москву была направлена основная мощь огромной многомиллионной высокомеханизированной германской армии. Высокие темпы наступления вражеской армии не позволяли нашим частям закрепиться на выгодных рубежах. Отступление продолжалось. Бросив главные силы на Москву, гитлеровское командование тем самым ослабило другие направления. В конце 1941 – начале 1942 года Красная Армия под Москвой нанесла противнику мощный контрудар, перешла в наступление, разгромила группировку вражеских войск и отбросила немцев от Москвы на 100 – 350 километров. Германское командование было вынуждено отказаться от плана взятия Москвы и направило главный удар на юго-запад, стремясь выйти к Волге и занять Северный Кавказ с его нефтяными запасами. В июне – июле 1942 года противник нанес удар под Харьковом

и занял Донбасс. В войсках Красной Армии появились панические настроения, отступление приняло массовый характер. В этих условиях 28 июля Нарком Обороны издал приказ «Ни шагу назад!». Приказ решительно осуждал тех, кто считал, что территория страны велика, и отступить можно и дальше. Были созданы заградительные отряды, не позволявшие паникерам и трусам покидать занятые рубежи.

Летом 1942 года через Старобельск хлынули наши отступающие войска. Среди уходящих тащились жители с детьми, колясками, домашним скарбом. Образно эти события описал А.Фадеев в романе «Молодая гвардия»: «Со времени великого переселения народов не видела донецкая степь такого движения людей как в эти июльские дни 1942 года. По дорогам, прямо по степи шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной Армии, детские дома и сады, грузовики, беженцы.

Они шли, топча созревающие и уже созревшие хлеба, и никому не было жаль этого хлеба – они стали ничьи, эти хлеба, они оставались немцам».

Все сильнее слышалась артиллерийская канонада, все чаще над городом пролетали вражеские самолеты. Начались ожесточенные бомбежки. Авиаудары наносились по железнодорожному узлу, городским зданиям и пригородным дорогам, заполненным отступающими войсками и мирными жителями. В городе люди спасались в подвалах, отрытых во дворах щелях. В то время мы жили в погребе, хотя он вряд ли мог служить серьезной защитой.

Это был период, о котором Сталин говорил в мае 1945 года на приеме в Кремле: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас и моменты отчаянного положения в 1941 – 1942 годах».

Однажды в начале июля в городе стали раздаваться мощные взрывы: уничтожались предприятия, здания. Взрывали все, что не успели или было невозможно эвакуировать: электростанцию, элеватор, мотороремонтный завод, мельницу, другие объекты. И потом наступила непривычная тишина. Ранним утром из укрытий первыми выбежали мальчишки и увидели, что по нашей улице, настороженно оглядываясь, шли вооруженные люди, одетые в зеленую форму. Приблизившись к ним, мы поняли, что это не немцы. Это были румынские солдаты, первыми вступившие на нашу Харьковскую улицу. Случилось это 12 июля 1942 года.

К полудню вражеские войска заполнили улицу, потянулись обозы, крытые фургоны, на некоторых из них были красные полотнища с белым кругом и черной свастикой – они служили указательными знаками для немецких летчиков. Солдаты шли пешим порядком. Проходя по улице, они по-хозяйски заходили в дома, как в свои собственные, забирали все, что им хотелось, особенно ценные вещи. У нас они забрали отцову бритву и золотые часики, принадлежавшие матери. При этом они говорили по-русски «спасибо» (как - никак, европейская «культура»). Часики, правда, были сломаны и много лет не ходили. Ближе к обеду стали раздаваться требования: «Матка, масло, яйки!». Солдаты ловили или стреляли кур, тут же поджаривали их на кострах и угощали своих «домнуле» (то есть господ) офицеров. Это продол-

жалось несколько дней, до прихода немецких солдат. Немцев румыны опасались и избегали заходить в дома, где они проживали.

Оккупационные власти начали наводить «новый порядок». В городе появилась немецкая комендатура. Был назначен городской староста – Иванов, создана полиция во главе с уже знакомым нам Бугаем. Находились и подонки, которые шли служить (вернее, прислуживать) оккупационным властям. На заборах были вывешены приказы коменданта, распоряжения местной власти. В них перечислялись нарушения, за которые следовали наказания: хранение оружия, оказание сопротивления властям, укрывательство партизан и советских солдат, покушение на жизнь немецких солдат и другие. За все эти нарушения следовало одно наказание – расстрел.

Появились германские агитационные плакаты – портреты Гитлера с надписью «Гитлер освободитель», плакаты антисоветского и особенно антисемитского содержания, а также призывы добровольно ехать на работу в Германию. Эти призывы обещали райскую жизнь, но желающих ехать в Германию, как правило, не находилось.

Работать принуждали всех, независимо от возраста и профессии. Мой отец был направлен на дорожные работы. Мать, акушерка, работала на прежнем месте: дети продолжали рождаться. Нас, подростков, послали на уборку оставшегося на полях урожая. Работали с утра до вечера. Когда же мы возвращались на ночлег в дом, где ранее помещалось правление колхоза, а на полу была постелена солома, на дороге нас встречал немецкий унтер-офицер, проходя мимо которого, мы были обязаны снимать головные уборы. За непослушание – удар палкой по спине. Поэтому, увидев его стоявшим на обычном месте, заранее снимали свои кепчёлки (у кого они были), прятали их в карман или за пазуху.

Полевые работы продолжались до наступления холодов.

С населением было проведено также «массовое мероприятие», в котором мне довелось участвовать. Поскольку собрать народ вместе было практически невозможно, местом проведения этого мероприятия был избран базар, а точнее толкучка, куда люди приходили обменивать продукты на вещи и наоборот. Происходил своеобразный бартерный обмен, так как советские деньги не ходили, а оккупационные немецкие марки до Старобельска дойти не успели.

И вот однажды этот базар окружили полицейские и немецкие солдаты и согнали всех к бывшему магазину, от которого остались одни стены. На крыльцо поднялись комендант, староста и переводчик. «Беседа» шла в двойном переводе. Говорил комендант, переводчик переводил его слова старосте, а тот оглашал их народу, сопровождая своими комментариями и стараясь перекричать шумевшую толпу. Из их слов мы узнали, что Красная Армия разбита, война скоро закончится победой Германии. Были обещаны всякие блага тем, кто будет помогать новым властям. Долго слушать это никто не хотел, поднялся шум. Комендант умолк, староста пытался призывать людей к порядку: «Та тихіше, господа, слухайте шо кажуть господин комендант! Тихіше, господа! Ну и свині ви!». Так в наш обиход вошло выражение «гос-

пода свини». Выслушав перевод призывов старосты к толпе, комендант проворчал: «Швайне», – сел в машину и уехал. А базарная жизнь продолжилась своим чередом.

Кажется, подобных «мероприятий» больше не проводилось, а может быть, я на них просто не попадал.

Начались массовые аресты бывших активистов, всех, кого подозревали в связях с партизанами. К ним относились и те, кто пытался укрывать советских солдат, бежавших из плена. Аресты проводились по ночам, и о них узнавали на следующий день. Судьба арестованных была неизвестна. Многие из них опознали уже после освобождения Старобельска при вскрытии массовых и одиночных захоронений в городе и за его пределами.

Осенью объявили о приеме молодежи в ремесленное училище. Правда, где оно находится, не сказали, – надо было прибыть к городской управе. Было обещано освобождение учеников от трудовой повинности и от угона в Германию.

На следующий день нас собрали и повели к развалинам мотороремонтного завода, где в уцелевшем корпусе немцы ремонтировали свою подбитую технику. Туда нас и близко не подпустили. Стало очевидным, что никто и ничему нас обучать не собирался. Нас стали распределять по цехам на работу. В литейном цехе была отремонтирована небольшая печь вагранка, с помощью которой отливали алюминиевые ложки, тарелки, нательные крестики и другую мелочь. Сырьем служили обломки самолетов, сбитых и уничтоженных на аэродроме, а также кокс, оставшийся от прежних запасов. Меня с группой ребят направили в слесарный цех. Отливки, поступавшие из литейки, надо было доводить до ума: удалять заусеницы при помощи напильников и шаберов (инструментов для обработки вогнутых поверхностей), изготовленных здесь же из старых напильников.

Для выполнения этой работы нужны были навыки, усидчивость, а главное – желание работать. Ни одним из этих качеств я не обладал. При сверлении ручной дрелью в крестиках проушин для шнурка (гайтана), у меня крошилась проушина или ломалось сверло – большой дефицит по тому времени. И мастер цеха постарался избавиться от меня, отослав на подсобную работу к каменщику, у которого я должен был очищать от старой штукатурки кирпичи из развалин, месить и подносить раствор.

Работа эта продолжалась до самой зимы. С наступлением холодов наружные работы прекратились и меня отправили в «отдел главного механика». Механика этого я ни разу не видел. Меня просто послали на заводскую водокачку помощником к рабочему, отвечающему за ее исправность. Работа моего нового «шефа» состояла в том, чтобы включать и выключать водяной насос, потом он закуривал и ложился на топчан. Я же был обязан периодически подниматься на водонапорную башню к цистерне и контролировать уровень воды в ней. «Прибором» для определения уровня воды была веревка с кирпичом на конце. Его следовало опускать вниз и по плеску воды от кирпича определять степень наполнения емкости водой. Сам «шеф» выполнять эту работу не мог ввиду преклонного возраста и своей инвалидности (у него одна

нога была короче другой). Доложив «шефу» о выполненной работе, я был свободен до следующего замера. Я мог читать или слушать рассказы своего начальника о том, как было хорошо при советской власти, когда выдавали заработную плату и премии. Не знаю, чем немцы платили кадровым рабочим, но наша работа никак не оплачивалась, потому что мы были «учащимися».

Иногда я забирался на башню, откуда можно было видеть, как наши самолеты бомбили аэродром в Половинкино. К концу года налеты стали регулярными, бомбили не только аэродром, но и другие объекты.

Немцы стали проявлять все большее беспокойство. Это было хорошо заметно и по поведению нашего квартиранта, австрийца по национальности. Он занимал лучшую комнату в доме. Звали его Михель. Он служил денщиком у офицера, жившего в более комфортном доме. От Михеля мы никаких неприятностей не имели, большее время он был на службе. Это был веселый и общительный человек, который много болтал и очень боялся «партизанен пух-пух». Страхи оккупантов не были беспочвенными. Повсеместно усиливалось сопротивление немецким захватчикам. Хорошо известен подвиг комсомольцев Краснодона, создавших организацию «Молодая гвардия». Эти события описаны в романе А.Фадеева с одноименным названием. В Старобельске комсомолки Л.Ветлицкая, Н.Козлова и И.Извекова осенью 1942 года, в канун 25 годовщины Октябрьской революции, водрузили красный флаг над парашютной вышкой. Об этом писали газеты, писатель В.Горбатов в повести «Непокоренные» также упоминает об этом эпизоде. Подвиг девушек был отмечен правительственными наградами.

Но вернемся к нашему квартиранту Михелю. Иногда к нему приходил в гости немецкий солдат Людвиг. Они часто спорили, особенно о музыке. Михель доказывал, что австрийская «музик» несравнима с немецкой, где только «бум - бум – марширен».

К концу 1942 года веселья у Михеля поубавилось, стало не до «музик». Гитлера он начал называть «шайзе» (дерьмо), а также говорил, что «война – капут». Вскоре он исчез, и больше мы его не видели.

Первыми с фронта побежали итальянские войска. Огромные крытые грузовики, заполненные солдатами, стремительно мчались на запад. Это были остатки итальянской армии, полностью разгромленной советскими частями. Этот разгром способствовал падению Муссолини – вождя итальянских фашистов, а также решению Гитлера оккупировать северную Италию.

Затем побежали, опережая своих хозяев, местные немецкие холоуи.

Чувствуя приближение конца своей власти, фашисты все больше ожесточались. Особенно свирепствовали эсэсовцы. Проходили облавы, обыски, аресты. Молодежь забирали из домов, хватали на улицах. «Уволился» и я с завода – просто перестал ходить на работу. По-моему, этого даже никто не заметил: у властей были свои заботы – как поскорее унести ноги.

Многие молодые люди избежали угона в рабство благодаря нашему квартальному старосте. Дело в том, что во время установления «нового порядка» жители каждой улицы были обязаны избрать квартального старосту, который способствовал бы проведению в жизнь решений властей. Занимать

столь «почетную» должность никто не желал. И тогда жители уговорили стать квартальным И.Крылова – далеко не молодого, больного туберкулезом мужчину – отца моего одноклассника Жоры (по-уличному – Жоди) Крылова. Староста предупреждал нас о готовящихся властями пакостях – облавах, обысках, очередных наборах «добровольцев» в Германию. Он же предупредил нас о готовящихся облавах накануне бегства немцев.

Получив об этом предупреждение, мои родители решили отправить меня на время в больницу, используя знакомства матери в медицинских кругах. Больница размещалась на окраине в бывшем поместье Марченко. Чтобы спокойно пройти по городу, мне перевязали голову, дали в руку палку, и мать, надев халат, повела меня в больницу. Там на меня завели карту с диагнозом «обострение хронического аппендицита» и поместили в хирургическое отделение, где лежало еще несколько человек, в том числе три раненых солдата, которых накануне спрятали в подвальное помещение. И, как оказалось, не зря.

На следующий день утром в нашу палату вошел немецкий офицер в сопровождении двух солдат. С ними был главный врач больницы с историей болезни в руках. Немцы подходили к каждой кровати, врач докладывал о болезни. Я укрылся одеялом с головой. Подойдя ко мне, офицер спросил, кто здесь лежит. Врач ответил, что это мальчик с приступом аппендицита и сегодня ему должны делать операцию. Удовлетворенный ответом, немец пошел дальше, а я облегченно вздохнул. Из нашей палаты никого не забрали.

Вскоре по больнице поползли слухи, что в монастыре уничтожают военнопленных. Позже, после освобождения, на его территории были найдены 32 изувеченных тела.

Наступила тревожная ночь. Мы опасались, что немцы могут взорвать и здание больницы. Больные не спали, лежали в верхней одежде, готовые в любую минуту покинуть больницу, спасая свои жизни.

Утром мы собрались у окон палаты и увидели, как через пустырь к больнице шел на работу врач. Это был наш доктор Юрий Павлович Панин. Параллельно ему по дороге метрах в пятидесяти шли два немецких солдата. И вдруг один из них вскинул винтовку и выстрелил во врача. Тот упал. Немцы же, как ни в чем не бывало, пошли дальше. Сестры в халатах выбежали из больницы, подбежали к Панину, подняли его и повели в больницу. К счастью, ранение оказалось неопасным. Пуля лишь слегка, по касательной, задела шею. Юрий Павлович сам руководил своей перевязкой.

Всю ночь где-то на восточной окраине шел жестокий бой. Наутро наступила зловещая тишина, и вдруг на больничный двор въехали два советских танка. Больные, сестры, все, кто мог ходить, выскочили во двор, стали обнимать, целовать своих освободителей. Это был передовой дозор наступающих частей Красной Армии. Убедившись, что немцев здесь нет, они двинулись дальше, оставив после себя показавшийся таким родным запах солярки и махорки. Ведь это были свои, родные люди, по которым все истосковались за полгода оккупации.

К удивлению всех больных, лежавших со мной в одной палате, «мальчик с аппендицитом» вскочил, собрал свои пожитки и убежал домой, забыв попрощаться со своими соседями и врачами.

На улицах города жители радостно приветствовали своих освободителей, угощали тем, что у кого было, а в большинстве случаев солдаты сами делились своими пайками.

Немецкие солдаты, не успевшие бежать, прятались в подвалах, на чердаках, в развалинах зданий, надеясь дождаться своих, а, не дождавшись, выходили и сдавались в плен. Помнится, одного такого вояку, прятавшегося в развалинах, конвоировал наш солдат. Стояли морозы, и немец, чтобы не замерзнуть, заполнил свои брюки и мундир перьями из подушек. На него было жалко и смешно смотреть: обмороженный, грязный и небритый, весь в перьях, он шел, не глядя по сторонам, низко опустив голову. Не было фотографа, чтобы запечатлеть этого представителя «высшей расы» в назидание другим.

Улицы города после бегства немцев изменились до неузнаваемости. Многие здания стояли в развалинах, были сожжены. На улицах валялись брошенное оружие и боеприпасы, искореженные и сгоревшие машины и другая техника. Эти события происходили 23 февраля 1943 года.

Старобельск стал первым украинским городом, освобожденным от оккупантов. Газета «Правда» в статье «Порог украинской земли» в те дни писала: «... С волнением переступили бойцы порог украинской земли. Что стало с ней? Какие обиды и раны нанес ей враг? Разоренная немцами, поруганная и ограбленная земля открылась взору советских воинов. Полк за полком в скорбном молчании перекатывались через Старобельск. Разве можно забыть закопченные пожаром взорванные дома, аэродром, заваленный трупами казненных жителей...».

Город стал прифронтовым. В разоренном городе необходимо было налаживать мирную жизнь. Был назначен комендант города. Им стал офицер штаба 183 танковой армии старший лейтенант Иван Магонов. Для поддержания порядка в городе был создан истребительный отряд, который охранял материальные ценности от разграбления, осуществлял ночное патрулирование, следил за соблюдением жителями правил светомаскировки.

Отряд возглавлял офицер из комендатуры. В его состав входили подростки 16 – 17 лет. Более взрослые ребята были призваны в армию. Я тоже вошел в состав этого отряда.

Помимо патрулирования улиц, мы конвоировали задержанных на допросы, а некоторых и в тюрьму. Каждую группу ребят из 3 – 5 человек возглавлял сержант или солдат из комендатуры. Вооружены мы были трофейным стрелковым оружием, чем очень гордились. Через полтора – два месяца, после возрождения органов местной власти, необходимость в истребительном отряде отпала. К большому нашему огорчению оружие нам приказали сдать.

В городе постепенно налаживалась мирная жизнь. Обновленные органы Советской власти организовывали воскресники по расчистке улиц, разбору завалов. Одновременно стали восстанавливаться и начинали работать

предприятия и учреждения. Была восстановлена электростанция, но ее мощность была мала, поэтому свет в домах включался с наступлением темноты, а к полуночи выключался. Заработала пекарня, наладилось снабжение населения хлебом. Возобновились занятия в школе, но поскольку в школьном здании размещался военный госпиталь, уроки проводились в нескольких зданиях в разных частях города. Занятия проходили в напряженной обстановке: фронт находился рядом. Немецкие самолеты продолжали совершать налеты на железнодорожный узел, группировки войск и другие объекты. Часть бомб попадала и в город.

В марте 1943 года положение на фронтах значительно ухудшилось. 15 марта немецкие войска снова овладели Харьковом, мы потеряли северо-восточные районы Донбасса. Это, по-видимому, стало причиной принятия решения о призыве на военную службу ребят 1926 года рождения, проживавших на освобожденной части Украины, хотя в других регионах страны они были призваны позднее.

Я в это время продолжал учебу в 10-м классе, но получил повестку о явке 26 апреля 1943 года в военкомат. Было предписано иметь при себе ложку, кружку, котелок и запас продуктов на три дня. К этому времени мне еще не исполнилось 17 лет.

Прибывших в военкомат призывников разделили на группы по тридцать человек (взводы). Во главе каждого взвода из старших и физически крепких призывников назначили командиров. Подогнали несколько подвод, на которые мы сложили свои пожитки, и через несколько часов в пешем порядке двинулись в путь, который пролегал через город Богучар Воронежской области. Там мы помылись в бане и сутки отдыхали, а потом на пароме переправились через Дон и тем же порядком прошли еще около ста километров до станции Калач, где погрузились в вагоны - теплушки и поехали дальше вглубь России. Куда – нам не говорили. Оказалось, в Пензенскую область, в сборный лагерь Селиксы.

В Селиксах нас постригли, переодели в военную форму – «б/у», то есть бывшую в употреблении, после чего с непривычки мы с трудом стали узнавать друг друга.

Нам назначили настоящих сержантов, которые стали проводить занятия, главным образом, по уставам и строевой подготовке. И мы стали ждать «покупателей» – представителей воинских частей, в которых призывникам предстояло проходить дальнейшую службу.

Так началась моя военная и фронтовая служба. Но это уже другая история.

ЛАГЕРЬ СЕЛИКСЫ

Лагерь Селиксы был хорошо известен далеко за его пределами. Сюда прибывали как новобранцы, так и солдаты, лечившиеся после ранений в тыловых госпиталях. Отсюда пополнялись полки, понесшие на фронтах боевые потери, а также формировались новые части.

В Селиксы прибывали офицеры за пополнением для своих частей. Их мы называли «покупателями». И мы стали ожидать своих «покупателей».

Нас поселили в казармах – полуземлянках, оборудованных трехъярусными нарами, устеленных еловыми ветками – лапником. Нас распределили по ротам и взводам и определили места нашего размещения. Одеждой, а заодно и матрасом, служила шинель. Подушкой – вещевой мешок. Спинка шинели не была защитой, а застегивалась хлястиком на пуговицах. С расстегнутым хлястиком шинель становилась в полтора раза шире и могла служить и подстилкой, и одеялом одновременно.

Нам назначили командиров отделений из числа сержантов постоянного состава лагеря. Нашим отделенным командиром стал ефрейтор Дудкин, о котором речь пойдет дальше. Под его непосредственным руководством нам предстояло осваивать азы военной службы и быта.

Ровно в шесть часов раздавалась команда «Подъем!». К этому времени в казарму прибывал старшина – наш главный начальник. По этой команде надо было мигом вскочить, скатиться со второго – третьего яруса нар, одеться, обуться и стать в строй. На все это отводилось полторы минуты. Многие не успевали: до армии никто не носил портянок и не умел их наматывать. Обуты мы были в ботинки с обмотками. Обмотки с вечера скатывались в рулоны. Когда в спешке их пытались намотать на ноги, они часто ронялись на пол и раскатывались, как бабушкин клубок с нитками. Их надо было поймать, заново скатать и снова намотать на ноги. А время шло неумолимо.

Когда звучала команда: «В две шеренги – становись!», половина роты еще не управлялась с обмотками. Подавалась команда «Отбой!». Все должны были принять исходное положение: лечь на свои места. И снова – «Подъем!», и так повторялось два – три раза.

Но вот, наконец, все в строю. Команда «Направо, на зарядку бегом – марш!». После зарядки – туалет (умывание), и через 20-25 минут опять в строй, на этот раз к утреннему осмотру. Старшина проходил вдоль строя, придирчиво проверяя заправку обмундирования, чистоту рук, свежесть подворотничков, чистоту обуви. Для устранения недостатков, а они находились всегда, давалось 15 минут, и снова в строй. Шли в столовую на завтрак. Команда: «С места, с песней – шагом марш!». Петь никому не хотелось, шли молча. Команда: «На месте. Запевай!». Обозначая шаг, топчемся на месте. Команда: «Прямо, запевай!». И снова молчок. После двух-трех топтаний на месте товарищи начинали роптать, понукая запевалу, который был в каждой роте: «Ну, давай уж, запевай». Все хотели завтракать, тут не до песен.

Рота начинала петь. Звуки эти трудно было назвать пением, но старшина доволен. Репертуар был довольно однообразным: «Командир, герой

Чапаев, он все время впереди» и «Красноармеец был герой, на границе боевой». Это был запев. Вся рота подхватывала: «Гей, гей, красный герой на границе боевой». Рота, состоявшая из призывников из Узбекистана, в припеве кричала - пела: «Гей, гей, оскарля...». Что бы это значило, я не знаю до сих пор.

С песней приходили в столовую, и с песней покидали ее полуголодными. Питались мы по так называемой третьей тыловой норме, так что нас постоянно мучило чувство голода, и все разговоры неизбежно велись вокруг еды.

После завтрака 15-минутный перекур и снова в строй: следовать на занятия. Два раза в неделю проводились политические занятия. На них изучались история и боевой путь Красной Армии, роль товарища Сталина в создании Армии и Флота, раскрывалась агрессивная сущность империализма и фашизма, необходимость повышения бдительности и укрепления воинской дисциплины и т.д.

В дни, когда политзанятий не было, проводились политические информации, посвященные положению на фронтах, событиям в стране и за рубежом. Неизбежно возникал вопрос о втором фронте. Но вопрос оставался без ответа, ибо открывать его пока наши союзники не собирались. Союзники явно затягивали время под любыми предлогами, выжидая, когда Германия и СССР ослабят друг друга, чтобы потом диктовать свои условия будущего устройства мира.

В казармах не было радио, газеты приходили нерегулярно и с большим опозданием, так что политинформации являлись единственным источником знаний об этих событиях.

А затем начинались полевые занятия. Проводились они в любую погоду. А так как не было известно, в каких родах войск мы будем служить, то обучали нас преимущественно по общевойсковой (пехотной) специальности. Изучали стрелковое вооружение, окапывание, приемы рукопашного боя.

В поле были установлены чучела, надо было принять исходное положение и по команде «Коротким – коли!» или «Длинным (с выпадом на шаг вперед) – коли!» надо было уколоть это самое чучело. Но за ним стоял воин с длинным шестом, обмотанным на конце паклей, имитирующий солдата противника. Этот шест нужно было отбить в сторону. Если «штык» противника не был отбит, упражнение считалось не выполненным.

Проводились тренировки по самоокапыванию: необходимо было малой саперной лопатой лежа отрыть окоп для стрельбы. Время давалось минимальное. Трудились, как говорится, до седьмого пота.

Перед началом и в конце занятий – преодоление полосы препятствий, или, как ее еще называли, «штурмовой полосы».

Полоса состояла из таких препятствий, как преодоление по бревну рва, заполненного водой, переползание под огнем противника по-пластунски. Для этого низко над землей была натянута колючая проволока, так что если не будешь прижиматься к земле, останешься без штанов. Далее шел высокий

забор, который надо было преодолеть с оружием в руках, подсумком с гранатами, в каске и с вещмешком.

В заключение – бросок гранаты по окопу противника (надо было в этот окоп попасть), занять окоп и изготавиться к стрельбе. Темп должен быть высоким, ибо время было жестко ограничено.

Часто совершались длительные марши, которые, как правило, заканчивались марш-броском. Казалось, что уже силы на исходе, но отступать было некуда, только вперед. Таким образом, физические нагрузки были предельно высокими, но мы выдерживали их, понимая, что в бою будет еще труднее.

Изучали уставы: Внутренней службы, Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и караульной служб.

Вся жизнь солдата регламентируется уставами. В Уставе внутренней службы изложены обязанности военнослужащих от солдата до командира полка включительно. Он определяет внутренний порядок в казарме: из каких помещений казарма состоит, что в казарме должно находиться, где и как должно храниться оружие, боеприпасы, как должны содержаться помещения и многое другое. Здесь же записаны обязанности лиц суточного наряда (дежурных, дневальных и др.) и многое другое.

Дисциплинарный устав формулирует такие понятия, как начальник и подчиненный, старший и младший, дисциплинарные права каждого, какие взыскания могут быть наложены каждым из них. Начальник имеет право отдавать приказы, подчиненный обязан их выполнять беспрекословно, точно и в срок. Приказы не обсуждаются. Они могут быть обжалованы (но после их выполнения) старшему командиру по инстанции, то есть начальнику того военнослужащего, на которого подается жалоба. Кроме того, запрещалось подавать жалобы на трудности службы и на строгость командиров. Поэтому жалоб никто не подавал, да и жаловаться на своего командира все равно, что плевать против ветра.

Устав предоставлял командирам право налагать взыскание в виде ареста с содержанием на гауптвахте. Более того, существовало два вида ареста: простой и строгий. Простой арест предусматривал питание по обычной солдатской норме, привлечение арестованных для выполнения работ и выход на прогулки. Строгий арест предусматривал в качестве пищи хлеб и воду, арестованных не разрешалось привлекать на работы, выводить на прогулки. Максимальный срок ареста – 15 суток.

Более двух лет тому назад арест был упразднен, как несоответствующий Европейской конвенции о правах человека. Это привело к резкому падению дисциплины в войсках, хотя и до этого она не была образцовой. Командиры были лишены возможности строгого воздействия на нарушителей.

В последнее время наши законодатели спохватились, решили восстановить гауптвахту. Но арест должен назначать судья гарнизона, а командиры все равно лишены этих прав. Известно, как наша юстиция умеет затянуть до бесконечности любое дело. А командиру недосуг заниматься судебной тяжбой, у него и без того забот хватает. Думается, что и в этом случае хотели как

лучше, а получится... Правда, это пока проект, а что из этого получится – увидим.

Кстати, в армии США аресты не отменены, командир в звании «майор» может объявить подчиненному до 30 (!) суток гауптвахты. И никто не считает это нарушением прав человека.

Но продолжим наш рассказ. Ефрейтор Дудкин использовал свои дисциплинарные права, как говорится, на полную катушку. К счастью, они ограничивались правом объявить один наряд вне очереди.

Вот лишь один эпизод. В армию мы были призваны в одно время с моим троюродным братом, однофамильцем, тезкой по имени, только его отчество было Павлович.

На одном из занятий он попытался исправить какую-то нелепость, сказанную ефрейтором. Тут же последовал приказ: «Ложись! По-пластунски 20 метров – вперед!». Накануне прошел дождь, стояли лужи. Я заступился за брата, и тут же нам обоим было объявлено по одному наряду вне очереди.

Наряды эти приводились в исполнение после отбоя, когда все спали. Нам было приказано вымыть пол в казарме. Полами же служили неструганные доски, затоптанные грязными солдатскими ботинками, и отмыть их практически было невозможно. Но приказ есть приказ, и мы после отбоя принялись за работу. Примерно через час будим командира: «Товарищ ефрейтор, Ваше приказание выполнено!». Сонный товарищ ефрейтор поднялся, надел на босые ноги сапоги (в отличие от нас, постоянный состав лагеря был обут в сапоги), провел ребром каблука по доске пола – остался грязный след. Он заявил, что вымыто плохо, и приказал перемыть. Уже без прежнего усердия мы снова принялись за работу. Спустя 40 минут снова докладываем о выполнении приказания. Опять плохо, опять – перемыть.

Тогда мы вышли на улицу, погуляли, покурили и часа через полтора снова будим нашего ефрейтора для доклада. Бедный Дудкин! Ему жутко хотелось спать, он и сам уже был не рад, что связался с нами... Но служба есть служба. С трудом разлепив глаза, не слезая с нар, он мельком взглянул на пол. К этому времени вода впиталась через щели, и доски несколько подсохли. Пробормотав, что надо было с первого раза так вымыть пол, он повернулся на другой бок и уснул. Легли спать и мы. До подъема оставалось четыре часа...

К счастью, лагерная служба в Селиксах вскоре подошла к своему завершению: за нами приехали «покупатели» из ПУЗАЛа.

УЧЕБНЫЙ ПОЛК. ПУЗАЛ

Так сокращенно назывался Пензенский учебный зенитно-артиллерийский лагерь. Офицеры, прибывшие из этого лагеря, построили нас в две шеренги по ранжиру (по росту). Старший из них прошелся вдоль строя, затем скомандовал группе более рослых и сильных ребят выйти на несколько шагов вперед. Затем была выделена группа новобранцев ростом пониже. В третью группу попали все остальные.

Потом офицер разъяснил смысл этих перестроений. Он рассказал, что все мы будем служить в зенитно-артиллерийских частях. Но эти части бывают разными. Есть полки среднекалиберной артиллерии – СЗА. Для работы на пушках этого калибра требуются сильные ребята, туда пойдут те, кто сильнее. В полки малокалиберной артиллерии – МЗА – пойдут ребята послабее. И, наконец, имеются подразделения крупнокалиберных зенитных пулеметов – ДШК (Дегтярева-Шпагина крупнокалиберные). Кроме того, в частях нужны телефонисты, радисты, разведчики-наблюдатели, дальномерщики, артмастера, химинструкторы и т.д., вплоть до поваров.

Я мечтал выучиться на радиста, но меня определили в малокалиберную артиллерию – МЗА.

Учебный зенитно-артиллерийский полк – 10-й УЗАП – располагался, или, как говорят военные – дислоцировался в Ахунах – пригороде города Пензы. В Пензу нас водили в баню. Говорят, что сейчас в Ахунах курортная зона. А в то время там находился военный лагерь, состоявший из землянок, в которых проживал личный состав, размещались склады и другие служебные помещения. А вокруг стояли высоченные корабельные сосны, которые безжалостно уничтожались для строительства тех же землянок, на дрова для их отопления и приготовления пищи. Правда, к началу зимы вырубку деревьев, по-видимому, запретили, так как с этого времени мы стали ходить строем за дровами на специально отведенную для этого делянку.

Нам предстояло освоить 37-мм автоматическую зенитную пушку образца 1937 года. Это был новый образец орудия, к 1 января 1941 года их было изготовлено всего 544. Но в годы войны наряду с 85-мм орудием эта пушка

*Так выглядела пушка,
на которой мы обучались*

являлась основным средством для прикрытия войск от низколетящих и пикирующих самолетов, а при необходимости – и для стрельбы по наземным целям (в этом нам довелось убедиться в дни пребывания на фронте).

Лафет пушки был установлен на четырехколесной повозке с колесами автомобильного типа, обеспечивавший скорость движения до 60 км/час.

Тактико-технические данные 37-мм ав-

томатической зенитной пушки таковы:

- калибр – 37 мм;

- наибольший угол возвышения – 60 °;
- угол горизонтального обстрела – 360 °;
- вес в боевом положении – 2100 кг;
- боевая скорострельность – 60 выстр./мин (техническая – до 180 выстр./мин);
- досягаемость по высоте – 6500 м;
- вес снаряда: осколочно-трассирующего – 0,732 кг;
бронбойно-трассирующего – 0,785 кг.

Расчет орудия, включая командира, состоял из 8 человек, из которых пять номеров находились на платформе станка (два наводчика, два прицельных и заряжающий), два подносчика снарядов и командир – рядом в окопе. Для защиты расчета от пуль и осколков снарядов на пушке с 1943 года устанавливались щиты.

***Именно такой была пушка
нашего расчета***

Мы изучали материальную часть (устройство) пушки, ее тактико-технические данные, правила эксплуатации и обслуживания. Шли упорные тренировки по приведению орудия из походного положения в боевое и из боевого в походное. Нормативы были весьма жесткими – время исчислялось секундами.

Учеба давалась легко, тренировки несравнимы с пехотными маршами и маршбросками. Кроме того, каждый четко сознавал, что это необходимо для выполнения боевых задач и, в конечном счете, для сохранения собственных жизней.

Изучали мы также тактико-технические данные немецких самолетов, в первую очередь истребителей «Мессершмидт-190» и штурмовиков-бомбардировщиков «Юнкерс-87». Учились распознавать их в полете по силуэтам. А чтобы не перепутать их с нашими самолетами, мы изучали и силуэты наших машин.

Проводились практические занятия по инженерному оборудованию огневой позиции, проще говоря, окапыванию: создание орудийного окопа, устройство в нем погребков для снарядов, укрытий для расчета, насыпка из вынутой земли бруствера для защиты от осколков и ружейно-пулеметного огня и, наконец, маскировка от воздушного наблюдения противника. Все это требовало много времени и больших усилий. Обливаясь потом, мы с трудом завершали такую работу. В то время никто и подумать не мог, что на фронте таким же расчетом мы сможем за сутки отрывать по два и даже три таких окопа. Правда, при этом мы меньше всего думали о соблюдении всех параметров (размеров) окопа и его составляющих элементов. Главное – врыться в землю, изготовиться к ведению огня, своевременно начать стрельбу.

Напряженная учеба длилась с утра до позднего вечера. Все элементы отрабатывались до автоматизма. Вместе с тем, нам постоянно напоминали, что мы должны не только в совершенстве знать пушку, но и уметь передать

свои знания новому пополнению, только что прошедшему курс молодого бойца и принявшего военную Присягу, которые эту пушку и в глаза не видели.

Каждого из них необходимо было обучить не только четкому выполнению своих обязанностей, а также взаимодействию, иначе говоря, в случае необходимости заменить другой номер расчета.

Кончалось лето. Ребята, призванные из сельской местности, имели образование 4-6 классов. Теоретический материал они осваивали с трудом, а когда потребовалось назначить двух человек для охраны подсобного хозяйства полка – огорода из нескольких грядок, выбор пал на меня и брата, как наиболее успешно усвоивших учебный материал и имевших образование 9 классов.

Нас обеспечили продуктами (сухим пайком), дали одну на двоих винтовку без патронов и отправили в деревню в 60 километрах севернее Пензы. Деревня находилась недалеко от поселка Лунино.

Мы поступили в распоряжение старшины Бутвинова – начальника этого огорода. Его мы тут же прозвали Бутей. Поселились мы в построенном нашими предшественниками шалаше. Дело было поздним вечером, и мы легли спать, оставив на утро ознакомление с объектом нашей охраны.

Наступило тихое летнее утро. Едва взошло солнце, как по деревне разнеслось мычание коров, сопровождаемое изошренным матом. Это старик-пастух гнал стадо, а хозяйки выгоняли своих коров. Пастух материл поименно каждую корову и все стадо в целом. Это нас шокировало. В нашем провинциальном городке матерились отпетые хулиганы и алкаши, которых знали и презирали добропорядочные жители.

Конечно, казарма – тоже не институт благородных девиц, но то были солдаты, которые в разговорах между собой нередко употребляли крепкие словца.

Скоро, однако, мы убедились, что это обычный лексикон жителей деревни. Матерились все – и стар и млад. Мы были свидетелями того, как мать отчитывала матерными словами свою дочь, уронившую по неосторожности ведро в колодец. По вечерам девушки (взрослых парней не было) под балабайку пели матерные частушки. Вот такой была «культура колхозного села»...

Мы были обязаны охранять от расхитителей поспевающий урожай овощей. «Расхитителями» же были деревенские пацаны и девушки, работавшие на соседнем поле. Девушки сразу же попытались завязать с нами знакомство, стали просить «моркошку и помидорки». Но тут мы проявили бдительность, решительно отказав им. Для этого имелось две причины: во-первых, к девчонкам в то время мы были равнодушными, а, во-вторых, наш Бутя не дремал. Он жил в соседнем доме, контроль был строгим, и мы его побаивались.

Прокол в нашей службе приключился всего один раз. Совершив, как обычно, утренний обход объекта и не заметив ничего подозрительного, мы

принялись за завтрак. В это время на поле появился Бутвинов. Он позвал нас к себе. К нему поспешил Борис-младший.

- Что это такое? – спросил сердито Бутвинов, указывая перстом на грядку.

- Морльковка, – спокойно ответил Борис. К тому времени он еще не научился выговаривать букву «р».

- Где ты видишь морковку?! – загремел старшина и стал выдергивать ботву из лунок. Морковки не было.

- Нет морльковки, – так же спокойно заметил Борис.

Это окончательно взбесило старшину. Разразился громкий скандал. Бутя долго распекал нас, не стесняясь в выражениях. Смысл сказанного состоял в том, что мы никудышные сторожа, и он прогонит нас к такой-то ма-тушке. К счастью, такого права у него не было, а полковое начальство здесь отродясь не появлялось. Этот инцидент скоро был забыт. Наша сторожевая служба продолжалась по-прежнему.

Пока мы сторожили огород, в полку новобранцы приняли военную Присягу. Поскольку мы в то время в полку отсутствовали, к нам приехал командир взвода со специальным бланком, содержащим текст Присяги. Мы по очереди вслух его прочитали и расписались под этим документом. На этом церемония принятия Присяги закончилась. Взводный поздравил нас с ее принятием. Мы подарили ему немного овощей, и он уехал. В наши солдатские книжки была внесена дата принятия Присяги. Мы стали полноправными солдатами.

Вскоре нас возвратили в полк, и мы продолжили службу в нем. Мы совершенствовались знания материальной части, изучали обязанности каждого номера расчета, доводя до автоматизма умение обращаться с оружием. Это было необходимо, так как в боевой обстановке, в стрессовой ситуации времени на размышления не будет.

Как будущие командиры расчетов, мы должны были научиться командовать оружием, руководить стрельбой и корректировать огонь, а также уметь передать свои знания подчиненным, обучить каждого из них выполнению своих функциональных обязанностей.

Управление огнем орудия довольно сложное. Прежде чем открыть огонь, оружие надо привести в боевое положение, если оно находилось в походном. Далее подавалась команда, в которую включались следующие элементы: целеуказание для наводчиков, команду прицельным (их два на орудии): скорость цели (зависела от типа самолета, тактико-технические данные которых командир орудия должен знать «назубок»), дальность до цели (определялась дальномерщиком, но с началом стрельбы его становилось не слышно), курс полета цели, угол его пикирования (кабрирования), вид огня – короткими или длинными очередями. Заряжающий в это время заряжал магазин двумя обоймами. Подносчики со снарядами в руках готовы подавать заряжающему новые обоймы. И в заключение – команда «Огонь!». В дальнейшем командир наблюдал в бинокль за прохождением трасс у цели и вводил

на ходу поправки в данные прицела, добиваясь максимального сближения трасс с целью.

Таким образом, положительный результат стрельбы зависел от слаженности расчета, четкого выполнения каждым номером своих обязанностей. Все это требовало упорных повседневных тренировок.

Осенью мы сдали экзамены. Был издан приказ о присвоении сержантских званий. Мне было присвоено воинское звание «сержант». Этой же осенью я был принят в комсомол.

Здесь же, в Ахунах, формировалась новая 69-я зенитная артиллерийская дивизия, в состав которой вошел и наш 2004-й зенитный артиллерийский полк. В нем мне довелось служить и воевать. Сюда же был назначен и мой брат, только в другую батарею радистом. А меня для начала назначили на должность наводчика орудия.

Командиром нашей батареи стал старший лейтенант Ершов, командиром взвода – лейтенант Туркин. С взводным командиром нам повезло: он отличался покладистым характером, никогда не повышал голоса и был заботливым начальником.

Фамилию командира полка я не помню. Уже в конце войны он погиб, о чем речь пойдет в свое время. Дивизией командовал полковник Свет. Он запомнился необычной фамилией, а также тем, что мои удостоверения к медалям «За взятие Берлина» и «За победу над Германией» были подписаны полковником Светом.

Орудийные расчеты комплектовались за счет прибывающего пополнения. Многие из прибывших были значительно старше нас, сержантов. В состав расчетов поступали также выпускники учебного полка. Они назначались, в основном, на должности наводчиков, от которых во многом зависели результаты стрельбы. Остальных предстояло обучить в оставшееся до отправки на фронт время, как говорится, «начиная с нуля». Каждого вновь прибывшего необходимо было ознакомить с устройством орудия, со своими обязанностями. Начались тренировки уже со штатным составом расчетов. Времени оставалось мало, поэтому занятия шли с утра до вечера с перерывами на обед.

К началу весны мы стали готовиться к вручению полку Боевого Красного Знамени. Проводились занятия по строевой подготовке, учились проходить мимо трибуны торжественным маршем.

И вот наступил день вручения Знамени. В полк приехало высокое начальство. Вместе с командиром дивизии они поднялись на построенную по этому случаю трибуну, и старший из них обратился к собравшемуся перед трибуной личному составу с речью.

Он говорил, что Боевое Красное Знамя вручается полку от имени Верховного Совета СССР. Оно является святыней полка, символом чести, мужества и славы. Оно хранится в штабе, а в бою – в боевых порядках полка. Для полка нет большего позора, чем утрата Знамени, а тем более попадание его в руки неприятеля. В случае утраты Знамени командир полка и лица, непосредственно виновные в этом, предаются суду военного трибунала, а

полк подлежит расформированию. Но даже если полк погибнет, а Знамя будет спасено, под этим Знаменем будет сформирован новый полк с тем же названием.

Старший из прибывших офицеров объявил, что Боевое Красное Знамя от имени Верховного Совета СССР вручается 2004-ому зенитному артиллерийскому полку.

Командир полка со знаменосцем и двумя вооруженными ассистентами вышел перед строем, получил Знамя, преклонив колени, поцеловал его полотнище и передал в руки знаменосца.

Начальник, вручивший Знамя, поздравил личный состав полка с этим знаменательным событием в жизни части. В ответ раздалось тоекратное «Ура!». Знаменосец с ассистентами во главе с командиром полка и в сопровождении знаменного взвода пронесли Знамя вдоль строя полка под возгласы «Ура!» и остановились на правом фланге. Затем полк со Знаменем прошел торжественным маршем мимо трибуны. Стоящие на ней отдавали Знамени честь. Духового оркестра не было, так что маршировали под барабан.

С этого времени в полку появился пост №1 – Знамя части. Для его охраны на этот пост назначались лучшие солдаты и сержанты. Военнослужащие, проходя мимо Знамени части, обязаны отдавать ему честь, а часовой не имел права покинуть пост, хотя бы жизни его угрожала опасность. В случае же пожара или другого стихийного бедствия он был обязан вынести Знамя в безопасное место и продолжать его охрану.

Я подробно описываю эпизод с вручением Знамени и потому, что далеко не всем выпало служить в полку от его рождения до расформирования после войны, быть свидетелем вручения полку Боевого Красного Знамени.

Настали весенние дни. Полк начал готовиться к отправке на фронт. На склады завозились продукты питания, летнее обмундирование, полевые кухни и другое военное имущество. В полк поступали транспортные средства. Нам в качестве тягачей прислали американские машины «Шевроле», в которые погружались ящики со снарядами. Мы получили личное оружие – это были карабины и автоматы ППШ, а также противогазы и каски.

Перед отправкой на фронт в полку были проведены боевые стрельбы из наших пушек. В связи с отсутствием движущихся воздушных мишеней огонь велся по воздушному шару, поднятому над лесом километрах в полутора. Для выполнения упражнения каждый расчет получал по три снаряда на одну короткую очередь. Результат определялся через стереотрубу по величине отклонения трассы от цели. Все расчеты получили положительные оценки, а мы впервые ощутили, что значит оглушительная стрельба наших орудий.

И вот наступил день прощания с Ахунами. К железнодорожной платформе подали эшелон с товарными вагонами и открытыми платформами для погрузки техники. Часть вагонов-«теплушек» были оборудованы нарами и печками-«буржуйками», поскольку по ночам было еще холодно.

Автомашины на платформах закреплялись деревянными колодками и проволочными растяжками. Орудия устанавливались в боевом положении и зачехлялись. Здесь же закреплялись ящики с боеприпасами.

По мере приближения к зоне действия немецкой авиации на орудиях стали дежурить сокращенные расчеты, обеспечивая прикрытие эшелона от нападения воздушного противника. Эшелон двигался, как правило, в темное время суток и в нелетную погоду. Нам повезло: до прибытия к месту назначения – западнее городка Дубно Ровенской области – нас ни разу не бомбили.

Ночью мы выгрузились на каком-то полустанке и укрылись в лесном массиве. Мы были предупреждены о необходимости соблюдения тщательной маскировки и о запрете курения в ночное время. За горизонтом слышались раскаты артиллерийской стрельбы, а небо озарялось вспышками осветительных ракет.

Итак, мы прибыли в зону боевых действий. Вскоре командный состав был вызван для постановки боевой задачи, а на следующую ночь мы выдвинулись на наши огневые позиции и приступили к окапыванию. До рассвета оставалось мало времени, а нужно было отрыть орудийные окопы, закатить туда орудия, привести их в боевое положение и замаскироваться.

Казалось, что совсем рядом взлетали осветительные ракеты и с немецкой, и с нашей стороны, раздавались пулеметные очереди, но пули пролетали над нами. Огонь велся, по-видимому, по ранее разведанным целям.

Наступили фронтовые будни.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Начиная рассказ о фронтовых буднях, хочу заметить, что мой рассказ основан, главным образом, на личных воспоминаниях о событиях, участником и свидетелем которых мне довелось быть. Но это взгляд из орудийного окопа или через оптику орудийного прицела. Только годы спустя, читая мемуары военачальников и изучая в военной академии историю минувшей войны, я смог в полной мере понять логику, значение и масштабы событий тех далеких лет. К тому же я не располагаю архивными материалами, поэтому заранее прошу прощения за возможные неточности в датах и названиях мест, где происходили отдельные эпизоды. В моем рассказе нет вымышленных имен и ситуаций. Всё факты я подаю так, как они отложились в моей памяти.

Нам, солдатам призыва 1943 года, не довелось испытать на себе всю горечь отступлений и связанных с ними трудностей. К 1943 году фашистская машина была изрядно потрепана в сражениях под Москвой, Сталинградом, Курском и в других крупных операциях. К тому времени наши войска освободили левобережную Украину и вступили в пределы ее западной части. Нас предупредили, что на территории Западной Украины активно действуют банды украинских националистов – бандеровцев, которые охотились за советскими солдатами. Но пока здесь находились регулярные части Красной Армии, они не решались на открытые выступления, а действовали небольшими группами, нападая, главным образом, на проявлявших роковую беспечность одиночных солдат и офицеров.

Так погиб командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф.Ватутин. 29 февраля 1943 г. генералы Ватутин и Крайнюков в сопровождении охраны из 8 человек выехали из города Ровно в район Славутича. На окраине села Милятын собралась толпа людей, слышались выстрелы. Ватутин приказал остановить машины и разобраться, что там происходит. Внезапно из окон домов раздались ружейные выстрелы. Это были бандеровцы. Машины развернулись, увозя раненого генерала. От большой потери крови Ватутин скончался. Он похоронен в Киеве, который освобождал от немецких оккупантов.

После ухода регулярных частей Красной Армии дальше на запад активность бандеровцев заметно возросла. Во время своих вылазок они уничтожали государственных служащих, активистов и всех, кто помогал властям или просто сочувствовал советской власти.

Так кто же такие бандеровцы? Передо мной лежит брошюра некоего Петра Полтавы. Она озаглавлена "ХТО ТАКІ БАНДЕРІВЦІ ТА ЗА ЩО ВОНИ БОРЮТЬСЯ". Она вышла в свет в 1950 г. подпольно в Дрогобыче и была переиздана уже легально в 1991 году во Львове. Там я ее и купил. Ее автор убеждает читателей в том, что бандеровцы не были предателями и бандитами, а являлись борцами за счастье украинского народа. Он пишет: "...мы, бандеровцы, никогда не сотрудничали с немцами, как о нас врут большевистские враги народа... С первых дней оккупации Украины гитлеровцами

ОУН во главе с Бандерой повела против них активную борьбу". Далее Полтава пишет: "В августе 1941 г. ОУН во главе с Бандерой учредила Правительство и провозгласила независимость Украинского Государства*)".

По-видимому, для того, чтобы показать, «кто в доме хозяин», оккупационные власти тут же арестовали как С. Бандеру, так и главу этого «правительства» Я.Стецько.

Но вот что удивляет. Всех тех, кто боролся против немцев или хотя бы помогал партизанам и бежавшим пленным советским солдатам, немедленно казнили без всякого суда. А вот Бандера и его сподвижники вскоре оказалась на воле. Как, когда и почему, автор умалчивает. Но явно не за «найрадикальнішу протиокупантську боротьбу», которую пан Полтава приписывает пану Бандере. Известно, что гитлеровцы относились благосклонно только к тем, кто им верно служил. Более чем очевидно, что бандеровцы были предателями, которых немцы использовали для расправы с настоящими патриотами, боровшимися против немецких захватчиков. Их руки обогреты кровью невинных жертв.

И вот теперь, спустя более полувека, они требуют признания их «заслуг» в борьбе против фашистских оккупантов и предоставления им льгот наравне с участниками Отечественной войны.

Впрочем, с бандитами мы не воевали. Борьбу с ними вели части МВД и подразделения КГБ. Мы же выполняли совсем другие задачи, о которых дальше пойдет речь.

Вернемся к рассказу о том времени. Итак, 1944 год начался с проведения крупных войсковых операций. Зимняя кампания прошла весьма успешно. На протяжении 400 километров была восстановлена государственная граница СССР, и наша армия вступила на территорию стран - противников.

Германия несла большие потери: 30 дивизий были уничтожены, а некоторые были расформированы, так как урон, нанесенный нашей армией, был невосполним. Вермахт потерял более миллиона солдат и офицеров, 20 тысяч орудий и минометов, 8400 танков и САУ, около 5 тысяч самолетов. Линия фронта впервые прошла по вражеской территории, и открылась возможность продвижения советских войск вглубь Европы.

Армия готовилась к новым боям. В конце апреля 1944 года командующим 1-м Украинским фронтом был назначен Маршал Советского Союза И.О.Конеv. Шла подготовка к весенне-летней кампании. Подтягивались и вновь формировались военные части, усиливались артиллерийские, бронетанковые полки, истребительные и штурмовые эскадрильи. В распоряжение фронтов стали поступать зенитные артиллерийские дивизии. Одной из этих дивизий была и наша 69-я дивизия резерва Главного командования, в состав которой входил и 2004 зенитно - артиллерийский полк, в котором я служил. Нашей задачей было прикрытие войск, следующих боевым порядком, от воздушных сил противника.

---

*) - перевод с украинского Б.П.

В период продвижения наших войск на запад Ставка позаботилась об усилении зенитных средств: каждая батарея была укомплектована ещё одним взводом – двумя орудиями. Поступило и пополнение солдат, в основном призванных из освобожденных районов Украины. Командирами орудий назначались выпускники учебного полка. Так я стал командиром орудия (до этого времени я был наводчиком).

Предстояло в краткие сроки обучить прибывшее пополнение. Эта задача возлагалась, главным образом, на командиров орудий. Батарея была поставлена на боевое дежурство, и расчеты находились у своих орудий в постоянной готовности к ведению огня. Поэтому обучение проводилось индивидуально.

Прибывшие в батарею солдаты были от 30 лет и старше. Для нас, 17 - 19 - летних сержантов они были "стариками". Но надо отдать им должное: к обучению и службе они относились весьма старательно, беспрекословно выполняли любое приказание, а свое орудие содержали в образцовой чистоте и порядке. Они прекрасно понимали, что от этого зависит их жизнь. Кроме того, они считали, что им крупно повезло в том, что они попали в артиллерию, а не в пехоту, где вероятность погибнуть была неизмеримо больше. Обучая новобранцев, мы были вынуждены сочетать занятия по изучению теории, правил ухода за пушкой, правил стрельбы с практикой ведения огня по реальным самолетам противника.

Поскольку шла напряженная подготовка к очередному наступлению, на нашем участке фронта наступило относительное затишье, что в сводках Информбюро называлось "боями местного значения". Перегруппировка войск проводилось, как правило, в темное время суток и при нелетной погоде. Но, несмотря на это, наш участок фронта все же находился под пристальным вниманием немецкой разведки.

Много неприятностей нам доставили пикирующие немецкие бомбардировщики «Юнкерс-87 (Ю-87), являвшиеся в то время самыми массовыми самолетами немецкой фронтовой авиации. Мы называли их «лапотниками», поскольку шасси у них не убирались, а были упрятаны в обтекатели и в полете напоминали ноги, обутые в лапти. Этот самолет имел на борту два 7,2- мм пулемета, экипаж из 2-х человек и мог нести до 500 кг бомб. Дальность полета – до 1000 км, максимальная высота полета до 5 км, скорость полета с боевой нагрузкой 310 км/час. Действовали они в районах коммуникаций в прифронтовой полосе, бомбили воинские эшелоны, идущие к фронту. При обнаружении скоплений войск совершали налеты. Обнаружив цель, самолеты перестраивались в «карусель» и поочередно пикировали, сбрасывая бомбы и обстреливая объекты из пулеметов.

Когда «юнкеры» приближались к нашим позициям, звучала команда «К бою!», расчет немедленно занимал свои места у орудия, и начиналась боевая работа. На прилагаемом снимке показана боевая работа расчета 37-мм зенитной автоматической пушки (броневым щитом она не оборудована). На вра-

Орудие ведет огонь

в прицел. На заднем плане стоит один из двух подносчиков с обоймой из пяти снарядов в руках.

В бою обязательным было ношение стальных касок. Помимо всего, это было обусловлено еще и тем, что снаряды зенитного орудия взрывались в воздухе. Те из них, что пролетали мимо цели, чтобы не поразить своих, через 10-15 секунд самоликвидировались (взрывались), осколки сыпались на землю. Зенитчики стреляли не в сторону наземного противника, а туда, где находились воздушные цели, так что осколки постоянно падали вокруг батареи.

В апреле - мае 1943г. войска Белорусского фронта достигли значительных успехов, что создало выгодные условия для наступления на 1-м Украинском фронте. Здесь была создана мощная группировка войск. Было сосредоточено 80 дивизий, 2200 танков и САУ. Сухопутные войска поддерживала воздушная армия (2806 самолетов). Всего же с участием тыловых частей было задействовано 1 млн. 300 тыс. человек. Такого сосредоточения сил и средств не было ни на одном фронте за все время войны. Но, конечно, тогда мы об этом не знали.

Значительная часть этих сил была переброшена на участок Луцк – Тернополь. Здесь же находилась и наша дивизия.

Радио ежедневно приносило радостные вести с фронтов. В частях царило приподнятое настроение. Все говорило о готовящемся наступлении.

И вот долгожданная команда «Отбой, в поход!» Быстро привели орудия в походное положение. Погрузили в тягачи ящики со снарядами, сложили имущество. С наступлением темноты колонна тронулась в путь. Ехать пришлось недалеко: фронт рядом. Нас встретил офицер, который показал заранее обозначенные места установки орудий.

Со стороны противника слышались редкие пулеметные очереди, часто взлетали осветительные ракеты, заливая окрестности ярким светом. Курить и шуметь было запрещено. Молча приступили к окапыванию. Работа шла споро, и к рассвету орудийные дворики (окопы) были готовы и замаскированы. Вскоре стало светать. А когда рассвело, мы с удивлением увидели, что нас

окружает неопишуемая красота: все поле было усеяно цветущими алыми маками. Однако долго любоваться ими нам не пришлось...

Тишину раннего утра прервал оглушительный грохот. Это заработали «Катюши», огневые позиции которых накануне расположились за нами. Ракеты пролетали прямо над головами, оставляя после себя огненно-дымные следы. Израсходовав боезапас, машины развернулись и уехали. За горизонтом еще не прекратились взрывы ракет, когда почти без всякой паузы со всех сторон грянули артиллерийские залпы. Как, образно писал Лермонтов «...и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой...» Мы были буквально ошеломлены. Прибыв ночью, мы не могли себе представить, насколько много вокруг было артиллерии и минометов всех систем и калибров.

Воздух заполнился дымом, резким пороховым запахом. Артподготовка продолжалась около часа. Немецкая артиллерия попыталась вести ответный огонь, но он вскоре был подавлен. Над полем боя появились немецкие «Юнкерсы», которые пытались помешать вступлению в сражение танков. Наша батарея открыла огонь.

До этого нам приходилось стрелять по одиночным самолетам-разведчикам, которые, попадая в зону зенитного огня, старались ее обойти, или самолетам, летевшим после выполнения заданий в нашем тылу.

Это был наш первый настоящий бой, когда стреляли не только мы, но бомбили и обстреливали нас. И хотя на этот раз мы потерь не понесли, психическая и эмоциональная нагрузки были запредельными, мы испытали настоящий шок. В этой обстановке вряд ли можно было рассчитывать на успех. Но, как бы там ни было, наше боевое крещение состоялось.

Вскоре артиллерия перенесла огонь вглубь обороны противника. На большой скорости понеслись вперед танки с пехотой на броне, стреляя на ходу из пушек и пулеметов. Немцы попытались организовать сопротивление, но безуспешно: слишком велик был перевес наших сил, слишком велики были потери врага.

В небе появились наши штурмовики и прикрывавшие их истребители. Штурмовики действовали на малых высотах. По своим боевым характеристикам они значительно превосходили немецкие «Юнкерсы» – как по вооружению, так и по броневой защите. Наш ИЛ-2 (Илюшин) имел на вооружении две 23-мм пушки, два 7,62-мм пулемета, 12,7-мм крупнокалиберный пулемет, который обслуживался стрелком-радистом, прикрывавшим самолет со стороны хвостовой части. Штурмовик имел на борту 4 или 8 (в зависимости от калибра) РС (реактивных снарядов) и мог нести 400-600 кг бомб. Иногда это были кассеты, начиненные множеством небольших мин, высыпавшихся на головы противника. В довершение ко всему самолет имел броневую защиту экипажа и бака с горючим, за что в народе был прозван «летающим танком». Он наводил ужас на немецких солдат. «Шварцен тодт» – «черная смерть» – так они его называли.

«ИЛы» обрабатывали передний край, обеспечивая продвижение пехоты и танков, подавляя оставшиеся очаги сопротивления. Эти машины отличались необычайной живучестью. Когда они пролетали над нами, возвращаясь

с задания, через пробоины в плоскостях было видно небо. Но они долетали до своих баз и после ремонта возвращались в строй.

Артиллерийские части поочередно передвигались на запад. Вместе с ними двинулись вперед и мы. И вскоре вышли на рубеж, где ранее проходил передний край обороны противника. То, что мы увидели, глубоко нас поразило. Вся местность была перепахана взрывами, усеяна трупами, разбитой техникой, остатками оборонительных сооружений. Казалось, что здесь не могло остаться ничего живого. Но, оказывается, живые были. Немецкие солдаты находились в полной прострации, молча смотрели по сторонам и ни на что не реагировали.

Колонны войск продвигались вперед, почти не встречая сопротивления. Изредка прилетали самолеты, по которым мы открывали огонь, и они, сбросив бомбы, чаще всего мимо цели, тут же улетали.

Позже нам стало известно, что в районе Брод было окружено 8 немецких дивизий. К середине июля войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника на протяжении 200 км, продвинулись вперед на 50-80 км и, форсировав Западный Буг, вступили на территорию Польши.

Поляки встретили нас без особого энтузиазма, хотя за освобождение Польши польские солдаты сражались рядом с советскими воинами. Причиной тому, по-видимому, были непростые отношения, исторически складывавшиеся между нашими странами.

Прежние польские правители, бросившие свой народ и бежавшие в Лондон, не хотели терять власть. Пользуясь поддержкой Англии и США, они сформировали в эмиграции польское «правительство». Это «правительство» спровоцировало восстание варшавян 1 августа. Задачей этого восстания было опередить вступление в Варшаву советских войск и провозгласить в Польше власть правительства, находившегося в Лондоне. Восстание было плохо подготовлено, и немцы его жестоко подавили. Погибли многие тысячи граждан, поверившие авантюристам. По приказу Гитлера Варшава была разрушена.

В те дни 1-й Украинский фронт вел тяжелые бои и не мог оказать помощь восставшим, так как эти выступления не были согласованы с нашим командованием. Военские части нуждались в пополнении, обеспечении горючим и боеприпасами. Необходимо было произвести перегруппировку войск. Полякам было предложено отложить восстание, но они не прислушались. После подавления восстания немцами нас обвинили в нежелании оказать помощь восставшим.

В конце августа поступило распоряжение Ставки выйти к реке Висла, захватить плацдарм на противоположном берегу и овладеть городом Сандомир. В своих мемуарах маршал Жуков отмечает исключительную смелость, слаженность и взаимодействие всех родов войск при форсировании Вислы. В этом решающую роль играли инженерные части, оборудовавшие свыше тридцати понтонных, мостовых и паромных переправ.

Немецкая артиллерия и особенно авиация делали все, чтобы не допустить форсирование реки. Налеты следовали один за другим, а с наступлением темноты над рекой повисали осветительные ракеты, и обстрел продол-

жался. Наша батарея вынуждена была вести практически непрерывный огонь. Несколько самолетов было сбито, часть повреждена, а остальные, сбросив бомбы, повернули обратно. После этого наступила пауза, а затем все повторилось. Огонь был настолько плотным, что невозможно было понять, чей снаряд попал в цель.

Форсирование Вислы проходило успешно. Израсходовав свои резервы в Львовско-Сандомирской операции, немецкое командование не могло сорвать наступление 1-го Украинского фронта, хотя в ход были пущены все силы.

Расчет противника был, прежде всего, на авиацию. Над плацдармом и на подступах к нему постоянно дежурили немецкие самолеты-разведчики «Фокс-Вульф - 189» – наиболее совершенные машины такого класса. Это был двухфюзеляжный самолет, прозванный «рамой». На его борту имелся комплекс оптической разведывательной аппаратуры и средства связи. При сравнительно малой скорости (375 км/час) он имел потолок (высоту полета) 7300м и был практически неуязвим для наших 37-мм пушек. Как признал в своих мемуарах маршал Конев, таких машин тогда у нас не было. Эти самолеты имели возможность корректировать огонь артиллерийских батарей. И когда в небе появлялась «рама», все знали – жди авиационного или артиллерийско-минометного налета.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, к 13 августа Сандомир был взят. Плацдарм к этому времени имел размеры 75 км по фронту и 55 км в глубину. К 20 августа Львовско-Сандомирская операция была завершена. Фронт перешел к обороне, готовясь к последующему броску от Вислы к Одеру.

За активные боевые действия по овладению плацдармом нашему 2004 зенитному артиллерийскому полку было присвоено почетное звание «Сандомирского».

На западном берегу Вислы создавалась группировка, названная Сандомирским плацдармом, который на тот момент являлся самым мощным плацдармом на этой реке. Именно отсюда планировался прорыв прочной обороны противника. Здесь были сосредоточены крупные силы. На нашем фронте насчитывалось около миллиона 200 тысяч человек личного состава, 3660 танков и САУ, более 3660 орудий и минометов (эти цифры взяты из книги И.С. Конева «Сорок пятый»).

Итак, плацдарм был буквально заполнен войсками. Проводилась огромная работа по его инженерному оборудованию: надо было иметь достаточное количество переправ и укрытий для войск. Было проложено 1500 км траншей и ходов сообщения. Чтобы наша группировка еще в исходном положении не оказалась под ударом вражеской авиации, необходима была надежная противовоздушная оборона. Ее осуществляла истребительная авиация и мы, зенитчики-артиллеристы.

После форсирования Вислы наш полк некоторое время обеспечивал прикрытие наступающих войск. А с переходом к обороне возвратился к месту переправы для охраны возведенного на этом участке моста, по которому

непрерывным потоком шли грузы и техника, необходимые для предстоящего наступления.

Немецкая авиация регулярно совершала налеты на переправы, пытаясь разрушить мосты. Поэтому нам неоднократно приходилось отражать эти попытки. Надо заметить, что эта задача успешно выполнялась, и ни одна бомба в мост не попала.

Мы оборудовали огневую позицию на высоком левом берегу, что обеспечивало круговой обзор. Здесь же были сооружены убежища для людей и укрытия для боеприпасов и прочего имущества, организовано круглосуточное наблюдение за воздухом и дежурство сокращенных расчетов непосредственно на орудиях.

Наступил период относительно спокойной жизни, продолжавшийся вплоть до января 1945г. и нарушавшийся лишь регулярными полетами самолетов-разведчиков да редкими бомбежками по целям, выявленным ими. Это время мы использовали для совершенствования боевых навыков.

Фронтальная жизнь шла своим чередом, со своими радостями и заботами. Мы получали редкие письма - треугольники со штампами «Просмотрено военной цензурой». Надо отдать должное полевой почте. Она работала не в пример нынешней. В то непростое время, когда порой приходилось догонять адресата, ушедшего с фронтом на многие километры вперед, письма приходили регулярнее, чем сегодня в мирные дни. А приходили они со всех концов Советского Союза.

А теперь мне хотелось бы на частном примере нашей батареи рассказать о том, как складывались отношения между солдатами разных национальностей. Сразу хочу отметить, что никаких межнациональных конфликтов у нас не возникало. Солдаты охотно делились воспоминаниями о своих обычаях, праздниках, традициях. О репрессиях, осуществляемых по отношению к некоторым народностям, мы в то время не знали.

Для выселения в Сибирь чеченцев, крымских татар и некоторых других народностей были свои объективные причины, хотя дело не обошлось без существенных перегибов, о которых стало известно уже после войны. Оправдать их нельзя, но понять вполне можно. Сегодня говорят, что виновным человека может признать только суд. По сегодняшним меркам Постановление ГКО от 19 ноября 1941 г. о введении в Москве чрезвычайного положения незаконно. Оно предусматривало расстрел за бандитизм, шпионаж и ряд других преступлений на месте без суда. Но война диктовала свои законы, и они были суровы.

Расскажу о тех, с кем довелось теснее всего общаться и дружить. Они на всю жизнь остались в моей памяти. И хотя после войны ни с кем из них не довелось встретиться, я помню их по фамилиям, а многих и по именам.

Подносчиком снарядов на нашем орудии служил узбек Газиев Аламджан. Скромный, добрый, но совсем неграмотный колхозник из Андижанской области Узбекистана. Он часто просил меня написать письмо его родным. Когда было свободное время, я соглашался. Он диктовал по-узбекски, а я записывал русскими буквами (узбекская письменность, как у многих язы-

ков других союзных республик, тогда была основана на кириллице). Письмо Аламджана состояло в основном из перечисления имен его многочисленных родственников, а после каждого имени следовало «саганып салам», что означало «передать привет». Затем он диктовал несколько фраз на его родном языке и все. Листок сворачивался треугольником и писался адрес. Письмо было готово к отправке.

Аламджан приглашал меня в гости, когда кончится война: «Гостем будешь. Барашка резать будем, плов и шашлык кушать будем». Не довелось. Зимой 1945г. на марше, обгоняя нас, танковая колонна прижала нашу машину с пушкой на прицепе к обочине. Машина опрокинулась, все посыпалось из кузова, и ящик со снарядами сломал Газиеву руку. Его отправили в госпиталь, и больше я о нем ничего не слышал. Для него война на этом закончилась, победа была уже близка.

Наводчик рядовой Михаил Ионычев, родом из Поволжья. Балагур, любил пошутить, не прочь был выпить. Наркомовских ста граммов ему не хватало, и он всегда искал желающих, кому отдать свою порцию сегодня, чтобы завтра выпить две. Однако пьяным я его никогда не видел, службу он нес исправно и наводчиком был неплохим.

Любил он подшутить над своим другом Газиевым: «Аламджан, ты мусульманин, тебе тушенку есть нельзя, она свиная, отдай ее мне». На что Газиев отвечал: «Буду есть тушенка и сто грамм буду пить, и мне аллах простит. А тебя твой бог накажет, потому, что ты плохой человек». Этим «межнациональный конфликт» исчерпывался, и служба продолжалась своим чередом. Никаких обид не было.

Рядовой Иванюк, украинец, заряжающий. Физически крепкий, невозмутимый и добродушный, обладающий чисто украинским юмором. Был готов выполнять любую работу и в любую минуту придти на помощь товарищу. Свой агрегат он доводил до зеркального блеска и гордился, когда его за это хвалили.

Командиром отделения управления был еврей – старший сержант Миттельман. Человек всесторонне образованный, к тому же владевший немецким языком. В его подчинении находились радист, телефонисты, разведчики, связные. Был он незаменимым помощником командира батареи капитана Ершова. Лучше комбата умел он пользоваться топографической картой, в какой-то степени устаревшей, ориентироваться на местности, уточняя необходимые сведения у местных жителей. Все это входило в круг его повседневных служебных обязанностей.

Миттельман прилично играл на пианино и пел под собственный аккомпанемент. Популярной была песенка «Канонир», которая исполнялась на музыку Дунаевского к кинофильму «Дети капитана Гранта». Речь шла о канонире (канонир – это рядовой немецкий артиллерист), который объездил «целый мир», но ни разу не встретился с «Катюшей», а встреча с ней повергла его в шок. Заканчивалась песня словами:

Канонир, канонир, не грустите,

Не печальте веселого дня,
Канонир, поскорей драпаните –
Только драпом вы спасетесь от огня!

Песенка, разумеется, не шедевр, но была в то время актуальна и нравилась слушателям.

Одно время командиром нашего взвода был старший лейтенант Джоджуа – грузин. Отличался он тем, что при любой бомбежке и обстреле, команда взводом, никогда не спускался в окоп, а сидел, спустив в него ноги. Прячется от огня он считал проявлением трусости.

Был у нас и казах – Аманов, единственный из солдат и сержантов член Коммунистической партии. Это был очень добросовестный и исполнительный человек, никогда не стремившийся стать «руководящей и направляющей силой» общества, а в связи с малограмотностью он не мог проводить в жизнь «генеральную линию партии».

Не могу не рассказать еще об одном товарище – сержанте Исечко, химическом инструкторе батареи. Эта должность была введена в связи с угрозой возможного применения немцами химического оружия. А они готовились к его использованию, проводя испытания в концлагерях, например в польском Майданеке. Но война вошла в их собственный дом, и это удерживало немцев от такой авантюры.

В обязанности химинструктора входило обучение солдат правилам пользования средствами защиты от отравляющих веществ (ОВ) – противогазом, защитной накидкой и ИПП – индивидуальным противохимическим пакетом. А также ознакомление с поражающими свойствами ОВ. К этим занятиям, кроме самого химинструктора, никто всерьез не относился. А вообще эта должность считалась безопаснее других, потому что не связанный с боевой работой химинструктор мог находиться в укрытии. Его часто использовали при штабе полка на дежурствах и в качестве порученца для доставки донесений и почты адресатам. Сержант Исечко, отправленный с донесением в штаб полка, попал под минометный обстрел и был убит разорвавшейся рядом миной.

Реже погибали те, кто работал на орудиях, так как пушка чаще всего стояла в окопе. Кроме того, расчет с трех сторон прикрывался броневым щитом и мог быть поражен только прямым попаданием снаряда или мины. К счастью, в нашей батарее этого не случилось.

Иногда спрашивают, страшно ли было на войне? Однозначного ответа на этот вопрос нет. К смертельной опасности у каждого свое отношение. Оно зависит от характера, жизненного опыта, убеждений, умения преодолеть чувство страха и т.д. Я уже рассказывал о том впечатлении, которое произвел на нас первый бой. Человек привыкает ко всему, в том числе и к смертельной опасности, но, конечно, не к самой смерти.

Перед войной популярной была песня «Орленок» и в ней были такие слова:

Не хочется думать о смерти, поверьте,

В шестнадцать мальчишеских лет...

Нам в то время исполнилось по 17-18 лет и о смерти не думалось. Солдаты старших возрастов не могли не думать о семьях. Но главным для каждого все же было чувство долга, которое сегодня называют словом «патриотизм», что переводится как любовь к Родине, Отечеству. За этими громкими словами стояли повседневные дела и тяжелый труд. Но были люди, в душах которых жил патологический страх. Они не были трусами, но совладать с собой не могли.

В нашей батарее был такой человек – телефонист Кузнецов. Он не скрывал того, что боится смерти. Может быть, это было роковым предчувствием. Оно его не обмануло. Его убило шальным снарядом, залетевшим на батарею в относительно спокойный период. И хотя рядом было несколько человек, никто, кроме него, не пострадал.

Наступил 1945 год. Завершилась подготовка к Висло-Одерской операции, начало которой, как стало известно позже, было намечено на 20 января. Для того чтобы ввести противника в заблуждение относительно места проведения операции, изготовили полторы тысячи макетов танков, орудий, автомашин и расставили на ложных участках. Операция удалась: по этим участкам противник нанес ряд мощных артиллерийских и бомбовых ударов.

Погода стояла нелетная. Шел сильный снегопад, затруднявший не только действия противника, но и продвижение наших войск. Наш полк получил приказ выдвинуться к линии фронта и оборудовать новые позиции. На марше произошла авария, о которой упоминалось ранее. Та самая, во время которой получил травму и был госпитализирован рядовой Газиев. Пострадала и пушка. Было выведено из строя прицельное устройство, и дал трещину броневой щит. Орудие вместе с расчетом было отправлено в полковую мастерскую на ремонт. Прицел был заменен, щит заварен автогенной сваркой. На это ушло два дня. Это был единственный случай за всю зиму 1944-45г.г., когда нам удалось переночевать не в поле, а в помещении.

Эти дни запомнились и тем, что тогда я встретил земляка-старобельчанина, отчима моей одноклассницы Князевой. Звали ее, кажется, Зоей. Приятно было вспомнить мирную жизнь, общих знакомых. Мы выпили по рюмке за встречу и, как водится, за победу, за здоровье всех живых.

Вскоре за нами прибыл офицер из полка, который должен был сопровождать нас в батарею. Именно от него мы узнали о гибели нашего друга химинструктора сержанта Исечко.

Вернувшись, мы приступили к обустройству орудийного окопа. Едва мы успели закончить работу, как «заиграли» «Катюши», и еще до рассвета началась мощная артиллерийская подготовка, продолжавшаяся с небольшим интервалом более полутора часов.

Была низкая облачность, шел сильный снег, самолеты не летали, и временно мы остались без работы. Наши войска остались без авиационной поддержки, но в то же время не подвергались налетам вражеских штурмовиков.

Висло-Одерская операция началась 12 января, значительно раньше назначенного срока. Чтобы понять причину этого переноса, необходимо вер-

нуться к событиям конца 1944г., когда войска союзников на западе Европы в Арденнах попали в трудное положение и понесли значительные потери. 6 января Черчилль был вынужден обратиться за помощью к Сталину с письмом, в котором в частности говорилось: «Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю дело срочным». Уже на следующий день 7 января Сталин ответил Черчиллю: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников... Ставка решила открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января».

Итоги этой переписки известны: менее чем через пять суток, на рассвете 12 января началась Висло-Одерская операция.

На участке прорыва было все буквально перепаханно. И не удивительно, если принять во внимание, что на один километр фронта здесь по противнику били 250-280 орудий, не считая пушек и минометов мелких калибров.

Изменились и способы ведения боевых действий. Если раньше немецкие части, оказавшиеся в нашем тылу, окружались и уничтожались, то теперь командование пришло к выводу о том, что при стремительном продвижении вперед главных сил, эти группы рано или поздно все равно будут уничтожены. Это было особенностью Висло-Одерской операции и вообще последнего периода войны.

Но это не значило, что остатки немецких частей не представляли угрозы нашим войскам. Часто обстановка складывалась так, что наши части продвигались вперед, а в тылу оставались довольно мощные немецкие группировки. Нанося удары по нашим тылам, они стремились прорваться к своим главным силам. Это сдерживало продвижение наших войск.

Так случилось у Ченстохова, а еще раньше у города Кельце. Особенно опасным это было, когда в нашем тылу оставались подвижные механизированные и танковые группы противника. Нередко мы получали предупреждения о действиях этих групп на каком-либо участке. Для нас наиболее безопасным было двигаться вплотную к танковой или механизированной колонне или в их составе.

Забегая вперед, скажу, что уже на территории Германии в подобной ситуации погиб наш командир полка (его фамилию я забыл). А вот ехавшего с командиром и тоже погибшего старшего лейтенанта Любимова – секретаря комсомольской организации полка – я знал хорошо, был с ним лично знаком. Его подпись об уплате членских взносов осталась в моем комсомольском билете, который хранится в Балашихинском историко-краеведческом музее. Командиром полка был назначен майор Нечаев, который командовал им до конца войны.

Темпы нашего наступления были очень высоки: за шесть суток оборона противника была прорвана по фронту на 250 км и в глубину до 120 км. Такую глубину прорыва обеспечили успешные действия нашей артиллерии,

удары которой поражали противника на расстоянии 20-22 км, а с улучшением погоды и действиями нашей штурмовой авиации.

Но вражеская армия все еще была сильна, ее сопротивление не было сломлено. Немецкие солдаты отличались дисциплинированностью и стойкостью. Объяснялось это и тем, что геббельсовская пропаганда уверяла солдат, что русские не оставят от Германии камня на камне, а всех пленных угонят в Сибирь. Кроме того, к концу войны усилились репрессии за проявление малодушия и трусости.

Заметное влияние на солдат оказало наступление немцев в Арденнах. Их пропаганда утверждала, что победа над войсками США и Англии позволит Германии заключить с ними сепаратное соглашение, которое в свою очередь позволит бросить все силы на восточный фронт и обеспечит перелом в ходе войны.

Если говорить о личных впечатлениях от этой операции, то в памяти отложились частые броски вперед на 6-10 км, непрерывные отражения налетов немецкой авиации, взрывы бомб и оглушительная стрельба наших автоматических орудий, от которой закладывало уши.

Об экономии снарядов речь не шла. Больше спрашивали, почему израсходовали мало снарядов, допустили пролет самолетов и бомбежку колонны или переправы. Снаряды едва успевали подвозить. Тылы отставали от передовых частей, а задержка доставки боеприпасов была связана с большими неприятностями для офицеров тыла.

Снарядов требовалось огромное количество. Уже после войны было подсчитано, что средний расход снарядов на один сбитый самолет противника составлял 905 штук, а их только малокалиберной артиллерией было уничтожено 14657 единиц (Источник – Гл.архив.зен.арт.72 к).

Так начинался февраль 1945 года. Немцы спешно перебрасывали свои войска с западного фронта на восток, на выручку своим армиям, разгромленным в Висло-Одерской операции. А войска 1-го Украинского фронта готовились к новым сражениям.

В результате январского наступления Красная Армия освободила западную Польшу. Боевые действия были перенесены на территорию Германии, государства, которое ввергло человечество в мировую кровопролитную войну. Над дорогой, по которой проходили войска, красовался плакат: «Вот оно логово фашистского зверя». Это нас воодушевляло. В некоторых местах была форсирована река Одер. До Берлина оставалось менее 100 километров.

Противник лихорадочно закреплялся, чтобы не допустить проход советских войск вглубь Германии, одновременно готовясь нанести ответный контрудар. Скорость продвижения наших войск резко упала. Причин было несколько. Начал ощущаться недостаток горючего, боеприпасов, продовольствия. Для подвоза огромного количества грузов на большие расстояния требовалось восстановить железные дороги (расширить колею). Наконец, люди нуждались в отдыхе, а техника требовала ремонта и пополнения. Наступление приостановилось, снова наступила передышка, но на отдельных участках фронта боевые действия продолжались.

В этот период нашей зенитной батарее впервые довелось вести огонь по пехоте противника. Совершая марш, мы остановились восточнее города Форст. По приказу командира полка несколько машин было отправлено на полевой склад за боеприпасами. Чтобы не останавливать передвижения в заданный район, командир батареи принял решение двигаться дальше, оставив часть орудий с тем, чтобы перевезти их во вторую очередь.

Хотя погода была не летняя, и воздушного нападения не ожидалось, мы привели орудия в боевое положение. Часть батареи, миновав небольшую возвышенность, скрылась за поворотом. Минут через пятнадцать оттуда слышалась стрельба наших зенитных автоматических пушек. Нам это показалось странным, так как самолетов было не видно, а трассирующие снаряды пролетали у нас над головами.

Картина прояснилась, когда на гребне высоты через бинокль стали видны немецкие солдаты, бегущие в нашу сторону в шинелях нараспашку, пытаясь укрыться от огня за высотой. Когда же и мы открыли огонь, они поняли безысходность своего положения, бросили оружие и подняли белый флаг, видимо припасенный ими заранее.

Это были остатки разгромленных немецких частей, стремившихся прорваться из окружения к своим. Было их несколько десятков человек. Их передали подоспевшим пехотинцам, помощь которых нам не потребовалась. За эту операцию командир нашей батареи капитан Ершов был награжден орденом Красного Знамени.

Немцы не могли смириться с частичной потерей Силезского промышленного района, их «второго Рура». В течение февраля они несколько раз пытались переходить к активным действиям, одновременно укрепляя свой передний край и создавая в своем тылу прочные узлы сопротивления.

Отражая контратаки противника, наша сторона несла значительные потери в технике. Причиной этому послужило появление на вооружении у немцев фаустпатронов. Это было дешевое и эффективное средство борьбы с бронированной техникой, к тому же простое в обращении.

Фаустпатрон – это гранатомет, граната которого представляла собой кумулятивный снаряд, «прожигающий» броню танка. Кумулятивный заряд направлял энергию взрыва подобно тому, как линза собирает лучи в один пучок. При этом детонируют снаряды в самом танке. Первое время методы борьбы с ними не были достаточно отработаны.

Особенно крупные потери наши танкисты несли в населенных пунктах, где у фаустников была возможность действовать из укрытий.

«Фауст» в переводе с немецкого означает «кулак», поэтому немецкая пропаганда, призывая население к борьбе с Красной Армией, на плакатах изображала фаустпатрон в виде бронированного кулака со свастикой, от удара которого танк со звездой раскалывался, словно орех.

С середины апреля началась Верхне-Силезская операция, проходившая в условиях жестокого сопротивления немецких войск. Продвижение было медленным. В ходе этой операции нашему полку приходилось часто перемещаться. Мелькали немецкие города и другие населенные пункты, названий

которых не упомянуть. Ни в одном из них мы не задерживались, объезжая их стороной. Мы, зенитчики, для своих огневых позиций должны были выбирать места, обеспечивающие круговой обзор. Находясь в постоянной боевой готовности, мы не имели права отлучаться от орудий.

Самолеты появлялись внезапно. Пролетая с большой скоростью на малых высотах над дорогами и местами скопления войск, сбрасывали бомбы, одновременно ведя обстрел из пулеметов, и так же внезапно исчезали. В зону действия зениток они старались не залетать. Но, обнаружив зенитные орудия, если позволяла дальность, они начинали вести по нам огонь, поэтому нам приходилось часто менять свои огневые позиции.

Времени для определения данных и ввода их в прицел не было, а потому стрельбу приходилось вести, ориентируясь по трассам снарядов. Подобно тому, как охотники стреляют по уткам, снаряды направляли в цель с упреждением на скорость.

Как уже говорилось, по воздушной цели огонь вели не только зенитки, но и другие огневые средства, и зачастую трудно было определить, кто именно ее поразил. Каждое соединение давало свои данные, которые затем суммировались. Думаю, что если сложить все сбитые самолеты, вошедшие в сводки Совинформбюро, то их количество намного превысило бы количество всех самолетов, построенных в Германии за годы войны.

Эпизод, о котором я хочу рассказать, произошел на территории Германии в апреле 1945 года. В очередной раз, меняя позицию, наша батарея колонной двигалась по автостраде. Нас остановили танкисты, машины которых укрывались в ближайшей роще. Это были воины танковой армии генерала Рыбалко. Нам не раз приходилось взаимодействовать с ними на заключительном этапе войны. Вместе с ними мы прошли путь от Берлина до Праги. Они обрадовались нашему прибытию и рассказали, что вдоль автострады регулярно пролетают немецкие штурмовики и безнаказанно бомбят и обстреливают движущиеся по ней войска, создавая угрозу танкам.

Чтобы привести наши орудия в боевое положение, их надо было вывести за пределы автострады за обочину. Идущие по шоссе колонны мешали это сделать. И тогда орудия буквально на руках перетаскивали через кюветы. Натренированные расчеты в считанные секунды привели их в готовность к ведению огня.

Немецкие «Юнкерсы» не заставили себя ждать. Они летели низко над землей, выбирая для себя подходящие цели, не ожидая встретить здесь зенитчиков. Они были уверены в своей безнаказанности. Случилось так, что мы первыми изготовились к стрельбе. И я едва успел скомандовать «По самолетам – огонь!». Наводчики дали длинную очередь по самолету, летевшему прямо на наше орудие. Было выпущено 10 снарядов, один из которых попал в цель. Самолет дернулся, как будто споткнулся о преграду. Он потерял управление и резко пошел на снижение, оставляя за собой дымную полосу, а затем рухнул на землю. Оставшиеся 2 самолета, беспорядочно сбросив бомбы, тут же развернулись и улетели.

Можно понять бурный восторг всех, кто наблюдал эту картину, не говоря уже о нашем расчете. В этом районе вражеские самолеты больше не появлялись. Нам поступила команда «Отбой, в поход!» и мы снова двинулись вперед на запад, на новые огневые позиции.

БИТВА ЗА БЕРЛИН

А теперь, чтобы лучше понять обстановку тех дней, обратимся к воспоминаниям командующего нашим фронтом маршала И.С.Конева. Он вспоминает, как 1 апреля 1945г. вместе с маршалом Г.К.Жуковым были вызваны к И.В.Сталину, который ознакомил их с документом, в котором союзники планировали захватить Берлин раньше Советской Армии.

У.Черчилль писал Ф.Рузвельту: «Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина... мы несомненно должны его (Берлин) взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

- Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники? – спросил Сталин. Оба маршала заявили о готовности фронтов к штурму и взятию Берлина. И Сталин поручил им совместно с Генштабом через сутки – двое доложить о своих планах. Уже через сутки план был готов. План предусматривал овладение Берлином 1-м Белорусским фронтом, а наш 1-й Украинский фронт должен разгромить противника в районе южнее Берлина и выйти на реку Эльбу.

Однако в ходе Берлинской операции обстановка сложилась таким образом, что армии нашего фронта не только содействовали взятию Берлина, но вместе с войсками 1-го Белорусского фронта активно участвовали в его штурме. Об этом упоминает в своих мемуарах и маршал Жуков. Он пишет: «Между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами предусматривалось постоянное оперативное и тактическое взаимодействие...»

Битва за Берлин планировалась немецким командованием, как решающая битва на Восточном фронте. Гитлер уверял свой народ: «Берлин останется немецким...»

Немецкое командование разработало план обороны Берлина: создание сплошной полосы оборонительных сооружений, состоявших из нескольких линий. Все населенные пункты были приспособлены для круговой обороны. Ставились противотанковые и минно-взрывные заграждения, завалы. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы. Для уличных боев были созданы и обучены 200 батальонов фольксштурма и т.д.

Для усиления артиллерии свыше 600 зенитных орудий были брошены на противотанковую и противопехотную оборону. Одно время рядом с нашей батареей располагался дивизион 152-мм пушек-гаубиц. Получая данные из командного пункта, находящегося на передовой, они вели огонь по целям, расположенным далеко на западе. И когда не было самолетов, мы подходили к ближайшему орудью и просили у его командира разрешения по команде «огонь», дернуть за спусковой шнур. Если велась одиночная стрельба, нам в этом не отказывали, а мы были уверены, что именно наш снаряд поразил цель.

Наше командование, выполняя распоряжение Ставки, на участке прорыва создало мощную артиллерийскую группировку. Ее плотность достигала

250 стволов (калибра 76 мм и выше) на один километр фронта, не считая орудий и минометов меньших калибров. Подготовка, как и сама операция, были невиданными по своему размаху. На сравнительно небольшом пространстве была сосредоточена огромная масса людей, боевой техники и материальных средств. Были построены десятки мостов, пешеходных и паромных переправ.

Все работа проводилась в непосредственной близости от линии фронта, под обстрелом вражеской артиллерии и минометов. В небе постоянно барражировали немецкие самолеты-разведчики «Фокке-Вульф» – «рамы». И наша задача состояла в том, чтобы совместно с истребительной авиацией защитить войска от налетов вражеской авиации.

В связи с потерей большого количества самолетов и прифронтовых аэродромов немецкая авиация значительно снизила свою активность, но все еще представляла собой грозную силу, с которой нам приходилось бороться.

Гитлеровское командование срочно снимало дивизии с западного фронта и перебрасывало на наш участок. 12-ю армию Венка просто сняли, фактически оставив участок фронта не прикрытым.

14 апреля рано утром, еще до рассвета, как обычно с залпа «катюш» началась артподготовка, продолжавшаяся 40 минут. Одновременно почти на всем протяжении фронта наши самолеты установили дымовую завесу, затруднявшую противнику наблюдение и возможность вести прицельный огонь по переправам. В то же время наша артиллерия продолжала поражать заранее разведанные и пристрелянные цели. Наши бомбардировщики громили тылы противника.

Однако, как бы мы ни дымили, немецкая воздушная разведка не могла не заметить скопления наших войск. Завязалось ожесточенное сражение за господство в воздухе. Наши пушки вели почти непрерывный огонь по вражеским самолетам. Стрельба осложнялась необходимостью гарантировать от поражения наши самолеты, заходившие в зону ведения огня.

По официальным данным в этих боях было сбито 155 немецких самолетов. Урон значительный, тем более что к тому времени самолетов у врага оставалось не так уж много.

По мосту, возведенному саперами за два часа, батарея переправилась через Нейсе, и 17 апреля, непрерывно меняя позиции, мы вплотную подошли к реке Шпрее.

В самом Берлине бои велись днем и ночью. Наши войска несли большие потери. Во время Берлинской операции немцы уничтожили и подбили восемьсот с лишним танков и самоходок, большую часть которых мы потеряли во время боев в самом городе. Большой урон наносили фаустпатронники. Фаустпатронами были обильно снабжены батальоны фольксштурма, сформированные из местного населения, за подготовку которых отвечал Геббельс.

Фаустпатрон, простой в обращении и эффективный в борьбе с танками на малых дистанциях в условиях уличного боя, был грозной силой. У необученных военному делу людей он создавал уверенность в том, что они могут

успешно бороться с танками. В батальоны фольксштурма зачислялись также выпущенные из тюрем уголовники.

Берлин был окружен нашими войсками. В кольце оказалось свыше двухсот тысяч немцев, которые всеми силами стремились прорваться на запад и объединиться с армией Венка, которая двигалась на выручку войскам, оказавшимся в окружении, стремясь деблокировать их. Солдаты сдавались в плен лишь тогда, когда не было другого выхода. Но их боевой дух был сломлен. Будучи высоко дисциплинированными, они дрались до тех пор, пока не поступил приказ о капитуляции, в которой к тому времени уже почти никто не сомневался.

Положение в Берлине становилось катастрофическим. С потерей окраин город лишился складов. Остановились все предприятия. Среди жителей началась паника, голод. Столицу покинули многие руководители, в том числе ближайшие соратники Гитлера Геринг и Гиммлер. Немцы стали понимать, как жестоко их обманули фашисты. Начались антифашистские выступления. Немецкое командование попыталось обеспечить город продовольствием, а войска боеприпасами по воздуху транспортной авиацией. Но почти все самолеты были сбиты нашими зенитками и истребителями.

Последним рубежом в обороне Берлина стал Тельтов канал – широкий и глубокий ров (глубина 2-3 м) с гранитными берегами, заполненный водой. Этот рубеж охраняла группировка численностью 1200 человек, оснащенная танками, пулеметами и большим количеством фаустпатронов. В отчаянной решимости драться до конца эсесовцы и гестапо с особой беспощадностью расстреливали и вешали всех, кто без приказа оставлял позиции.

В те дни Гитлер вел себя, как помешанный. Он заявил, что немецкий народ не достоин такого вождя, как он, и был готов мстить ему за крушение своей авантюры.

Немецкая пропаганда твердила о наличии у Германии некоего «оружия возмездия», способного изменить ход войны. Речь шла об атомном оружии, разработка которого приближалась к завершению. К слову, средства его доставки к цели у них уже имелись. Это были баллистическая ракета ФАУ-1 и крылатая ракета ФАУ-2, испытанные при нанесении ударов по Лондону. Имея у себя атомное оружие, Гитлер вряд ли остановился бы перед его применением.

Во многих опорных пунктах фашисты оказывали жестокое сопротивление. Они надеялись, что им удастся продержаться до прихода англо-американских войск и избежать возмездия за преступления, совершенные на советской земле.

В связи с этим наши войска на последнем этапе войны несли неоправданно большие потери. Чтобы их избежать и приблизить окончание войны, командование приняло решение нанести по центру города мощный бомбовый удар.

25 апреля более двух тысяч бомбардировщиков сбросили на город многие тысячи бомб. В этот же день войска 1-го Украинского фронта встрети-

лись на Эльбе с союзными войсками. Таким образом, немецкая армия оказалась разделена на две части.

Центр Берлина был разрушен до основания. В развалинах лежали и другие его районы. 2-го мая сдался в плен со своим штабом и назначенный лично Гитлером командующий обороной города генерал Вейдлинг. Он подписал приказ войскам о немедленном прекращении сопротивления. А перед этим первого мая маршал Жуков сообщил в Ставку Верховного Главнокомандующего о самоубийстве Гитлера.

- Доигрался подлец. Жаль, что не удалось взять его живым, – так прокомментировал это известие И.В.Сталин.

Второго мая Берлин пал. Из сотен окон многих зданий были вывешены белые флаги – символ капитуляции. Несколько опережая события, мне хотелось бы привести выдержку из воспоминаний маршала Жукова о том, что представлял собой Берлин после штурма в глазах самих немцев.

«Пленный фельдмаршал Кейтель, проезжая по городу в Карлхорст для подписания акта о безоговорочной капитуляции, сказал: «Проезжая по улицам Берлина, я был крайне потрясен степенью его разрушения». На что наши люди ему ответили: «Господин фельдмаршал, а вы не были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи городов и сел, под обломками которых были задавлены миллионы наших людей, в том числе и тысячи детей?». Кейтель побледнел, нервно пожал плечами и ничего не ответил» (Г.К.Жуков «Воспоминания и размышления»).

Генерал-фельдмаршал Кейтель, правая рука Гитлера, подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Как один из главных военных преступников он был казнен по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

Берлин был взят ценой больших жертв и потерь. Было убито и ранено свыше трехсот тысяч наших солдат и офицеров.

В последние годы появились публикации, в которых говорится о якобы неоправданных больших потерях, понесенных нами в Берлинской операции, и даются рецепты, как этого можно было избежать.

Некоторые считают, что поскольку город был окружен, стоило выждать определенное время, и Берлин, отрезанный от внешнего мира, сам был бы вынужден сложить оружие.

Однако наивно было полагать, что немцы покорно сидели бы в блокаде и ждали своего конца. У них было достаточно сил и средств для активного сопротивления. Кроме того, им на выручку с запада шла армия Венка, на которую Гитлер возлагал большие надежды.

Каждый день войны принес бы бесчисленные жертвы не только в Берлине, но и на других фронтах. В случае прорыва кольца окружения немцами в Берлин немедленно были бы пропущены англо-американские войска, о чем мечтал Черчилль. В этом случае свои условия мира и послевоенного переустройства Европы в значительной мере диктовали бы США и Великобритания.

Нельзя было также не учитывать подъема патриотизма и стремления к победе наших войск, которые шли к ней долгие годы. В конечном итоге штурм Берлина приблизил крах фашистской Германии и позволил сохранить многие тысячи жизней воинов и мирных людей.

Победа Советских Вооруженных Сил в Берлинской операции создала благоприятные условия для разгрома мощной военной группировки немецких войск на территории Чехословакии. Наши войска освободили ее восточную часть еще в начале 1945 года. Остальная территория оставалась оккупированной немцами. С запада приближались американские части, готовые овладеть западной Чехословакией и ее столицей Прагой.

Борьба народа, требовавшего скорейшей ликвидации оккупационного режима, значительно усиливалась по мере приближения советских войск, что привело к восстанию в Праге. Восставшие нуждались в неотложной помощи, и она была им оказана Красной Армией, в том числе войсками нашего 1-го Украинского фронта.

ПРАГА. ВЕСНА ПОБЕДЫ

После взятия Берлина германское государство фактически развалилось. Но Гитлер, стремясь спасти режим, в своем политическом завещании назначил новое правительство во главе с гросс-адмиралом Деницем, а главнокомандующим сухопутными силами – генерал-фельдмаршала Шернера, возглавлявшего мощную группировку войск в Чехословакии.

Дениц заявил, что его главной задачей является спасение немцев от уничтожения, продолжение борьбы на восточном фронте и скорая капитуляция англо-американским войскам. В этих целях его правительство переехало в Прагу.

В это время Черчилль дал указание войскам собирать трофейное оружие, чтобы в случае продвижения советских войск вглубь Европы раздать его пленным немцам для совместной борьбы с ними против советских войск.

Еще до завершения Берлинской операции наш 1-й Украинский фронт по приказу Ставки Верховного главнокомандующего Сталина повернул свою главную ударную силу на юг, на Прагу. Но впереди еще продолжала вести ожесточенное сопротивление крупная группировка противника, окруженная в Дрездене. В ее ликвидации участвовала и наша дивизия. Бои шли днем и ночью. Нашим зениткам пришлось вести стрельбу не только по воздушным, но и по наземным целям, ослепляя и подавляя огневые точки противника. За успешные действия по ликвидации этой группировки нашей 69-й зенитно-артиллерийской дивизии было присвоено почетное наименование Дрезденской.

Дрезден после массивной бомбардировки союзной авиацией лежал в страшных развалинах. Союзники, зная, что Дрезден будет занят нашими войсками, постарались, чтобы его промышленный потенциал и культурные ценности не попали в наши руки. Однако шедевры всемирно известной Дрезденской галереи были найдены в каменоломне нашими воинами. Многие картины были повреждены. Их вывезли в Советский Союз, отреставрировали и возвратили немецкому народу.

Утром 8 мая, после ликвидации Дрезденской группировки, наш полк ускоренным маршем двинулся на Прагу.

Навстречу двигались огромные массы людей, освобожденных из концлагерей, людей, работавших под охраной на заводах, просто беженцев. Они несли свое имущество на руках, везли на велосипедах, в детских колясках, на которых были прикреплены самодельные флаги освобожденных государств Европы. Худые, изможденные, но радостные лица. Они восторженно приветствовали своих освободителей. Но мы не могли разделить их радость: мы спешили на помощь восставшим в Прагу.

Отдельными колоннами навстречу двигались военнопленные немецкие солдаты и офицеры еще недавно самой могущественной в мире армии, поработившей Европу и мечтавшей о мировом господстве. Они шли плотной массой, опустив головы, не глядя по сторонам, не реагируя на окружающие события.

Дорога на Прагу пролегла по гористой местности. Это были Рудные горы. И когда батарея ехала по правой стороне дороги рядом с обрывом, становилось как-то не по себе от сознания того, что стоило массе пленных захотеть, они бы могли в один момент столкнуть наши машины вместе с пушками в пропасть.

Но пленные не помышляли ни о сопротивлении, ни о побеге. Они шли молчаливой толпой, изредка о чем-то вполголоса переговариваясь между собой и покорно подчиняясь командам немногочисленного конвоя.

С наступлением ночи колонна остановилась на отдых, выставив у каждого орудия часовых. Измотанные в боях, не спавшие почти трое суток, люди тут же уснули.

Но спать долго не пришлось. Нас разбудила беспорядочная стрельба, раздававшаяся со всех сторон, вспышки ракет и крики «Ура!». Проснувшись, мы не сразу могли понять, что происходит. Привычной реакцией была команда: «Тревога, к орудию!». Но тут же выяснилось, что это – победный салют в честь окончания войны. Салютовали все, кто как мог: ружейным и пулеметным огнем, стрельбой из пистолетов и ракетниц. Мы салютовали несколькими очередями из зенитных орудий.

Я достал немецкий пулемет «МГ», захваченный нами во время ликвидации группы немецких солдат под Форстом (о чем упоминалось ранее), и двумя непрерывными очередями расстрелял две имевшиеся ленты. Ствол раскалился, а после того, как он остыл, я разобрал пулемет на части и разбросал их по дороге на Прагу.

Навстречу снова потянулись колонны военнопленных. Как пишет в своих мемуарах маршал Конев, голова этой колонны приближалась к Дрездену, когда ее хвост только покидал Прагу. Всего было взято в плен около 800 тысяч немецких солдат и офицеров.

В Прагу мы вступили 9 мая после полудня, когда уличные бои уже завершились. Стрельба слышалась только на западной окраине города, куда устремились остатки армии генерала Шернера, которым удалось избежать плена. Они уже не помышляли о серьезном сопротивлении и спешили сдаться в плен армиям союзников.

Прага. День Победы

Вместе со своими хозяевами бежали власовцы – предатели Родины, воевавшие против нас в рядах РОА (Русской освободительной армии), созданной под руководством гестапо. Командующий этой армией генерал Власов был взят в плен вместе со своим штабом. Сам Власов пытался бежать, но был выдан своим же шофером. По приговору военного трибунала он был расстрелян.

Заслуженную кару понесли его ближайшие соратники.

Прага встретила нас бурным ликованием. Все улицы были заполнены праздничной толпой. Танки и другая боевая техника медленно шли по живому коридору пражан с цветами в руках. Цветами была устлана дорога, цвета-

ми забрасывали солдат, сидящих в открытых машинах и на танковой броне. У многих в руках были национальные и красные флаги. На лозунгах, украшавших улицы, были надписи на чешском и русском языках: «Слава Советской России!», «Да здравствует вечная дружба чешского и русского народов!», «Наздар, Руда Армада!» (Да здравствует Красная Армия) и другие.

Большое скопление народа, тот энтузиазм, с которым он встречал своих освободителей, не позволяли увеличить скорость движения машин, а когда они вынуждены были делать остановки, их тут же окружали жители. Каждый хотел пожать солдатам руку, поделиться своей радостью и выразить свою признательность за освобождение. Среди встречавших было немало участников Пражского восстания, которые остались живыми благодаря стремительному наступлению советских войск.

Наша батарея остановилась на окраине города. Жители соседних домов приходили на батарею группами и поодиночке, приносили солдатам изделия домашнего приготовления и, конечно, угощали знаменитым чешским пивом, которое они ласково называли «пивочко» и от которого, в отличие от воды, «трубы не ржавеют». Они считали, что их пиво является источником бодрости и здоровья.

В гости на батарею приходили женщины с детьми, молодые ребята и девушки. Некоторые девушки были одеты в брюки, которых наши солдаты, выходцы из довоенных колхозных деревень, отродясь не видывали. Вначале они очень стеснялись, но вскоре освоились. Молодежь быстро нашла общий язык и беседовала на смеси русского, украинского и словацкого языков, отлично понимая друг друга.

В Германии у нас появилась отличная гитара, найденная в доме, брошенном бежавшими хозяевами. В нашем расчете играть на ней никто не умел. Солдаты безуспешно пытались на слух подобрать какую-нибудь мелодию, но гитара к тому же была расстроена. И вот один из чешских подростков попросил разрешения поиграть на ней. Он стал настраивать гитару, и сразу стало ясно, что хорошо владеет инструментом. Он исполнил несколько чешских мелодий и вернул гитару. Но нам она была ни к чему, и мы решили подарить ее пареньку. Сначала он не понял нас и решил, что мы еще хотим его послушать, а когда понял, что гитару ему подарили, обрадовался и убежал домой. Через некоторое время этот паренек снова появился на батарее с гитарой в сопровождении своей матери. Сначала мы решили, что она не поверила сыну, что ему подарили столь ценную вещь. Но дело было в другом: она попросила сделать дарственную надпись на гитаре. Подвернувшемуся под руку ржавым гвоздем на прекрасной лаковой деке я нацарапал надпись, что это – подарок от советских солдат, и дату – 9 мая 1945 года.

Женщина долго нас благодарила, а затем угостила пивом из принесенного с собой кувшина. Пиво было необычно вкусным.

На следующий день батарею перевели в другой район города, где раньше находился немецкий военный аэродром. Аэродром не функционировал, на нем осталось несколько неисправных транспортных немецких самолетов.

Мы поселились в палаточном городке недалеко от взлетно-посадочной полосы и стали ждать приказа на отправку в Советский Союз.

Нас и здесь навещали чешские друзья. Иногда они устраивали импровизированные концерты художественной самодеятельности, в которых приглашали принять участие и нас. Но в батарее, к сожалению, не нашлось желающих, а главное – умеющих играть и петь. Был один вятский паренек, умевший исполнять под гармошку деревенские частушки – «страдания» с солеными словечками, но гармошки у нас не было.

По просьбе командования жители проводили для нас экскурсии по городу. Экскурсоводы знакомили нас с многочисленными памятниками скульптуры и архитектуры города. Мы посетили музей, где в 1912 году проходила 6-я (Пражская) партийная конференция РСДРП, которой руководил В.И. Ленин. Работники музея рассказали, как им удалось сохранить документы и экспонаты музея в годы оккупации, открыть его сразу после освобождения.

Побывали мы и в Пражском зоопарке, где многие впервые увидели слона, обезьян и других экзотических животных.

В Праге произошел еще один эпизод, о котором мне не очень хотелось вспоминать, поскольку речь идет о том, как я получил взыскание в виде ареста и содержания на гауптвахте с формулировкой «За грубое нарушение правил обращения с оружием». Я вспомнил, что под арестом побывали Валерий Чкалов, Юрий Никулин и другие известные впоследствии люди. Да и от правды никуда не денешься: что было, то было.

А дело было так. Находясь в палатке, я почистил трофейный автомат и положил его рядом с собой (трофейное оружие тогда еще не изымали). В палатку зашел мой друг – командир соседнего орудия сержант Николай Склярков. За разговором он взял в руки автомат, и неожиданно раздалась короткая очередь. Сидевший напротив дальномерщик Чижов вскрикнул и схватился за колено. Все были ошеломлены и не сразу поняли, что произошло. Только я взял автомат в руки, как в палатку ворвался командир батареи капитан Ершов.

- Кто стрелял?! – выходя из себя, заорал он.

- Я стрелял, – ответил Николай и тут же получил «командирскую» оплеуху.

Я сказал, что автомат принадлежит мне. Посмотрев на меня, растерянно стоявшего с автоматом в руках, Ершов молча покинул палатку. Через несколько минут снова послышался его голос:

- Дежурный, ко мне! Вызовите этого типа, этого про-то-ти-па ПЯСЕЦКОГО!

По его разумению «прототип» – значительно хуже, чем просто «тип». Это слово он часто употреблял в качестве ругательства. Нецензурной брани мы от него не слышали.

Я не стал дожидаться приглашения, тут же пришел в его палатку и доложил о прибытии. Ершов приказал принести мой трофей. Когда я брал злополучный автомат, ребята шутили: «Сейчас он будет тебя стрелять».

Ершов приказал искорезить автомат о гранитный валун, лежавший у палатки. Когда я принес все, что осталось от автомата, командир батареи объявил мне пять суток ареста с формулировкой, о которой уже шла речь. Затем он вызвал начальника караула, вручил ему записку о моем аресте и приказал отправить меня на полковую гауптвахту, которая находилась при штабе полка в другом конце аэродрома. И меня отправили туда, как арестанта, под конвоем, приказав снять погоны, поясные ремни и звездочку с пилотки. Таков был порядок содержания арестованных на гауптвахте.

К счастью ранение Чижова оказалось легким, и он вскоре вернулся в строй.

Гауптвахта представляла собой полуподвальное помещение в здании неподалеку от штаба. Помещение было сырым и мрачным. От прежних хозяев здесь остались два порожних шкафа из-под бумаг. Кроме меня, здесь уже отбывали срок три «узника». Они радостно встретили «новобранца», и мы стали размышлять, как улучшить свой быт. В помещении мы обнаружили пожарный гидрант, открыли его, а когда воды на полу набралось несколько сантиметров, закрыли кран и, взобравшись на ступеньки, стали вызывать начальника караула. Когда он явился, мы сказали, что не знаем, откуда появилась вода. Кран находился за углом, с порога его не было видно, а заходить в воду для выяснения причин происшествия никто не стал. И хотя догадывались, что «потоп» устроили мы, гауптвахту перевели на первый этаж. Жить стало лучше, жить стало веселей! Это слова Сталина, включенные в одну из довоенных песен:

«Хочется всей необъятной страной
Сталину крикнуть: «Спасибо, родной!
Долгие годы живи, не болей!
Жить стало лучше, жить стало веселей!»

На следующий день нас под конвоем вывели на работу. Предстояло перенести стулья из разных помещений в соседний корпус, где оборудовалась офицерская столовая. Чтобы не перегружать себя, мы взяли по одному стулу и опять же под конвоем двинулись к будущей столовой. Навстречу нам шел чех – юноша с фотоаппаратом. Мы попросили его сфотографировать нас на память, пообещав ему вознаграждение. И он запечатлел нас, сидящих на этих стульях, вместе с конвоиром, карабин которого мы предварительно спрятали в кустах. На следующий день юноша принес снимки. Мы щедро одарили его консервами, галетами и печеньем, которыми исправно снабжали нас товарищи «с воли» из трофеев, оставленных немцами на продовольственных складах. Фотограф остался весьма доволен таким вознаграждением. А снимок сохранился у меня до наших дней.

Оставшиеся дни моего ареста пролетели незаметно, и вот я на свободе

Под арестом

и без конвоя возвращаюсь в свою батарею. Здесь все без изменений, если не считать того, что солдата Пшеничного откомандировали в хозяйственный взвод. Он был сапожником, умевшим шить модельную обувь, – редкая и востребованная специальность в послевоенные годы. В то жаркое лето многие офицеры носили брезентовые сапоги, а Пшеничный умел хорошо их шить. Его сапоги были изящные, легкие и удобные

для ношения в жаркую погоду.

Вскоре поступил приказ о подготовке к возвращению на Родину. Предстояло совершить многокилометровый марш из Чехословакии через Польшу и Румынию в Одесский военный округ.

Настало время расставания с гостеприимной Чехословакией. Когда перед началом движения полк выстроился в походную колонну, многие жители пришли, чтобы попрощаться с нами. Они тепло проводили нас, пожелали счастливого пути. Расставались мы добрыми друзьями. Пребывание в Чехословакии осталось в памяти как самое светлое и радостное время за все годы войны.

Второй раз мне удалось побывать в Праге в качестве туриста лишь через тридцать пять лет в составе группы учителей. В это время я работал в Балашихинской школе-интернате учителем истории и военруком.

Накануне поездки требовалось пройти унижительную процедуру проверки «на надежность» – иначе ее не назовешь. Необходимо было представить в горком КПСС характеристику, заверенную администрацией, партийной и профсоюзной организациями. Затем пройти в горкоме «собеседование»: несколько пожилых дам - активисток вьедливо вникали в мое семейное положение. В заключение было задано несколько «теоретических» вопросов, рассчитанных на полных дебилов: Какая в ЧССР правящая партия? Кто является президентом страны? И т.п... В итоге на моей характеристике появилась резолюция первого секретаря ГК КПСС Ю.Сторожилова: «Балашихинский ГК КПСС рекомендует (меня) для поездки в качестве туриста в Чехословакию». Между прочим, когда я там пребывал «в качестве» командира орудия, никаких резолюций не требовалось. Этот документ хранится у меня со всеми подписями и печатями как память о тех временах.

И вот, 35 лет спустя, я снова в Праге. С тех пор произошло многое. Город стал еще красивее, он словно помолодел, хотя исторические сооружения, памятники и скульптуры бережно сохраняются, своевременно обновляются и реставрируются. А вот люди изменились. И даже не люди, а их отношение к нашей стране. Были очевидны результаты западной антисоветской пропаганды и серьезные просчеты нашей внешней политики.

Все началось с того, что руководство ЧССР во главе с Дубчеком решило пойти по пути демократических преобразований вопреки политике, проводимой КПСС в странах социалистического содружества. И наши кремлевские мудрецы ничего не придумали мудрее, как под предлогом «оказания помощи Чехословакии в борьбе против империалистической агрессии» ввести туда войска.

И вот в 1968 году на улицах Праги опять появились советские танки. Их не встречали как прежде цветами. Народ, в основном молодежь, всеми доступными способами старались их остановить, бросая под гусеницы камни, преграждая путь бревнами и всем, что попадалось под руки. Раздавались возмущенные крики: «Мы вас не звали!», «Уходите домой!». Обстановка с каждым днем накалялась и серьезного обострения удалось избежать благодаря тому, что страну возглавил министр национальной обороны, ставший впоследствии президентом страны 74-летний генерал Людвиг Свобода, старый и верный друг Советского Союза. Он приказал армии оставаться в казармах и не вмешиваться в политику. Людвиг Свобода пользовался огромным и непререкаемым авторитетом среди народа. Он был трижды Героем ЧССР и Героем Советского Союза.

Хотя мы приехали в Чехословакию спустя двенадцать лет после этих событий, несмотря на усилия официальной пропаганды, люди не стремились к прежнему сближению, а иногда допускали и оскорбительные выпады против советских туристов. Вот лишь один случай. Учительница зашла в магазин, чтобы купить люстру. Там ее встретил молодой человек и заявил примерно следующее: «Зачем вы к нам приехали? Ваши мужья не работают, сидят дома и пьянствуют (в учительской группе было всего трое мужчин), а вы ездите к нам за товаром. Поезжайте к себе и там покупайте». Женщина ничего не купила и вернулась в гостиницу в слезах. Руководитель группы посоветовал ходить по магазинам группами. В дальнейшем мы так и поступали.

Но вернемся к событиям 1945 года.

Проезжая по странам Европы, мы могли воочию убедиться, насколько разрушительными были последствия войны, сколько она принесла горя и страданий простому народу. Разрушенные предприятия, взорванные мосты и здания в городах, заросшие сорняками поля встречались на каждом километре. Люди, носившие одежды, оставшиеся еще с довоенных лет, а также переколенные из солдатского обмундирования. Обилие базаров – «барахолки», где товары обменивались, главным образом, на продукты питания. Довоенные деньги спросом не пользовались.

Марш проходил без особых происшествий, пока мы не приблизились к границе Львовской области. Колонна остановилась на дневной привал на берегу реки Сан (приток Вислы). Стояла изнуряющая жара, и командир полка майор Нечаев разрешил купание, предупредив личный состав о запрете заплыва на глубокий участок реки. Заместитель командира полка по политчасти майор Минусян по-видимому решил, что данный запрет его не касается. Он быстро переплыл на противоположный берег и скрылся в кустах. Больше его никто не видел. Предположив, что майор мог утонуть (что было

маловероятно, так как он был отличным пловцом), решено было ниже по течению, где был брод, перегородить реку цепочкой солдат, взявшихся за руки друг друга. Одновременно велись поиски на противоположном берегу реки, но никаких результатов эти меры не дали. Минусян исчез бесследно. Через несколько часов колонна двинулась дальше.

Так мы потеряли своего замполита. Основная версия случившегося – активные действия националистов в этом районе. От их рук нередко погибали не только солдаты, но и мирные жители, в том числе и женщины, трупы которых порой извлекали из реки. Судьба Минусяна осталась неизвестной.

Сейчас трудно по памяти точно воспроизвести маршрут движения нашей колонны. Конечным пунктом был юг Одесской области, где дислоцировались войска Одесского военного округа. А чтобы избежать движения по горным дорогам Карпат, часть пути решено было пройти по территории Румынии. Здесь остро ощущались последствия войны. Стояла жаркая, засушливая погода. Многие поля и виноградники были заброшены, не обрабатывались. Их некому и нечем было возделывать. Иногда на пути встречались немногочисленные стада худых коров, поедавших остатки полусохшей травы на бывших пастбищах. Обнищавший, доведенный до отчаяния народ, со страхом ожидающий грядущей холодной и голодной зимы. Таков был итог правления диктатора, верного союзника Гитлера Иона Антонеску, который по приговору суда был казнен в 1946 году.

В сентябре 1945 года мы прибыли в ОдВО (Одесский военный округ), расположились в поселке, где до войны проживали немецкие колонисты. Колонисты были выселены в восточные районы страны, и дома остались без хозяев. В них разместился наш полк. На окраине поселка был отгорожен артиллерийский парк. Там стояли орудия и тягачи.

В то время поселок назывался Мансбургом, позднее он был переименован в село Алексеевка. А находился он рядом со станцией Сарата. Бывшие хозяева жили в просторных домах. Они выращивали виноград, занимались животноводством. Созревший виноград убирать было некому, и солдаты «паслись» на этих виноградниках. Многие из них, и я в том числе, в своей жизни с виноградом не встречались, здесь он был доступен для всех желающих. Тяжелые и вкусные гроздья сами просились на стол.

Наша батарея заняла несколько домов, установив там нары, самодельную «мебель», превратив таким образом дома в казармы.

Шла массовая демобилизация солдат и сержантов старших возрастов. В связи со значительным сокращением численности личного состава наша 69-я Дрезденская дивизия была преобразована в 229-ю Дрезденскую ордена Богдана Хмельницкого зенитно-артиллерийскую бригаду. Часть вооружения и боеприпасы консервировали и увозили на склады, излишки автотранспорта передавались в народное хозяйство.

Нам, солдатам призыва 1943-44 годов, не повезло: наша срочная служба растянулась на долгие семь лет! Сегодня продолжительность службы Законом установлена в два года. А вот отношение молодежи к ней изменилось. Многие считают эти годы для себя потерянными в жизни. Мы в то вре-

мя так не считали. Необходимо было в кратчайшие сроки восстановить экономику страны, перевести ее на выпуск товаров народного потребления и в то же время не допустить снижения обороноспособности страны, мощи ее вооруженных сил. В этих условиях было бы нецелесообразно призывать в армию опытных работников и обучать их военному делу, в то же время заменяя их уволенными солдатами, которых еще надо было обучить рабочим специальностям.

Страна успешно преодолевала последствия разрушительной войны. За годы 4-й пятилетки (1946-1950г.г.) уровень промышленного производства более чем на 40 % превысил показатели довоенного 1940-го года. Уже в 1947 году была отменена карточная система (снова она была введена в первые годы так называемой «перестройки», когда страна в мирное время стараниями «реформаторов» была ввергнута в жесточайший кризис, который в итоге привел к распаду великой державы). В 1947 – 1950 годах было трижды проведено снижение цен на продовольствие и промышленные товары.

***Командир отделения
школы сержантов 229
зенитно-
артиллерийской брига-
ды. 1946 год***

В конце 1945 года прошел призыв молодого пополнения. В наши части пришли призывники – жители Молдавии – бывшей Бессарабии, захваченной в 1918 году румынскими боярами. Это территория от Прута до Днестра, вошедшая в состав Молдавской ССР, и южная территория, включающая районы Измаила, Аккермана (в настоящее время – Белгород - Днестровский) и другие районы. Многие из прибывших солдат плохо владели русским языком, их приходилось обучать. Правда, орудия и стрелковое оружие они осваивали успешно. Для подготовки младших командиров в бригаде была создана школа сержантов, в которую меня назначили командиром отделения. В связи с подготовкой к выборам в каждом взводе были назначены агитаторы, одним из которых был назначен и я. Периодически нас собирали для инструктажей, обеспечивали необходимыми материалами. Мы проводили беседы с курсантами,

нас слушали, но понимали далеко не все, о чем идет речь.

Приведу один лишь пример. Закончив рассказ о нашей избирательной системе, «самой демократической в мире», где коммунисты выступают в блоке с беспартийными, я спросил, есть ли у кого-нибудь ко мне вопросы. Поднял руку один человек. Соблюдая требования Устава, он сначала представился, а затем задал вопрос:

- Курсант Богатый. Товарищ старший сержант, а что такое «блех»?

- Не «блех», а блок. Это означает объединение, единство. Это значит, что коммунисты и беспартийные сообща избирают своих депутатов. Вы меня поняли?

- А-а-а, а я думал, что это блох, который кусается...

Больше вопросов не было. Я подумал, что остальные меня тоже «поняли».

Тем не менее, выборы прошли организованно при 100-процентной явке и таким же результатом голосования. Выбирали-то одного депутата из одного кандидата. Такая была «демократия». Другого результата и быть не могло.

Однако выпускные экзамены в нашей школе сержантов не состоялись. Наша бригада была расформирована. Созданные в последние годы войны зенитно-артиллерийские дивизии в составе фронтов успешно выполнили свои задачи по защите наземных войск от воздушного нападения противника и были упразднены. Для отражения нападения воздушного противника был создан отдельный вид вооруженных сил – войска ПВО (противовоздушной обороны) страны. Личный состав расформированных полков был распределен по разным частям Одесского военного округа, где и продолжилась наша многолетняя «срочная», а фактически бессрочная военная служба. Даты окончания ее никто не знал.

Так завершился боевой путь 2004 Сандомирского ордена Красной Звезды зенитно-артиллерийского полка 69-й Дрезденской ордена Богдана Хмельницкого зенитно-артиллерийской дивизии, в которых я прослужил со дня их создания до ликвидации (расформирования).

ОДЕССА

Теплой осенью 1947 года пришла и наша очередь ехать к новому месту службы. Поездом мы прибыли в Одессу и прямо с вокзала пешим строем отправились в Каховские казармы. Нам предстояло продолжать воинскую службу в 92 Гвардейском стрелковом полку, входившим в состав 28-й Гвардейской стрелковой дивизии. Я получил звание гвардии старшего сержанта.

Полком командовал гвардии полковник Белозор, а командиром дивизии был гвардии генерал-майор Чурмаев. Генерал обладал громовым басом. Когда он выступал на огромном строевом плацу, его было хорошо слышно без всяких микрофонов, хотя голоса он не повышал.

Командующим Одесским военным округом лично Сталиным был назначен Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Уже тогда мы недоумевали, почему Жуков, под руководством которого были выиграны крупнейшие сражения, во многом определившие исход войны, был назначен с понижением? Сам Жуков о причинах, побудивших Сталина назначить его на эту должность, говорил: «Зависть к моей славе. А Берия всячески подогревал это чувство. Припомнил мою способность возражать Сталину». Более того, Берия пытался обвинить Жукова в подготовке военного переворота. Но Сталин запретил его трогать, заявив, что полностью доверяет Георгию Константиновичу.

В гвардейском полку встретили нас не слишком гостеприимно. На «котловое довольствие» поставили лишь со следующего дня. А в день прибытия покормить нас никто не догадался, так что пришлось поголодать.

На следующий день после завтрака нас распределили по подразделениям полка. Я был назначен командиром расчета зенитно-пулеметной установки – 12,7-мм системы ДШК (Дегтярева – Шпагина, крупнокалиберная).

***Командир расчета
пулемета ДШК.
92-й гвардейский
стрелковый полк***

Ничего общего с орудием она не имела, но освоить ее и научиться из нее стрелять не составляло большого труда. Этот пулемет мог вести огонь как по воздушным, так и по наземным целям.

Каховские казармы располагались в городской черте и представляли собой комплекс кирпичных зданий, окружавших просторный строевой плац, на котором проводились занятия по строевой подготовке, а также утренняя физическая зарядка. На середину плаца выходил духовой оркестр, исполнявший вальс «Амурские волны». Музыкальный размер вальса совпадал с элементами комплекса физических упражнений, повторявшихся несколько раз подряд.

После туалета проводился ежедневный утренний осмотр, во время которого проверялось состояние обмундирования и обуви, чистота воротничков и блеск пуговиц, для чистки которых имелось средство «асидол». Позже, с появлением аноди-

рованных пуговиц, в их чистке необходимость отпала, и что такое «асидол» вряд ли кто помнит.

После завтрака и небольшого перекура начинались плановые занятия: политическая, строевая и физподготовка, занятия по спецподготовке и др.

Одним из важнейших средств обучения и воспитания личного состава являлась политическая подготовка для солдат и марксистско-ленинская для офицеров. Руководителями групп политзанятий назначались только офицеры. С ними регулярно проводились семинары и инструктажи. В целях контроля эти занятия посещали политработники полка и сотрудники вышестоящих политорганов. Политподготовка обязательно включалась в инспекторские проверки.

Поскольку полк был стрелковый (пехотный), то часто совершались длительные марши, марш-броски, в том числе и в противогазах. Проводились так называемые «химические дни», когда после завтрака звучала команда «газы». В течение нескольких часов все занятия велись в противогазах. Надо отдать должное начальнику химической службы полка: к своим обязанностям он относился весьма ревностно. Это было присуще и другим начхимам, с которыми мне приходилось встречаться, особенно с тех пор, как на них была возложена обязанность обучения личного состава действиям в условиях применения противником ядерного оружия на местности, зараженной радиоактивными веществами (РВ).

На маршах отрабатывались приемы защиты от ОВ и РВ. С этой целью по пути следования колонн ставилась дымовая завеса, и после команды «газы» дальнейшее движение происходило в противогазах до поступления команды «отбой».

Для обучения личного состава пользованию противогазами проводились так называемые «окуривания». Устанавливалась большая палатка, которая заполнялась слезоточивым газом. Туда поочередно приводили группы солдат, которые отрабатывали там соответствующие приемы.

Многокилометровые марши с полной выкладкой и оружием требовали предельного напряжения сил. При этом нам, фронтовикам, постоянно напоминали, что мы обязаны передавать боевой опыт молодым солдатам. В связи с этим вспоминается высказывание моего сослуживца Николая Чернобая: «На фронте не убили, так от «опыта» подохнешь».

Но это все эмоции. Единственное, чем мы, артиллеристы-зенитчики могли «поделиться» с пехотинцами, так это умением преодолевать трудности, работать с полным напряжением сил. Что касается общевоинской подготовки, то нам, фронтовикам, солдатам и сержантам, прослужившим по пять-шесть лет, вряд ли было необходимо из года в год повторять одно и то же. Это хорошо понимал и наш взводный. Часто он выводил нас к морю, рядом с санаторием «Аркадия», где на поверхность выходили катакомбы. Катакомбы – это искусственные пещеры, в которых многие годы добывался ракушечник. Из этого камня была построена вся старая Одесса. Пещеры имели запутанные ходы, в которых можно было легко заблудиться. Они имели выходы (чаще всего замурованные) в самых неожиданных частях города. Ката-

комбы использовались партизанами в годы войны для борьбы с немецкими оккупантами.

Так вот, гуляя по морскому берегу, мы заходили в катакомбы, находили подходящее место и тут же засыпали, склонив головы друг другу на плечи. Из-за хронического недосыпания мы приобрели способность засыпать где угодно, в любом положении. Командир взвода уходил в город по своим делам и возвращался ближе к обеду. Мы никогда его не подводили и на всех проверках получали только отличные и хорошие оценки. Взвод занимал первые и вторые места по боевой и политической подготовке. Но все это было значительно позже, несколько месяцев спустя, когда мы полностью освоились с новыми условиями службы, а командиры убедились в наших знаниях и дисциплинированности.

После занятий и небольшого перерыва мы строились и шли на обед.

После войны в течение нескольких лет до принятия нового Устава внутренней службы распорядком дня предусматривалось время для послеобеденного сна. В новом Уставе отдых после обеда разрешался только для лиц, заступающих в суточный наряд.

После отдыха наступало время для ухода за техникой и оружием. А поскольку в стрелковых полках была еще и артиллерия на конной тяге, (обозы и наши пулеметы ДШК перевозились на повозках), то были и лошади, требовавшие кормления и ухода. Чаще всего после отдыха мы отправлялись на конюшню чистить лошадей, так как сами ездовые с этой работой не справлялись.

О лошадях в полку очень заботились. Полковой ветеринарный врач строго следил за соблюдением правил содержания и ухода за ними. Ежемесячно в полку проводились «выводки» – своеобразные смотры всего конского поголовья.

По соседству с нами находилась конюшня военного совета округа, где содержались кони для парадов, в том числе и конь командующего округом маршала Жукова.

Уходом и выездкой этих лошадей занимались профессиональные кавалеристы – солдаты и офицеры. Накануне парадов мы наблюдали, как обучают лошадей ходьбе строевым шагом под духовой оркестр и выполнению других парадных ритуалов.

Помимо плановых занятий боевой и политической подготовкой нас частенько привлекали к хозяйственным, строительным и ремонтным работам. А однажды, после сильного дождя нас вооружили совковыми лопатами, ведрами, вениками и приказали убрать лужи на строевом плацу. Мы удивились такому нелепому приказу, а позже стало известно, что накануне маршал Жуков посетил Одесское артиллерийское училище, находившееся напротив Каховских казарм. Остановив машину на плацу посреди лужи, оставшейся после дождя, он стал поджидать встречавшего его начальника училища. И тому пришлось маршировать с рапортом командующему прямо по воде. Очевидцы утверждали, что, приняв рапорт, Жуков приказал навести порядок, и сразу

уехал. А наше начальство на всякий случай решило тоже лужи убрать, как говорится, от греха подальше.

Нередко группы солдат во главе с офицером посылали на станцию Одесса - товарная для разгрузки строительных материалов, дров и других грузов. Шагать строем в рабочей одежде, в ботинках с обмотками по нарядным улицам Одессы, где гуляли красивые девушки, нам казалось оскорбительным. Особенно это чувство обострялось, когда строем командовал туповатый старший лейтенант Зюзько. Он обычно добивался, чтобы мы шагали со строевой песней. Но петь нам совсем не хотелось. И тогда начиналось: «Запевай!» Идем молча. Команда «На месте!» – топчемся на месте. «Прямо. Запевай!» Опять молчок. И так несколько раз. Голос из строя: «Товарищ старший лейтенант, с нами нет запевалы». Все это происходит на виду у прохожих. Мы тихо ненавидим Зюзьку, но идем молча.

Примерно через семь лет мне пришлось снова встретиться с этим Зюзько, но уже при других обстоятельствах. В 1956 году, уже, будучи в звании капитана, я работал помощником начальника политотдела Строительного управления Одесского военного округа. В то время происходил обмен комсомольских билетов, и мне постоянно приходилось работать в частях. Тогда же упразднились строительные батальоны, а вместо них создавались строительные отряды, в которых численность офицерских должностей резко сокращалась. Наиболее способных оставляли работать в кадрах, а большинство офицеров подлежало увольнению в запас. Согласно установленному порядку с каждым увольняемым надлежало провести беседу и заполнить «лист беседы». Окончательное же решение принимал начальник управления. Однако объем работы был велик, и кадровые работники с ним не справлялись. Стройбаты были разбросаны по всему военному округу. Поэтому руководством было принято решение о привлечении к этой работе офицеров Управления, выезжавших в части по другим вопросам. Нас проинструктировали и выдали «листы беседы», а также предварительное решение о дальнейшем служебном или увольнении офицера в запас.

И вот, в одном из стройбатов, закончив свои комсомольские дела, я попросил командира части пригласить для беседы офицеров согласно списку, выданному мне в отделе кадров. И вдруг я слышу доклад: «Товарищ капитан, старший лейтенант Зюзько по вашему приказанию прибыл для беседы». Смотрю, передо мной тот самый Зюзько. Спрашиваю у него, служил ли он в 92 гвардейском стрелковом полку? Оказывается, служил. Щадя его самолюбие, я не стал ему напоминать о том, что в то время я был старшим сержантом и под его командованием шагал в строю на разгрузку дров. Я заполнил «лист беседы», отметив в нем желание Зюзько продолжить службу, а потом объявил ему предварительное решение об увольнении в запас. На этом мы расстались и больше не виделись.

Но вернемся к нашему повествованию. Подходит к концу обычный день службы. По распорядку – личное время, которое можно использовать по своему усмотрению: читать, писать письма, играть в шахматы и т.д. И вот уже команда: «На вечернюю поверку становись!» Рота повзводно строится в

казарме. Старшина по списку называет воинские звания и фамилии бойцов. Каждый отвечает: «Есть». За отсутствующих отвечает командир отделения, указывая причину отсутствия. Далее старшина объявляет суточный наряд на следующий день. После вечерней поверки, согласно установленному в то время ритуалу, строй исполняет гимн Советского Союза.

Краткая история Российского гимна. До революции Гимн России начинался словами «Боже, царя храни». После свержения самодержавия официальным гимном стал «Интернационал», с конца 19-го века являвшийся международным пролетарским гимном. Он был написан Эженом Потье на музыку Пьера Дегейтера. Также в стране существовал «Гимн партии Большевиков» на музыку А. Александрова с таким текстом:

Славой овееяна, волею спаяна,
Пусть процветает во веки веков
Партия Ленина, партия Сталина,
Мудрая партия Большевиков.

Новый гимн Советского Союза впервые прозвучал на радио 1 января 1944г. Текст его был сочинен С. Михалковым и М. Эль-Регистаном, а музыка осталась прежней, сочиненной А.Александровым для «Гимна партии Большевиков». С этим гимном страна прожила почти столетия. С началом «перестройки» его текст сочли устаревшим. Некоторое время гимн исполнялся без слов. Затем была попытка использовать музыку М. Глинки. Но и она была отвергнута, так как к этой музыке придумать достойный текст не смогли. И после длительных дискуссий был принят нынешний вариант, который, по мнению его создателей, должен был примирить как сторонников, так и противников нового гимна. В итоге в сознании старшего поколения мелодия гимна неразрывно связана со словами «Союз нерушимый республик свободных», а молодое поколение гимна не знает вообще, потому что его этому не учили.

В свое время тексты Гимна печатались в школьных учебниках, использовались в наглядной агитации даже на станциях метрополитена. Считалось, что каждый воин обязан знать Гимн своего государства. Сегодня же текст Гимна можно найти не в каждой библиотеке. Да и сами законодатели – депутаты Госдумы, утверждавшие этот текст, вряд ли его помнят. Это видно по тому, как многие из них во время исполнения Гимна либо молчат, либо открывают рот невпопад. Отключи фонограмму – останется невнятное бормотание...

Но вот Гимн исполнен. Далее по распорядку дня следовала вечерняя прогулка. Мы шагали строем, распевая строевые песни. Каждое подразделение исполняло свою, стараясь «перепеть» других. Пели, главным образом, песни военных лет – о своих родах войск, о краснодонцах, о героях-партизанах и другие песни тех лет. Пение раздавалось далеко за пределами военного городка, по ним можно было определять время суток.

Невольно сравниваешь с тем, как обстоят дела сегодня. Даже проживая по соседству с военным гарнизоном, услышать песню – большая удача. Иногда звучит заунывное: «Не плачь, девчѐ-о-о-онка, пройдут дожди...» или что-нибудь в том же духе. Грустно слушать...

После прогулки давалось немного времени на вечерний туалет: умыться и привести в порядок обувь. Наконец долгожданная команда: «Отбой!» Аккуратно сложив на прикроватный табурет обмундирование и поставив рядом вычищенную обувь (ботинки со скатанными обмотками), ложились спать. В казарме включался дежурный свет – синяя лампочка. Освещенными оставались только место дневального по роте и туалет. Сон крепкий, без сновидений, до самого подъема.

В воскресные и праздничные дни нам разрешались увольнения в городской отпуск. К нему мы старательно готовились: приводили в порядок и гладили обмундирование, чистили до зеркального блеска пуговицы и пряжки ремней, подшивали свежие подворотнички. В это время Уставом уже разрешалось ношение коротких причесок. И мы стриглись у «доморощенных» парикмахеров – на парикмахерские денег у нас не было. А кое-кто уже брился.

После завтрака дежурный по роте строил увольняющихся в казарме и докладывал об этом старшине, который проверял внешний вид, а также наличие у солдат личных документов и даже чистых носовых платков. Увольняющихся подробно инструктировали, напоминая правила отдания чести старшим по званию. А также говорили о том, что нельзя курить на ходу и держать руки в карманах.

За время войны и службы в отдаленных гарнизонах мы несколько «одичали», а жизнь в казармах не располагала к изящной словесности, поэтому нам нелишне было постоянно напоминать о соблюдении элементарных норм приличия в общественных местах – не сквернословить, уступать места в транспорте пожилым людям и женщинам и так далее. И вот, преодолев все формальности и предъявив на КПП свои увольнительные записки и личные документы, мы выходили в город. Свобода! Однако одесские «старожилы» предупреждали нас о том, чтобы мы избегали военных патрулей, придиравшихся к любому пустяку.

Это происходило в феврале 1947 года. Первое свое увольнение мы решили использовать для прогулки к морю, которого никогда еще не видели. На ближайшей трамвайной остановке прохожие объяснили нам, как проехать к санаторию «Аркадия».

Погода была ветреная, по небу плыли темные облака. Море появилось как-то внезапно. Глядя на него с высокого крутого берега, мы видели, как темно-синяя масса воды поднимается к горизонту стеной. Пенистые волны с шумом накатывали на берег, увлекая за собой прибрежную гальку. Над морем кружили чайки. Мы спустились вниз, к самой кромке воды, и долго любовались этой величественной картиной. И даже попробовали воду на вкус, убедившись, что она и в самом деле соленая. Так произошло наше первое знакомство с Черным морем.

Приморский бульвар

калась знаменитая потемкинская лестница. Наверху находился памятник Арману Ришелье (одесситы называли его «Дюк») работы скульптора Мартоса.

Арман Ришелье был градоначальником Одессы и много сделал для ее развития. Бытовало мнение, что именно он был основателем города, хотя здесь значительно раньше, еще в 1803 году, стояла турецкая крепость Хаджибей. Память о ней сохранилась в названии Хаджибейского лимана с целебными грязями в шести километрах от Одессы.

Кроме Приморского бульвара, любимым местом для прогулок была Дерибасовская – одна из наиболее красивых улиц города. И нам приходилось держать ухо востро, так, как патрули встречались тут чаще, чем в других местах. А поскольку их служба оценивалась количеством выявленных нарушителей дисциплины, то

Памятник Ришелье

придаться они могли к чему угодно. И мы старались избегать встреч с ними.

Чаще всего мы ходили в кино. А по праздничным дням, как правило, театры давали шефские концерты и спектакли для солдат. Особенно часто мы бывали в знаменитом Одесском театре оперы и балета, поскольку с ним у нашего полка были налажены тесные шефские связи. По просьбе командования

Оперный театр

по воскресным дням солдат бесплатно пропускали на галерку, если там были свободные места. Здесь я впервые воочию увидел и услышал оперный спектакль. В летнее время в Одессу на гастроли приезжали столичные соли-

сты, но на эти спектакли попасть было трудно. Правда, однажды, мне все же удалось попасть на оперу Верди «Травиата». Партию Жермона исполнял народный артист СССР Павел Лисициан. Кроме того, здесь я слушал оперы «Евгений Онегин» и «Князь Игорь», а также смотрел балет «Лебединое озеро» и другие спектакли, некоторые даже по два раза.

При возвращении из увольнения главной задачей было проскочить через КПП, уложившись в отведенные сроки.

Но вот мы и дома, в своей казарме, которая для моих одногодков стала «родным домом» на долгие шесть-семь лет. Закон предусматривал трехлетний срок службы, но об этом никто не вспоминал. В казарме прошли лучшие годы жизни ребят моего поколения.

С течением времени условия нашей жизни постепенно улучшались. В казармах было тепло, вместо нар каждый солдат имел свою кровать, табурет и тумбочку (на двоих). Строго соблюдались санитарные нормы. В каждой роте имелаась Ленинская комната с радиоточкой (телевизоров в то время еще не было). Там же были подшивки газет и журналов, настольные игры и музыкальные инструменты (гармонь, гитара, балалайка и мандолина). Здесь проводились политзанятия, собрания, беседы и другие воспитательные мероприятия. В Ленинской комнате обязательными были стенды наглядной агитации, посвященные жизни и деятельности В. И. Ленина, а также стенды, посвященные боевой подготовке, тексты Гимна Советского Союза и Военной Присяги.

В казарме стояли открытые пирамиды со стрелковым оружием. За них отвечали дежурный по роте и дневальные. Но так было недолго. Вскоре их заменили закрытыми пирамидами, которые запирались на замки и опечатывались. А уже через несколько лет в связи с участвовавшими случаями хищения были оборудованы оружейные комнаты с решетками на окнах и стальными дверями, подключенными к охранной сигнализации. Правда, в частях, где мне доводилось служить, случаев хищения оружия не было.

В мае наш полк выходил в летние лагерь, находившиеся тридцати километрах от Одессы в Чебанке. Здесь в 1925 году предательски был убит герой гражданской войны Григорий Котовский. Шли мы туда в пешем строю. Выходили ранним утром и к концу дня прибывали к месту назначения.

Поскольку лагерь раскинулся на морском берегу, то купаться мы могли в любое свободное время. После того, как были установлены палатки, обновлены линейка, столовая и другие объекты, начинались занятия по боевой и политической подготовке. Однако наша лагерная жизнь заканчивалась, как только на полях созрел очередной урожай. В колхозах его убирать было некому, многие взрослые мужчины погибли на войне, немало было и тех, кто, найдя себе работу в городе, оставался там жить. В городе у них была стабильная заработная плата, а не мифические «трудодни», за которые колхоз часто расплачивался натуральными продуктами. Чтобы получить деньги, их надо еще было продать на колхозном рынке.

На работу в колхозы мы ехали охотно, несмотря на то, что трудиться надо было в прямом смысле от зари до зари. На поле мы выезжали с рассве-

том, едва успев позавтракать. Мы работали на току, подавая снопы на молотилку, подвозили их с поля, перелопачивали зерно для просушивания, крутили веялки, загружали зерно на машины для отправки на элеватор. Из средств механизации в колхозе были две полуторки и дизельный двигатель, обеспечивающий работу молотилки. Кроме того, в колхозе было несколько лошадей, на которых работали подростки.

Занимались мы также и скирдованием – тоже работа не из легких. Наравне с нами здесь работали и женщины-колхозницы. Сложить солому в огромную скирду непросто. Это целая наука. Работу возглавлял пожилой мужчина – «скирдоправ», которому все мы безоговорочно подчинялись. Наш руководитель в выражениях не стеснялся, независимо о того, кто попадался ему под горячую руку. Зато уложенная под его руководством скирда была законченным произведением искусства. Ей не страшны были ни ветер, ни снег, ни дожди.

Несмотря на усталость, солдаты трудились охотно. Мы были рады уже тому, что ощущали себя свободными от казармы, строя и распорядка дня, которыми за 5-6 лет службы сыты были по горло. Над нами не было постоянного надзора командиров, хотя своим командиром мы гордились. Одним взводом командовал старший лейтенант В.Безукладников, Герой Советского Союза. Сегодня его фамилия значится среди Героев в Зале боевой славы Музея на Поклонной горе.

***Село Павлинка.
В колхозе***

Солдаты работали небольшими группами в разных местах и с командирами встречались лишь по вечерам. Отношения между нами стали более дружественными и менее формальными. Все работали на совесть, и упрекнуть нас было не в чем. Это отмечали и бригадиры, и члены правления колхоза, с которыми командование поддерживало тесную связь, и колхозники.

По вечерам у сельского клуба собиралась молодежь. Веселились, как могли. Солдаты познакомились с девушками, провожали их домой. Праздниками для всех были дни, когда в клуб приходил баянист. Играл он бесплатно. В эти дни в клубе были танцы. Однако из нас танцевать почти никто не умел. Этому искусству солдат обучали девчонки. Набор танцев был невелик: вальс, фокстрот и танго в «деревенском» стиле, мало похожем на настоящие танцы. Но главным было общение и знакомства. Иногда кто-то в кого-то влюблялся, но романы, как правило, завершались с окончанием уборочной страды и отбытием солдат на «зимние квартиры». И лишь один воин – Николай Сирык – женился. Он почему-то стеснялся своей фамилии и, когда познакомился с девушками, называл себя Николаем Сериковым. Не помню, когда была свадьба, но по праздникам его отпускали на побывку к жене. А она жила в деревне Павлинке – недалеко от Одессы.

Я не ходил на танцы и не бегал за девчонками. Тогда мне это было не интересно. Я понимал, что необходимо будет учиться, а прорех в моих знаниях было предостаточно. Немецкого языка я совсем не знал, как ни старалась меня чему-нибудь научить старенькая учительница Мария Иасоновна. Поэтому уже в Одессе я поступил на заочные московские курсы «Ин-яз», где проучился полтора года, получая литературу и задания по почте. Полученных на курсах знаний мне хватило для успешного окончания десятилетки, а позднее для поступления в Высший Военно-педагогический институт имени Калинина в Ленинграде.

Осенью 1947 года мы возвратились в свой родной 91-й гвардейский полк. В это время шла подготовка к очередной годовщине Октября. Нас тут же включили в состав парадного расчета, и началась изнурительная ежедневная строевая подготовка, длившаяся несколько часов. Сначала маршировали в составе взвода, затем шеренгами по десять человек, стараясь в движении удерживать равнение. Потом репетировали прохождение в составе «коробки» – строя, насчитывающего сто человек: десять человек по фронту и десять шеренг в глубину. Именно в таком строю нам предстояло шагать на параде. Но это еще не все. Одновременно отрабатывались строевые приемы с оружием. К трибунам мы шли с карабинами в положении «на-плечо», мимо трибун проходили с оружием в положении «на-руку» (равнение направо), а пройдя трибуны, снова «на-плечо».

Нам выдали новое обмундирование и новые ботинки с обмотками. В сапоги были обуты только солдаты, шагавшие в первой шеренге, и правофланговые со стороны трибун.

7-го ноября нас подняли на час раньше обычного. Мы быстро привели себя в порядок, позавтракали и строем направились к месту проведения парада, на площадь, которую почему-то называли Куликовым полем. Прибыли туда примерно за полтора часа до начала парада.

Площадь постепенно заполнялась войсками, трибуны – гостями. Прибыл сводный духовой оркестр. На противоположной стороне собралось большое количество одесситов.

Ровно в 10 часов раздалась команда: «Парад, смирно! Для встречи справа слушай, НА-КАРАУЛ!». Оркестр заиграл Встречный марш. Мы взяли

Маршал Жуков принимает парад

винтовки «на караул», одновременно поворачивая голову направо. Справа на белом коне в маршальском парадном мундире появился Маршал Советского Союза, командующий Одесским Военным округом Г.К.Жуков. Ослепительно блестели его многочисленные награды и регалии. Поразительно красиво маршал держался в седле: чувствовалась кавалерийская выучка. Вышколенный конь под звуки

оркестра медленным галопом скакал вдоль строя. Площадь взорвалась овацией, одесситы бурно приветствовали прославленного полководца.

Навстречу на гнедом коне скакал генерал – командующий парадом. Точно посередине всадники остановились. Оркестр замолк. После доклада маршал в сопровождении командующего парадом объехал строй, поздоровался с участниками парада и поздравил их с праздником. Участники парада ответили троекратным «Ура!». Жуков подъехал к трибунам, спешил и поднялся к микрофону. На трибунах были гости и руководители города. Оркестр умолк. Зазвучали фанфары. Они играли сигнал «Слушайте все!».

Маршал Жуков произнес краткую речь, по окончании которой оркестр исполнил Гимн Советского Союза. Прогремел артиллерийский салют. Начался военный парад. Это был последний парад войск Одесского Военного округа, который принимал Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Вскоре он заболел – первый инфаркт. Не выдержало сердце маршала. Вскоре на его место был назначен генерал-полковник Н.П.Пухов. А Жуков после выздоровления в феврале 1948 года был отправлен командовать Уральским Военным округом, подальше от Москвы.

Как сложилась дальнейшая судьба маршала Жукова?

После смерти Сталина Жуков был назначен заместителем министра, а в феврале 1955 года – Министром обороны СССР. Своим авторитетом Жуков поддерживал Н.С.Хрущева в то время, когда над ним нависла угроза смещения группой Маленкова, Молотова, Кагановича, выступивших против решений XXI съезда КПСС. И Хрущев «отблагодарил» маршала. Когда Жуков был с визитом в Югославии, на октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1957 году он был выведен из состава Политбюро ЦК КПСС, смещен с должности Министра обороны СССР с формулировкой «За нарушение ленинских принципов руководства Вооруженными Силами» и теперь уже навсегда отправлен в отставку.

Жуков считал, что истинной причиной его отставки было опасение Н.С.Хрущева, что он, Жуков, может занять его место и стать главой государства. Именно в этот период генерал Эйзенхауэр, бывший верховный главнокомандующий войсками союзников в Западной Европе, стал президентом США.

Но продолжим рассказ о наших праздничных торжествах.

Пройдя строевым шагом мимо трибун, мы перестроились в колонну по четыре и отправились в расположение полка. Там нас ждал праздничный обед. Это был один из праздников, когда солдатам к обеду давали по сто граммов водки. Кроме того, обед готовился из более вкусных продуктов: вместо обычной перловки, прозванной солдатами «шрапнелью», варили рис или вермишель, жарили котлеты, подавали фрукты или компот. Командиры поздравляли своих подчиненных с праздником и сидели за столами вместе с солдатами.

На следующий день праздника для солдат во всех театрах города проходили дневные шефские концерты и спектакли. Ходили мы туда строем. Те,

у кого были знакомые или родственники в городе, если не были заняты на службе, могли до отбоя уйти в городской отпуск.

У меня тоже были знакомые одесситы. Это семья Шнитцер: Василий, его жена Тамара и малютка Ирочка еще до войны приезжали к нам в Старобельск на отдых. Тамара была чрезвычайно разговорчивой, говорила взахлеб и сразу обо всем, как могут говорить только одесситки. Остановить ее было невозможно. Василий, зная характер жены, молчал или начинал читать газету. Но стоило ему отвлечься от газеты и попытаться рассказать о прочитанном, как Тамара решительно пресекала эти попытки.

- Вот интересная статья. Миклухо-Маклай...

- Базиль (так она называла Василия), брось своего Маклая, поговори лучше с ребенком! – и без паузы продолжала прерванный разговор. Базиль послушно бросал газету и начинал разговаривать с ребенком, которому не исполнилось еще и годика. Потом пили чай в саду.

Василий погиб на фронте в самом начале войны. Тамара с Ириной и парализованной бабушкой жили в просторной комнате коммунальной квартиры на втором этаже. Комната была крайне запущена и, по-видимому, никогда не ремонтировалась. В углу, рядом с бабушкиной лежанкой, находились зимние запасы дров и угля (в доме было печное отопление). Чтобы попасть в комнату, надо было пройти по совершенно темному коридору с резким запахом кошек. Несмотря ни на что, Тамара очень гордилась тем, что жила в центре города, рядом с Дерибасовской улицей.

Тамара была очень гостеприимна и угощала всем, что было в доме. А было очень немного. Первые послевоенные годы были трудными, и Тамаре было не просто содержать семью из трех человек на свою зарплату служащей. Но она никогда ни на что не жаловалась. Ирина мечтала стать балериной и впоследствии действительно работала в театре, но не балериной, а буффетом.

Но вот праздники закончились, начались армейские будни, заполненные боевой учебкой, политзанятиями и служебными нарядами – караулами, дежурствами и воспитательными мероприятиями. Активизировала свою работу и комсомольская организация, о которой, работая в колхозе, мы как-то позабыли.

Сегодня принято комсомол ругать, низвергая комсомольских работников до положения шкурников, карьеристов и недоумков. Возможно, были и такие, особенно из тех, кто поближе к власти, считавшей комсомол своим резервом и опорой. Сегодня те же люди, бросив свои партбилеты, стали президентами, губернаторами и чиновниками высших рангов. Вот они-то и выращивали себе подобных комсомольских «деятелей». Но нельзя забывать и о том, что комсомол действительно играл важную роль в жизни молодежи, активно боролся против фашистских захватчиков и на фронте, и в тылу врага. Ведь были и молодогвардейцы, и Зоя Космодемьянская, и другие, о которых сейчас почти не вспоминают. Молодежь с энтузиазмом трудилась на целине, на БАМе и на других «стройках коммунизма». И не их вина, что впоследствии эти стройки оказались не востребованными.

В руках опытных командиров деятельность армейских комсомольских организаций была мощным средством повышения дисциплины и воспитания личного состава. Через комсомольские организации осуществлялась более тесная связь с солдатами, узнавались их настроения и нужды. Много полезной информации давали комсомольские собрания. Все это осталось в прошлом. И как результат – появление «дедовщины». Свято место пусто не бывает. На смену комсомольским активистам пришли полукриминальные элементы, объявившие себя «дедами» и присвоившие право устанавливать в казарме по существу тюремные порядки.

Сегодня надежную информацию, которую командиры стараются скрыть от общественности, дают солдатские матери. Чтобы защитить своих сыновей от «дедовского», а порой и командирского произвола, создан «Комитет солдатских матерей». Такое раньше не могло нам присниться и в страшном сне. Уже не воины защищают своих матерей, а матери защищают своих защитников – сыновей. Дело дошло до того, что распоясавшиеся пьяные «деды» нападают на дежурного офицера, и он вынужден применить оружие (Газета «МК» за 6 сентября 2006г.).

На мой взгляд, основной причиной «дедовщины» является слабость армейского руководства, как принято теперь говорить, «по всей вертикали», начиная с Министра Обороны, заканчивая непосредственными начальниками солдат – сержантами. А теперь министр Иванов выступил с предложением создать в воинских частях какие-то общественные организации для связи армии с общественностью. Не это ли свидетельство неспособности нынешнего командования навести уставной порядок в войсках?

Сейчас много говорят о несовершенстве законодательства об армии. А кто его будет совершенствовать, если дети самих законодателей в армии не служат? Их чада учатся в престижных заграничных колледжах и университетах.

Руководство считает, что выход из создавшегося положения в переходе армии на контрактную основу. Министр Иванов полагает, что это позволит привлечь в армию «умных» людей, способных управлять сложнейшей боевой техникой. Но по-настоящему умные люди в условиях рыночной экономики могут найти себе применение там, где и заработки выше тех, которые им может обеспечить армия, и чувствовать себя при этом свободными людьми. Служба по контракту – это служба по найму, за деньги. Но не бывает такой профессии – за деньги Родину защищать. Службу по призыву в ближайшее время предполагается сократить до одного года. А можно ли за один год обучить танкиста, сапера, снайпера, дозиметриста и других специалистов? Или все это будут делать контрактники? А как быть в случае объявления в стране мобилизации, откуда возьмутся эти специалисты? Создается впечатление, что наше политическое и военное руководство исходит из того, что в современных условиях войны быть не может. Ну, а если возникнут локальные военные конфликты, то их можно будет решить с помощью ограниченного контингента войск. И не дай бог, чтобы эти конфликты решались так, как в Афганистане. А события последних лет убеждают нас в обратном – конфлик-

ты имеют тенденцию вовлекать в свою орбиту другие народы и целые государства.

Сильное государство должно обладать сильной армией, и только тогда с ним будут считаться другие, и не только дружественные страны. Поэтому забота об укреплении оборонной мощи страны – неперемнное условие повышения авторитета государства на мировой арене. Это хорошо понимали прежние наши вожди. Правда, в условиях прежней плановой экономики нередко эти усилия наносили и немалый вред: то загадят все вокруг радиоактивными веществами, то произведут столько химического оружия, что не знают, как от него избавиться, то решат, что стране не нужны войска ПВО, и соединят их с ВВС, и т.д.

Раньше в 9-10 классах средней школы, в техникумах и на учебных пунктах преподавалась начальная военная подготовка. Теперь вся эта система разрушена «до основанья, а затем...»? Все эти знания и навыки, получаемые раньше в школах, солдаты должны будут получить в армии. Несколько месяцев они будут проходить курс молодого бойца. И сколько времени останется на службу, если учесть, что в будущем предполагается сократить весь срок службы до одного года? И вот эти недоучки должны будут с оружием в руках Родину защищать, вместе с «умными» контрактниками.

О подготовке молодежи к армейской службе речь пойдет в следующих главах, а пока вернемся к нашему рассказу.

Когда исполнилась годовщина моего пребывания в полку, меня пригласил на беседу секретарь парткома и повел речь о моем вступлении в КПСС. Это был период, когда партией был взят курс на пополнение рядов кадрами из рабочих «от станка» и младшими армейскими командирами и рядовыми, в первую очередь из фронтовиков.

Я почти полгода проживал на оккупированной территории. И к нам, побывавшим в оккупации, относились с определенной долей недоверия. А если по оплошности ты не указал этот факт в каком-либо документе, то тебя могли обвинить в намерении скрыть это и сделать вывод о вероятном сотрудничестве с немцами. В анкетах была графа: «Проживал ли на оккупированной территории?».

Предложение партийного секретаря о вступлении в КПСС я расценил как полное ко мне доверие и без колебаний написал заявление. После прохождения всех формальностей в октябре 1947 года парткомиссией 28-й гвардейской стрелковой Харьковской дивизии я был принят кандидатом в члены КПСС.

В 1948-49 годах в ряде воинских частей округа были образованы 12-месячные курсы по подготовке лейтенантов различных родов войск. По своему статусу они приравнивались к военным училищам и давали право поступать в военные академии. Как нам объяснили, это решение было принято с целью пополнения офицерского корпуса молодыми офицерами фронтовиками. Прослужив шесть лет на сержантских должностях, я решил поступить на эти курсы.

Так в феврале 1949 года я стал курсантом (прошу простить за тавтологию) курсов по подготовке лейтенантов инженерных войск при втором Отдельном тяжелом понтонном полку Одесского военного округа, располагавшемся в молдавском городе Бендеры. Командовал им Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск Н.В.Соколов.

БЕНДЕРЫ. КУРСЫ ЛЕЙТЕНАНТОВ

История молдавского города Бендеры своими корнями уходит в далекое прошлое. Но мы начнем свой рассказ с рубежа 15-16 веков когда усилилось могущество Османской Порты и Молдавское княжество оказалось подчинено Турции.

В 1583 году турки захватили Тигину (так в то время назывались Бендеры) и прилегающие к нему села. Выгодное стратегическое положение на Днестре недалеко от его впадения в Черное море сделало город одним из опорных пунктов борьбы турок против России. По плану знаменитого турецкого зодчего Синана Ибн Абдул Минана на этом месте возводится крепость. Эта крепость и город были переименованы в Бендеры (заимствовано из персидского – гавань, портовый город).

Крепость была построена по образцу западноевропейских крепостей бастионного типа. Она была обнесена высоким земляным валом и глубоким рвом и состояла из цитадели (наиболее укрепленной части, приспособленной для самостоятельной обороны, твердыни), верхней и нижней части. С юго-западной стороны размещался посад – торгово-промышленная часть города.

В результате победоносных русско-турецких войн 18-19 веков крепость трижды покорялась русским войском. 15 сентября 1770 года после двухмесячной осады крепость была штурмом взята русской армией под командованием генерала-аншефа И.П.Панина. В осаде принимал участие полк донских казаков, где сражался Емельян Пугачев – будущий предводитель крестьянского восстания.

За взятие крепости наши войска заплатили высокую цену. В ходе штурма русские потеряли около шести тысяч человек. В связи с этим Екатерина II сказала: « Чем столько потерять и так мало получить, лучше было бы и вовсе не брать Бендер».

Русско-турецкая война 1768-1774г.г. закончилась подписанием Кючук-Кайнарджинского мира, по условиям которого Бендерская крепость, как и вся Молдавия, отошли к Турции. А окончательное освобождение Бендер произошло в ноябре 1806 года. Крепость без особого сопротивления была сдана русским войскам под командованием генерала Мейендорфа. В соответствии с мирным договором, подписанным М.И. Кутузовым 16 мая 1812г., земли, позже получившие название Бессарабия, отошли к России.

В конце 1917– начале 1918 года Бессарабия была оккупирована Королевской Румынией и до 1940г. входила в ее состав.

После освобождения Бессарабии в ее истории начался новый этап. Второго августа 1940 года была образована Молдавская ССР.

За годы войны город был разрушен почти полностью, и его восстановление началось практически с нуля. Когда мы, будущие курсанты, прибыли в Бендеры, значительная часть города была уже восстановлена.

Приказ о создании курсов по подготовке лейтенантов инженерных войск на базе Отдельного тяжелого понтонного полка был издан в феврале 1949 года. Вся полковая техника размещалась на Днестре, а казармы, склады

*Генерал-майор
Н.В.Соколов*

и другие служебные помещения – в самой цитадели Бендерской крепости. Здесь же располагались и наши курсы. Командовал полком Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск Н.В.Соколов, а начальником курсов был назначен подполковник Е.Ф. Яшников. В состав курсов входило два взвода – всего 48 курсантов. Нашим взводом командовал ст. лейтенант Н.Сидоров.

Большинство наших курсантов до призыва в армию успели закончить 9 классов, а за годы войны и послевоенной службы успели многое подзабыть. Чтобы освежить эти знания в памяти, наряду с военными науками первое время в программу были включены математика, физика, русский язык и сопротивление материалов (наука о прочности и деформации материалов и элементов конструкций, а также простейших методах расчетов переправ и других сооружений). Для проведения этих уроков приглашались преподаватели высших учебных заведений. Надо отдать должное этим людям: к своей работе они относились очень ответственно, не считаясь со временем, они добивались усвоения предметов. С тех пор прошло более пятидесяти лет. В памяти не сохранились их имена, но до сих пор помнится, как уже к тому времени престарелый преподаватель математики, втолковывая нам какую-либо теорему или формулу, поминутно спрашивал: «Это вам понятно?». При этом он так увлекался, что не замечал, как после каждого вопроса прикладывал к носу испачканный мелом палец, отчего к концу урока нос становился совершенно белым.

Русский язык преподавал учитель с русской фамилией и восточной внешностью. Его главным постулатом было утверждение: «Как слышишь, так и пишешь». Что далеко небесспорно, так как в русском языке множество местных наречий. Так, москвичи пишут «страна моя, Москва моя», а говорят «страна мая, Масква мая». Правда, он не забывал напоминать о том, что в сомнительных случаях надо изменять слово так, чтобы на проверяемую гласную падало ударение.

Преподаватели были довольны нами. В отличие от непослушных школьников и нерадивых студентов, к учебе мы относились очень серьезно, своевременно выполняли все задания, помогали друг другу чем могли. Увлекательно для нас проходили занятия по специальным дисциплинам: подрывному делу и минно-взрывным заграждениям, фортификации и маскировке, автомобильному делу и машинам инженерного вооружения, военным мостам. Занятия по огневой, строевой, физической и политической подготовке проводили наши командиры взводов.

Подрывное дело и минно-взрывные заграждения преподавал капитан Дроздов. Он в совершенстве знал свое дело и имел уникальный боевой опыт, приобретенный в годы Великой Отечественной войны. Как и у большинства наших военных преподавателей, у него не было высшего образования, но зато имелись многочисленные боевые награды.

Дроздов объяснял: «Взрывчатые вещества (ВВ) делятся на три основные группы – метательные (пороха), бризантные, то есть дробящие – тротил, гексоген и др., а также инициирующие вещества, служащие для придания начального импульса заряду. Дело в том, что сами по себе бризантные ВВ

*Капитан
М.Е.Дроздов*

безопасны в обращении. Тот же тротил, брошенный в костер, не взрывается, а плавится и горит коптящим пламенем, но совместно с инициирующим ВВ (гремучей ртутью или некоторыми другими ВВ), получив начальный импульс, – как любил повторять капитан Дроздов, – **бесспорно взрывается** с огромной мощностью».

Иницирующие взрывчатые вещества могут взорваться от удара, трения, воспламенения бикфордова шнура и т.д. Поэтому изделия, в составе которых имеется, скажем, гремучая ртуть – капсули-детонаторы, снаряженные ими гранаты и другие изделия, требуют к себе исключительно внимательного отношения. Ведь известно, что сапер ошибается один раз в жизни.

Выражение «бесспорно взрывается» употреблялось Дроздовым при объяснении любого взрывного устройства и стало среди курсантов своеобразной поговоркой. Капитана мы все уважали и даже любили, и никто по отношению к нему не позволял неуместных шуток, а тем более насмешек.

На полевых занятиях мы приобретали опыт работы со взрывчатыми веществами, отработывали навыки техники безопасности при работе со взрывоопасными изделиями, применяя знания, полученные на занятиях в классе.

Хорошо запомнились наши первые практические занятия по взрывному делу. Полигоном для них служили румынские пограничные оборонительные сооружения, тянувшиеся по левому берегу Днестра, вдоль прежней советско-румынской границы.

Первой задачей было изготовление запала для фугаса. Каждый курсант получал капсуль - детонатор, 10 сантиметров бикфордова шнура и специальные обжимные клещи для плотного соединения детонатора со шнуром, конец которого (для удобства зажигания) был срезан острым ножом наискосок. После дополнительного инструктажа курсанты рассредоточивались по фронту и по команде «Зажигай, отходи» бросали запалы в канаву и считали взрывы. Если их прозвучало десять из десяти, значит, сработали все детонаторы. Если некоторые не взорвались, то кто-то бросил запал, не удостоверившись, что шнур воспламенился (а горит он со скоростью 1 см/сек). Выждав несколько минут и убедившись, что затяжной взрыв исключен, каждый находил свой запал, и виновник осечки исправлял собственную оплошность. Далее подводились итоги, и каждый получал заслуженную оценку.

Большое впечатление на нас произвела кумулятивная мина, обладавшая взрывом направленного действия. Фронтвики были знакомы с немецкими фауст-патронами, обладавшими подобными качествами. Но одно дело

взрывы небольшой гранаты, которой по существу являлся немецкий «фауст», и совсем другой эффект – взрыв такой мины весом в несколько килограммов,

Апрель 1949г.

Курсанты

М.Погребняк и Б.Пясецкий

установленной на железобетонном перекрытии ДОТА. Перекрытие буквально прожигалось насквозь, и остаться в нем живым было абсолютно нереально.

Знакомились мы и с камуфлетными взрывами, при которых заряд взрывается глубоко под грунтом без образования воронки и выброса земли наружу. Таки взрывы используются для разрушения подземных сооружений противника.

Изучали мы также устройство противотанковых и противопехотных мин, правила их установки и обезвреживания, правда, только на учебных минах и теоретически. Вплотную с этой работой мы столкнулись после окончания курсов, будучи уже офицерами, в 1951-1952 годах.

В это время на территории Молдавии по мере расширения посевных площадей участились несчастные случаи, связанные со взрывами мин и других боеприпасов, оставшихся со времен войны. Гибли люди, скот на пастбищах, выходила из строя сельскохозяйственная и другая техника. Местные власти обратились за помощью к военному командованию, и инженерные подразделения были направлены в эти районы для сплошного разминирования опасных участков. Эта работа была сложной, ответственной и опасной. Термин «сплошное разминирование» означает, что миноискателем будет проверен каждый квадратный метр площади. Каждый участок передавался хозяевам по акту с гарантией безопасной хозяйственной деятельности на нем.

На инженерные (саперные) части возлагались и многие другие задачи: строительство и ремонт мостов и дорог, наведение понтонных переправ через реки, сооружение крупных командных и наблюдательных пунктов, маскировка (система мер, имеющих целью скрыть или ввести в заблуждение противника об истинных намерениях командования) и т.д.

Кстати, название «сапер» происходит от французского слова, означающего «вести подкоп». Подкопы вели для скрытого сближения с противником. В настоящее время такие части именуются инженерно-саперными, а военнослужащих этих частей называют по-прежнему саперами.

«Военные мосты» – это отдельная дисциплина нашего обучения. Проектирование моста включало, прежде всего, инженерную разведку: измерение ширины водного препятствия, глубину и профиль дна, а также характеристику береговой линии и наличие удобных подъездов для подвоза строительных материалов, а в дальнейшем – проезда военной техники. Далее, в зависимости от заданных параметров производился расчет элементов будущего сооружения. Сделать такой расчет можно было двумя способами: табличным – более простым с использованием специальных таблиц, и аналитиче-

ским, когда необходимо было рассчитать каждый элемент конструкции моста: свай, пролетов (расстояний между опорами), грузоподъемность моста и т.д. Мы учились проводить расчеты обоими методами. Все это, кроме разведки, мы проходили теоретически. Для разведки водной преграды мы выезжали к притоку Днестра реке Реут и несколько групп получали задачу провести разведку реки в разных местах. Необходимо было измерить ширину реки специальным дальномером, измерить скорость течения, глубину и поперечный профиль дна, дать характеристику берега и подъездов к нему. Также надо было указать наличие местных материалов, пригодных для строительства, и выбрать место для изготовления мостовых деталей. Затем необходимо было написать донесение с указанием результатов разведки и своих выводов о целесообразности (или нецелесообразности) возведения моста на данном участке реки.

На уроках военной топографии мы учились читать карту, изучали особенности местности, ее влияние на выработку тактических и инженерных задач, с помощью топографической карты и компаса совершали марши по заданному маршруту. Знание топографии было необходимо для обозначения на карте границ минных полей и их привязки к местности. Это делалось для того, чтобы при необходимости (например, при переходе от обороны к наступлению) минные поля можно было быстро снять, обеспечив безопасное продвижение своих войск.

Одним из предметов обучения на курсах была фортификация – отрасль военно-инженерного искусства, охватывающая теорию и практику строительства инженерных сооружений и использования их для обеспечения эффективного применения оружия. Такими сооружениями являются ДОТы, пункты управления, некоторые виды заграждений – противотанковые рвы, надолбы, эскарпы (крутые откосы в сторону противника) и др. На занятиях фортификацией мы изучали технику, используемую для выполнения этих работ: бульдозеры, экскаваторы, скреперы, траншеекопатели, подъемные механизмы и другие ее виды.

Перед войной на западных границах страны была создана мощная система фортификационных сооружений, но в связи с вводом в состав СССР западных территорий эти сооружения были брошены, а новых создать не успели. В том числе и по этой причине в первые дни войны немецкие войска успешно продвигались вперед, а мы несли огромные потери.

Обучение на курсах строилось исходя из опыта минувшей войны. Многое из того, что нам преподавали, было для нас ново, и мы прилежно учились, не считаясь со временем. Занятия продолжались по 8-9 часов, включая время на самоподготовку и выполнение письменных заданий, на работу с топографической картой и многое другое. Выходной день был раз в неделю, а получившие «неуд» лишались права на городской отпуск (увольнение).

Возможности для проведения досуга были весьма ограничены. По выходным дням в солдатском клубе демонстрировался кинофильм, а в Ленинской комнате имелись настольные игры, радиоточка да струнные музыкальные инструменты, на которых никто не умел играть. В городе имелся дом

культуры, где по воскресеньям устраивались танцы. Но большинство курсантов танцевать не умели, и те, кто хоть чуть-чуть умел это делать, обучали желающих потанцевать прямо в казарме без музыкального сопровождения. Ну, а совершенствовались свое «умение» мы под руководством местных девчонок, которые охотно выступали в роли наставников. Те, кто были посмелее и не опасались оттоптать своими «кирзачами» партнерше ноги, приглашали девушек на танец. Ну, а самых стеснительных девушки приглашали на танец сами, дождавшись, когда объявят «дамский вальс». Курсантов в Бендерах было мало, и местные дамы проявляли к ним повышенное внимание.

Выходной заканчивался, и мы вновь погружались в учебные будни, заполненные классными и полевыми занятиями, занятиями по строевой, физической и политической подготовке.

В ноябре 1949 года решением партийной комиссии политотдела 24 гвардейского Братиславского корпуса, в котором состояла на учете парторганизация 2-го отдельного понтонного полка, я был принят в члены КПСС. В то время мы свято верили в идеалы коммунизма и верность ленинского курса ЦК, возглавляемого И.В.Сталиным. Победа СССР в Великой Отечественной войне способствовала росту авторитета Сталина не только в стране, но и во всем мире, хотя и раньше партийная пропаганда не жалела усилий для его прославления. О нем слагались песни и кантаты, любой концерт должен был начинаться песней или стихотворением о Сталине. Вот несколько примеров, оставшихся в памяти с тех времен. «Песня о Сталине» – фрагмент:

От края до края, по горным вершинам,
Где гордый орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасные песни слагает народ.

В хоре имени Пятницкого пели о том, как колхозники мечтали «в гости Сталина позвать, чтобы Сталину родному все богатства показать». Все публичные выступления принято было заканчивать здравицей в честь Сталина, а каждое упоминание его имени в ходе выступления встречалось аплодисментами. А если это была партийная, комсомольская конференция или съезд, то докладчик также завершал свое выступление здравицей товарищу Сталину. В газетных репортажах писали: «...бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Слышатся возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Слава великому Сталину!» и т.д. Следует отметить, что «бурные аплодисменты, переходящие в овацию», не были стихийными, они готовились заранее. Для этого организаторы мероприятия поручали активистам, сидящим в разных концах зала, провозглашать эти лозунги, после чего аплодисменты вспыхивали с новой силой. В завершение делегаты исполняли «Интернационал» (он был партийным гимном). Музыкального сопровождения не было, но каждый делегат вместе с мандатом получал текст гимна.

Многолетнее воздействие на сознание солдат мощной пропагандистской машины, чрезмерное возвеличивание заслуг И.В. Сталина не только

мнимых, но и реальных, давали свои результаты. Да и повседневная жизнь подтверждала верность принятого курса: успешно преодолевались последствия войны, повышался жизненный уровень народа. В те трудные годы быть членом партии считалось большой честью. О репрессиях мы не знали, считая, что аресту подвергались настоящие враги народа. Я не верю деятелям, которые сегодня гордятся тем, что никогда не состояли в КПСС, ставя это себе в заслугу. И как можно верить тем, кто своими руками сотворил культ личности Сталина, а, придя к власти (благодаря партии), забросил свой партбилет и стал грабить то, что было создано народом за годы советской власти?

Но вернемся на наши курсы. Приближался новый 1950 год. В местном ателье для нас стали шить офицерские мундиры. Сначала к нам приехал закройщик и снял мерки, а потом мы сами ходили в ателье для примерок. Мундиры шили индивидуально для каждого курсанта.

С наступлением Нового года началась напряженная подготовка к выпускным экзаменам. А их предстояло сдать по одиннадцати дисциплинам: фортификации, военным мостам, дорогам, подрывному делу и минно-взрывным заграждениям, военной топографии, а также по общевоинским дисциплинам – огневой, строевой и физической подготовке, уставам Советской Армии и, разумеется, по политической подготовке. Председателем экзаменационной комиссии был назначен генерал-майор инженерных войск Васильев. Все курсанты экзамены сдали успешно.

По завершению экзаменов начались торжества, посвященные присвоению нам воинских званий, – по нынешним понятиям, очень скромные. На основании приказа Главкома инженерных войск № 0555 от марта 1950 года всем нам было присвоено воинское звание «лейтенант». На построении нам были вручены лейтенантские погоны, командиры поздравили нас с этим событием. Затем нам дали время, чтобы мы прикрепили эти погоны на мундиры – в то время они легко пристегивались пуговицами. В заключение состоялся торжественный обед. На столах стояли бутылки с водкой и разные закуски. Командование полка и преподаватели еще раз поздравили нас с окончанием учебы и пожелали успехов в предстоящей офицерской службе.

На основании приказа
Главкома от 1 марта 1950,
(указать чей приказ, дату и №)
№ 0555.

товарищ Лясский
(фамилия имя и отчество)
Ворис Иванович

окончил курсы с общей оценкой
отлично
(проставить)

с присвоением ему воинского
звания лейтенант

Председатель выпускной
экзаменационной комиссии
Генерал-майор инженер. войск
М. П. Васильев

Командир части
(Начальник дивизии)
Васильев

А. Сидоров 1950 года, № 28

**Выписка
из аттестата
об окончании курсов**

Первый тост, как было в то время принято, был провозглашен «За Родину, за Сталина», а дальше пошли пожелания здоровья и счастья в личной жизни. От имени выпускников был провозглашен тост со словами благодарности командованию части и нашим преподавателям за их труд и заботу о подготовке будущих офицеров, за обучение и воспитание. На этом мероприятия, посвященные

нашему выпуску, были закончены. Мы были свободны и могли распоряжаться временем по своему усмотрению.

Вскоре пришел приказ о нашем назначении в разные части округа.

Этим же приказом от 8 марта 1950 года я был назначен командиром взвода 2-го отдельного понтонного полка, при котором и были созданы наши курсы. Этот полк располагался в крепости города Бендеры. Наверное, это назначение состоялось потому, что все экзамены я сдал на «отлично».

На этом хотелось бы и закончить воспоминания о своей юности. Началась многолетняя офицерская служба с постоянными переездами, бесконечными командировками, с радостями и огорчениями. Об этом я постараюсь рассказать в последующих главах.

КОМСОМОЛ - МОЯ СУДЬБА

Эту главу я назвал словами из комсомольской песни прошлых лет:

Комсомол – не просто возраст,
Комсомол – моя судьба!

Случилось так, что первые годы моей офицерской службы были отданы армейскому комсомолу. Комсомол стал моей судьбой на шесть лет.

Отгуляв положенный мне по окончании курсов отпуск, впервые после семилетней срочной службы навестив своих родителей, я вернулся в Бендеры и приступил к выполнению обязанностей командира взвода подъемных кранов 2-го отдельного понтонно-мостового полка. Собственно, самих подъемных кранов в полку не было – они были нужнее для восстановления народного хозяйства, разрушенного войной.

Взвод занимался подготовкой понтонов, стоящих на стапелях, к покраске. Очистка их корпусов производилась пескоструйными аппаратами. Сжатый компрессорами воздух поступал в пескоструйный аппарат, где смешивался с песком. Затем эта струя через шланг и сопло подавалась на обрабатываемую поверхность. Таким образом, металл очищался от ржавчины и старой краски и готовился к нанесению грунтовки.

Работа эта производилась в защитных очках и в респираторах. С этой техникой я знаком не был, и мне пришлось ее осваивать с помощью своих подчиненных, имевших опыт такой работы.

Этим взводом я командовал недолго. Вскоре меня вызвали в политотдел на беседу и предложили пойти на должность замполита зенитно-артиллерийской батареи. При этом намекнули, что это назначение я должен воспринимать как досрочное повышение по службе, ибо, если не считать месячного отпуска, то на офицерской должности я прослужил менее года. Я откровенно признался, что не представляю, каковы мои обязанности, и что я должен делать на этой должности. Меня успокоили тем, что замполит дивизиона, где я должен буду служить – опытный политработник. Кроме того, меня пошлют на курсы молодых политработников (в это время ввели институт заместителей командиров рот и батарей по политической части). Поскольку на эти должности назначались молодые офицеры, как и я, не имевшие опыта и знаний, необходимых для этой работы, для них были организованы курсы переподготовки. Вскоре на такие курсы послали и меня. Они были созданы при Ташкентском военном училище. И я отправился в Ташкент.

Учеба в Ташкенте длилась два или три месяца – точно не помню. В памяти от этой учебы осталось мало. Помнится, что изучали мы, прежде всего, историю КПСС, теорию и практику проведения партийно-политической работы в войсках.

Вскоре по прибытию с учебы меня снова вызвали в политотдел и сообщили, что политуправление округа рекомендует меня для избрания секре-

тарем комсомольского бюро 56-го инженерно-саперного полка, который находится в молдавском городе Дубоссары в 60 километрах от Бендер.

Я переехал к новому месту службы. Здесь я встретил нескольких выпускников Бендерских курсов лейтенантов и поселился с одним из них на частной квартире рядом с расположением полка. Некоторое время спустя в местном кинотеатре состоялось полковое комсомольское собрание, на котором меня избрали секретарем комсомольского бюро полка, а заодно и делегатом окружной комсомольской конференции Одесского военного округа, которая должна была состояться 15 апреля 1951 года. Приняв дела у своего предшественника Астапова, я только успел кратко познакомиться с начальниками и коллегами, с которыми мне предстоит служить, и отправился в командировку в Одессу для участия в окружной комсомольской конференции.

Мандат делегата конференции ОдВО 1951 года

комсомольцев и обеспечению передовой роли членов ВЛКСМ в учебе и дисциплине». Уровень организации был высоким, начиная от встречи и регистрации делегатов, их размещения и питания (конференция продолжалась два дня, не считая дней прибытия и убытия). Интересным и содержательным были доклады и выступления делегатов и речь командующего округом генерала Н.П.Пухова.

Вернувшись в полк, я начал с того, что собрал комсомольский актив – секретарей первичных комсомольских организаций, членов комсомольского бюро полка, и по своим записям подробно рассказал им о ходе конференции и принятых на ней решениях. Учитывая то, что таким составом мы встречались впервые, я попросил каждого из них кратко рассказать о себе и о своих комсомольских организациях. На нашем совещании присутствовал секретарь партийного бюро полка майор Бахарев, не позволявший секретарям приукрашивать истинное положение дел.

Решено было обсудить задачи, вытекающие из решений IV окружной комсомольской конференции, применительно к своим организациям (резюмируя конференцию была выдана каждому делегату). Так началась моя рабо-

та на комсомольской должности. Задачи, стоявшие перед комсомольскими организациями, были предметом обсуждения на семинарах секретарей, проводимых ежемесячно с участием политработников и заместителя командира и начальников служб полка. О них шла речь и на собраниях первичных комсомольских организаций подразделений. Чаще всего это были открытые комсомольские собрания, на которых присутствовали все солдаты и офицеры этого подразделения. Такие собрания способствовали сближению командиров со своими подчиненными, позволяли узнавать о положении дел в подразделениях, запросах и нуждах подчиненных, предотвращать грубые проступки, не дожидаясь, как нередко случается сейчас, вмешательства солдатских матерей, работников военной прокуратуры и средств массовой информации.

Наряду с боевой и политической подготовкой подразделения полка выполняли и другие сложные, а зачастую и опасные задачи. Прежде всего, разминирование территории, на которой проходила Яско-Кишиневская операция, в результате которой в октябре 1944г. была освобождена от немецких оккупантов Молдавская ССР. Особенно опасной была работа в пойме Днестра, затопляемой в весенние разливы части речной долины. А трудность состояла в том, что мины, неразорвавшиеся и просто брошенные снаряды, оказались под слоем речных наносов, что затрудняло поиск.

Не обошлось и без происшествий. По договору между командованием части и местными властями на территории, где были обнаружены взрывоопасные предметы, должны были выставляться сторожевые посты из местных жителей, предупреждавших население об опасности, до прибытия команды подрывников. Этого сделано не было, и местные подростки проникли в опасную зону. Увидев, что мина находится в лунке, глубиной менее метра, они стали бросать в нее камнями. Раздался взрыв.... Один подросток погиб, двое были ранены и контужены. Этот трагический случай послужил наглядным уроком и для властей, и для населения, а заместитель командира полка – руководитель работ подполковник Хрипун был приговорен к условному наказанию.

Важной задачей для саперных подразделений была охрана моста через Днестр в период ледохода. Мост был построен в годы войны на деревянных опорах – сваях. Крупные ледовые поля, плывущие по реке, могли повредить и даже разрушить мост, образовать в этом месте ледяной затор. К ледоходу готовились заблаговременно: вокруг свай прорубались полыньи и готовились тротиловые заряды. На мосту устанавливались прожекторы, а чтобы не пропустить начало ледохода, организовывалось круглосуточное дежурство.

И вот лед тронулся. Саперы внимательно следили за прохождением льда, а с приближением крупных участков дробили их, метая на льдины 200 – 400 - граммовые тротиловые шашки. Работа эта ответственная и опасная: шашка должна взорваться через 10-12 секунд, и не ближе 20-25 метров от моста, иначе взрывом может быть поврежден сам мост – ведь лед постоянно движется по течению реки. Нельзя было допустить и значительного повышения и уровня паводковых вод, вызывающего затопление территорий,

прилегающих к реке. Кроме того, с началом строительства Дубоссарской ГЭС создалась угроза затопления котлована, предназначенного для сооружения фундамента плотины и здания будущей ГЭС. Повышение уровня воды вызывалось образованием ледовых заторов, особенно на участках реки, где ее русло резко меняло направление течения. Таким был участок между населенными пунктами Криуляны и Григориополь, недалеко от Дубоссар. Сюда и направлялась оперативная группа для ликвидации затора.

Работа была опасной, поскольку до того, как взорвать фугасы, их необходимо было заложить в преграду, которая могла начать свое движение в любую минуту. Солдатам, работавшим там, была необходима надежная страховка. Многие из этих проблем были решены, когда выстроили железобетонный мост и возвели плотину Дубоссарской ГЭС, позволившую регулировать уровень воды в реке.

Мне довольно часто приходилось работать в комсомольских организациях подразделений, выполнявших эти задачи. Одновременно я учился в 10-м классе Дубоссарской вечерней средней школы, поскольку до призыва в армию успел закончить только 9 классов. Здесь, в школе, я встретился с красивой девочкой Любашей, с которой мы вскоре поженились. Мы вместе уже более пятидесяти лет и вырастили двоих сыновей.

С молодой женой Любашей – май 1951г.

Свою работу мы вели в тесной связи с местной комсомольской организацией – Дубоссарским райкомом ВЛКСМ, от которой я дважды избирался делегатом съездов комсомола Молдавской республики. На одном из них присутствовал и выступал тогда еще молодой Л.И. Брежнев, работавший в то время первым секретарем ЦК Коммунистической партии Молдавии. Свою речь он посвятил задачам комсомола Молдавии. Говорил он без бумажки, называя по памяти многие цифры и факты, характеризующие положение дел на местах. В перерыве он вышел в фойе для встречи с делегатами съезда. Делегаты встретили Леонида Ильича и сопровождавших его лиц аплодисментами. Подкупала его простота в общении с людьми, умение расположить к себе и полное отсутствие чувства превосходства над собеседниками. В Молдавии он пользовался большим уважением, и это звучало не только в выступлениях делегатов съезда, зачастую заранее подготовленных в райкомах комсомола, но и в неформальных беседах с теми, кому приходилось встречаться с ним у себя в хозяйствах и на предприятиях.

Он внимательно выслушивал делегатов, обстоятельно отвечал на их вопросы, что-то обещал сделать или обсудить в ЦК с работниками, отвечав-

шими за тот или иной участок. Сопровождавшие его работники ЦК брали эти вопросы на заметку. Делегаты остались довольны этой встречей.

А служба в полку шла своим чередом. Большое значение придавалось поддержанию личного состава в постоянной готовности к выполнению боевых задач. С этой целью периодически объявлялась боевая тревога, по которой офицеры, проживающие в городе, должны были немедленно прибыть в часть. К каждому офицеру назначался посыльный, заранее проинструктированный, который в случае объявления тревоги обязан был оповестить об этом офицера. Офицер же обязан прибыть в полном снаряжении, имея при себе «тревожный чемодан». В чемодане должны быть командирская линейка, набор цветных карандашей для работы с картой, туалетные и бритвенные принадлежности и все необходимое для походной жизни. И когда в ночной тишине вдруг раздавался топот солдатских сапог, все знали, что в части объявлена боевая тревога: город-то был небольшой, а полк один.

Иногда полк выходил в заранее назначенный район сосредоточения и к утру возвращался домой. Иногда с объявления тревоги начинались продолжительные учения, о которых, как правило, знали заранее. А иногда, после проверки времени прибытия и содержания «тревожных чемоданов», офицеры расходились по домам.

Однажды на такой контрольной проверке произошел анекдотичный случай, когда офицер впопыхах перепутал чемоданы, и при проверке там оказалось женское белье. Все чуть не попадали со смеху. А командовал полком тогда полковник Котляров. Он никогда не улыбался, даже когда шутил. И он серьезно спросил у офицера, с кем он собрался воевать с такой амуницией? Это вызвало новый взрыв смеха.

Помнится один эпизод. В штабе шло служебное совещание, когда с опозданием в несколько минут прибыл старший лейтенант Кабанов и попросил разрешения присутствовать. Выговор был неизбежен и произошел следующий диалог:

- Товарищ старший лейтенант! Что это за распуста (было такое словечко в лексиконе нашего командира)? И когда это кончится?

- Товарищ полковник, по моим часам у меня еще есть пять минут.

- Выбросьте свои часы...

- Есть, товарищ полковник! – не дал договорить провинившийся. И часы полетели в открытое окно. Командир слегка улыбнулся, указал на свободный стул и продолжил совещание. «Гроза миновала», – как писал поэт. Позже мы спросили у старшего лейтенанта, не жалко ли ему было выбрасывать часы?

- А чего их жалеть? Трофейная немецкая штамповка. Никуда не годная. К тому же из-за нее я и опоздал на это совещание, – ответил офицер.

В нашем полку был коллектив художественной самодеятельности, состоявший из хора и танцевальной группы. Хором руководил дирижер штатного полкового духового оркестра майор Лукашенко, так что музыкальное сопровождение хора и танцевального коллектива были обеспечены. Кроме солдат и сержантов в самодеятельности активное участие принимали жены

офицеров полка. Участвовала в ней и моя молодая жена Любаша: она пела в хоре и лихо отплясывала в танцевальной группе «Молдавенеску», «Жок» и другие танцы. Мне же досталась должность ведущего концертов.

Наш самодеятельный коллектив выступал не только перед жителями военного городка, но и перед местными жителями, на сцене городского кинотеатра, служившим одновременно и Домом культуры. А поскольку артисты приезжали сюда довольно редко, то принимали нас хорошо.

Наступила весна, растаял снег. Я приобрел малолитражный мотоцикл марки «Москва». Никаких документов на машину, как и прав на ее вождение у меня не было. Тем не менее, я свободно разъезжал на мотоцикле не только по Дубоссарам, но и иногда ездил в столицу – город Кишинев. В то время милиция к офицерам относилась с почтением, и документов у меня никто не спрашивал.

На летний период полк выходил в лагерь, который находился на противоположном берегу Днестра, примерно в 30 километрах от Дубоссар рядом с поселком Ваду-луй Водэ.

Собрав все необходимое для лагерной жизни, я вместе с полком выехал туда, оставив свой мотоцикл в сарае, предварительно сняв с него аккумулятор.

Лагерь раскинулся на живописном берегу реки. Со всех сторон его окружали сады и виноградники (через несколько лет на месте нашего лагеря был возведен санаторий.) На обустройство лагеря отводилось несколько дней. За это время необходимо было установить палатки, обновить линейки, столовую, спортивную площадку, привести в порядок территорию. Полковник Котляров строго следил за качеством и сроками выполнения этих работ. По этому поводу почти ежедневно проводились совещания, на которых командиры подразделений докладывали о выполнении заданий за прошедший день.

Запомнилось одно из совещаний, когда он учинил разнос командиру подразделения, где не было должного порядка:

- От такого беспредела волосы становятся дыбом.... – он хотел сказать «на голове», но, взглянув на присутствующих, мрачно добавил: «Во всех местах», – чем вызвал смех среди офицеров, потому что многие из них в летнюю жару на время лагерной службы остриглись наголо.

Через несколько дней лагерь был обустроен, и началась служба по лагерному распорядку.

В шесть часов утра горнист трубил «Подъем». Солдаты выбегали из палаток, строились и следовали на строевой плац. Там под звуки вальса «Дунайские волны» выполнялись упражнения утренней физической зарядки. После утреннего осмотра строем с песней шагали на завтрак. Столовая, как правило, не баловала солдат разнообразным меню. Часто это была перловая каша, а раз в неделю к ней, вместо подливы, давали селедку. Солдаты от селедки нередко отказывались, развешивая ее на кустах, окружавших столовую. Когда дежурный доложил об этом полковнику Котлярову, тот ответил:

- У меня нет денег, чтобы солдат «бутонами» кормить, пускай едят то, что им положено.

После завтрака начинались занятия по боевой и политической подготовке, продолжавшиеся до обеда. Затем следовал послеобеденный отдых, уход за техникой и оружием, личное время и политико-воспитательные мероприятия. По выходным и праздничным дням с наступлением темноты демонстрировались кинофильмы.

Когда в садах созревали абрикосы, правление соседнего колхоза просило у командования части оказать помощь в уборке урожая. Абрикос – фрукт нежный, его необходимо было срочно отправить на продажу или на переработку, поэтому абрикосы тут же грузили в рефрижераторы и отправляли в Москву, на плодоконсервные заводы в Тирасполь, Бендеры и другие города Молдавии. Абрикосы созревали и на приусадебных участках местных жителей. Вывозить их было некуда и нечем. Люди занимались домашним консервированием, сушили абрикосы на солнце, получая, таким образом, курагу (половинки без косточек) или урюк (сушеные абрикосы с косточками). Ну, а перезревшие плоды использовались для изготовления абрикосовой самогонки – «абрикотина».

Вырваться на пару дней домой, в Дубоссары, в период лагерной службы удавалось весьма редко. Но вот однажды офицер, побывавший дома рассказал мне:

- Твоя Люба гоняет по городу на мотоцикле. А недавно выехала за город и, уходя от встречного транспорта, выскочила на обочину дороги и залезла в кучу гравия, лежавшего около дороги. Но на этот раз все закончилось благополучно....

Для «разборки полетов» пришлось срочно выехать в Дубоссары. Оказалось, что один из Любиных братьев, Борис, заправил машину горючим, поставил аккумулятор и научил ее водить мотоцикл. Результат можно было предсказать. В лагерь я уехал на мотоцикле и с тех пор держал его около палатки, в которой сам проживал.

Любаша

этим видом транспорта.

Осенью лагерный период обучения закончился. Полк переехал на зимние квартиры, и мы начинали готовиться к осенним полевым учениям – завершающему этапу учебного года.

По традиции учения начались с объявления в полку боевой тревоги утром, еще до рассвета. По мере готовности подразделения выезжали в район сосредоточения, известный заранее. Там они получали боевую задачу и приступали к ее выполнению. Главной задачей нашего инженерно-саперного полка было обеспечение других родов войск, участвующих в учениях. Полк занимался установкой минных полей, оборудованием узлов сопротивления, убежищ и укрытий, важных наблюдательных пунктов, а также созданием препятствий на танкоопасных направлениях. Учились мы также ставить так называемые малозаметные препятствия (МЗП).

МЗП представляли собой спирали из тонкой стальной проволоки, витки которой сплетались между собой и были собраны в бухты в виде цилиндров, диаметром 0,7-0,9 метра, каждый из которых мог растянуться на 10-30 метров. Они без стоек крепились к земле. К МЗП относятся и так называемые «силки», которые расстилались низко над землей и были невидимы в траве. МЗП были коварным оружием. В них попадали не только солдаты. Танки теряли управление, когда на ведущие колеса их гусениц наматывались жгуты тонкой стальной проволоки. В сухую погоду к МЗП мог подключаться ток высокого напряжения от специального генератора, и тогда его преодоление еще более осложнялось.

При переходе в наступление инженерные части, прежде всего, должны были обеспечить движение своих войск через свои минные поля и другие препятствия, а также обезвредить и обозначить проходы в минно-взрывных заграждениях противника. Эту работу требовалось выполнить в непосредственной близости к противнику в ночное время, что было связано с большим риском для саперов.

В составе полка имелся танковый взвод, предназначенный для проделывания проходов в минных полях. В его распоряжении были танковые противоминные тралы. Существовал также взвод специального минирования, техника которого была строго секретной. Им командовал старший лейтенант Юдаев. Этот взвод мог устанавливать мины и фугасы, управляемые на расстоянии при помощи радиосигналов (сегодня это ни для кого не является секретом).

В ходе учений решались и другие задачи. Они заранее согласовывались с сельской администрацией и правлениями колхозов, где был необходим ремонт или строительство участков дорог. Туда приходила наша дорожная техника. Строительные материалы – гравий, щебень, песок колхозы завозили накануне. Таким образом, наши солдаты получали практические навыки работы на бульдозерах, скреперах и грейдерах. Польза была обоюдной. В совместной работе проявлялось единство армии и народа.

Жители молдавских деревень с симпатией относились к воинам, и солдаты пользовались этим. При удобном случае они забегали во дворы, просили «попить водички», зная, что вместо воды их угостят стаканом молодого, но уже слегка хмельного вина.

В дни сбора винограда в деревнях царило праздничное настроение, и не только среди жителей, но и среди домашней живности. Дело в том, что отход

винного производства – виноградный жмых выбрасывался, под солнцем он начинал бродить, и его охотно клевали куры. Забавно было наблюдать, как вели себя захмелевшие петухи. Они приставали к курочкам, затевали беспощадные драки, одним словом «петушились» по полной программе.

Полковые учения продолжались несколько дней. Затем командование проводило их разбор. Оценивались действия подразделений и участников, выполнявших учебно-боевые задачи. А затем, полк возвращался в казармы.

Начиналась подготовка к зимнему периоду обучения. Производился ремонт казарм и других служебных помещений, подготовка их к зиме. Пополнялась и ремонтировалась учебно-материальная база, классные помещения. Много хлопот было и в службе тыла: завоз угля (газа тогда еще не было, и котельная работала на каменном угле), заготовка на зиму картофеля и других овощей и многое другое.

Политработники и комсомольские активисты обновляли наглядную агитацию на территории военного городка, в солдатском клубе и в Ленинских комнатах, имевшихся в каждом подразделении.

Вскоре началось увольнение солдат и сержантов, отслуживших по три года. Большинство из них были классными специалистами, награжденными знаками «Отличник Советской Армии». Воины с гордостью носили эти знаки отличия. В одной из солдатских песен были такие слова:

Наш ротный старшина имеет ордена,
А у меня все это впереди.
Зато, дружок учти, отличные значки,
Которые теснятся на груди.

Кроме знака «Отличник Советской Армии», существовали и другие знаки солдатской доблести: классных специалистов, спортивных разрядов и другие. Кстати, знак «Отличник Советской Армии» был учрежден Указом Президиума Верховного Совета ССР (МСЭ, изд. 1959г., т.2, ст. 1143). Классность зависела не только от образования солдата. Для этого требовались практика, навыки и постоянные упражнения. Классным специалистом не мог стать, например, военный водитель, пока не выедет на дорогу не получит практику вождения, не говоря уже о повышении классности.

Точно так же сегодня не может стать классным специалистом танкист, водитель тягача, БМП (боевой машины пехоты), БТР, если он большую часть срочной службы будет драить свою машину, стоящую без движения в парке, выезжая на ней в лучшем случае несколько раз в месяц. А сейчас даже летчики не могут летать регулярно. Нет горючего!?! А частые авиакатастрофы объясняют «человеческим фактором» и устаревшей техникой.

Прибывающее пополнение после санитарной обработки получало новое обмундирование и размещалось в отдельной казарме – карантине. В течение месяца новобранцы под руководством офицеров и сержантов проходили курс молодого бойца, осваивались с казарменным бытом.

В мои обязанности входило проведение индивидуальных бесед со вновь прибывшими комсомольцами, постановка членов ВЛКСМ на комсомольский учет, а в случаях отсутствия у них учетных карточек посылать запросы в райкомы комсомола по месту жительства.

После выполнения новобранцами начального упражнения по стрельбе из боевого оружия назначался день принятия Военной Присяги. Этот день объявлялся праздничным, и к нему готовились, как к празднику.

Военная Присяга – это клятва воина на верность Родине, своему народу и нарушение присяги карается Законом. В день Принятия Присяги личный состав полка выстраивался на строевом плацу. Играл духовой оркестр. Под звуки марша выносилось Знамя части. Старший офицер рапортовал командиру о готовности личного состава к принятию Присяги.

Присяга принималась повзводно. Командир взвода поочередно вызывал солдат. Каждый из них с оружием в руках подходил к столу, громко зачитывал текст Присяги и расписывался под этим документом. Списки эти хранились в штабе. После рапорта командиров взводов об окончании принятия Присяги командир полка поздравлял молодых солдат с этим событием, а личный состав полка с прибытием пополнения, и выражал уверенность в том, что молодые солдаты продолжают традиции полка и достойно заменят воинов, ушедших в запас. Под звуки марша строевым шагом полк со Знаменем проходил мимо трибуны с гостями и командирами.

На этом заканчивалась торжественная часть праздника. В солдатском клубе проходил концерт коллектива художественной самодеятельности, а после него проводились спортивно-массовые мероприятия. После обеда – отдых, личное время, а вечером – художественный кинофильм.

Некоторое время спустя молодых солдат распределяли по подразделениям.

В эти же самые дни подводились итоги боевой и политической подготовки за прошедший учебный год. Зачитывался приказ о поощрениях солдат, сержантов и офицеров, добившихся наиболее высоких показателей в учебе и дисциплине. Родителям солдат и сержантов, особо отличившихся в службе, от имени командования полка посылались благодарственные письма за воспитание сыновей – достойных защитников Отечества (Уставом предусматривался такой вид поощрения). В ответных письмах родители сердечно благодарили командиров за воспитание своих сыновей, которые до армии порой огорчали их своим поведением. Многие были награждены грамотами, памятными подарками, многие получили благодарности и повышение по службе, были присвоены очередные воинские звания. Наиболее отличившимся в учебе, выполнении особых заданий (по разминированию и др.) были предоставлены краткосрочные отпуска на родину.

В связи с увольнением в запас активистов, секретарей комсомольских организаций началась отчетно-выборная кампания. К руководству ротными комсомольскими организациями пришли новые, еще не опытные активисты, нуждавшиеся в обучении и повседневной помощи. И это стало важной зада-

чей комсомольского бюро полка, замполитов и партийных организаций подразделений.

Осенью 1953 года начался новый учебный период. В полку продолжалась плановая учеба. Запомнилось участие в работе VII съезда комсомола Молдавии. По сравнению с прежними, этот съезд прошел весьма бледно. Брежнева уже не было, а кто работал после него, не помню.

**Мандат делегата VII съезда
комсомола Молдавии**

больше нигде не появлялся. По-видимому, на работе съезда сказывалась тогдашняя обстановка в стране, настроения в обществе. Люди перестали верить и Хрущеву, и партии. О Никите появилось много едких анекдотов.

Позже хрущевские реформы докатились и до Молдавии. В дополнение к существовавшим районам были образованы территориальные округа. Дубоссары вошли в состав Тираспольского округа. Райкомы партии были разделены на городские и сельские, в МТС были созданы политотделы. Трудно сказать, насколько все это «ускорило продвижение общества к коммунизму», но результат вскоре стал известным.

С наступлением весны обычно полк готовился к выходу в лагеря, однако в 1954 году все было иначе. Поступила команда о подготовке полка к выезду со всей техникой в длительную командировку. Нас особо предупредили о строгом соблюдении государственной тайны и недопустимости разглашения каких-либо сведений о подготовке к маршу и обо всем, что касалось этого мероприятия.

Полк выехал на станцию погрузки Тирасполь, где нас уже ожидал железнодорожный состав из открытых платформ, полувагонов, товарных вагонов, оборудованных для перевозки людей и одного пассажирского вагона для офицерского состава. Погрузка заняла несколько часов, и мы отправились в неизвестном нам направлении. Эшелон двигался с редкими остановками. Мы пересекли Украину, двигаясь вглубь Центральной России. Через несколько дней поезд остановился, и нам объявили, что мы прибыли в пункт назначения.

Это была станция Тоцкое Оренбургской (тогда Чкаловской) области. Здесь размещались части Южно-Уральского военного округа. В районе Тоц-

кого находился ставший в последствии знаменитым Тоцкий полигон – место проведения крупнейших учений с применением ядерной бомбы, по своей мощи намного превосходившей ту, которой был уничтожен японский город Нагасаки. В учениях принимало участие огромное количество войск.

Наш 56-й отдельный инженерно-саперный полк ОдВО принимал активное участие в подготовке и проведении этих учений, а также в ликвидации последствий ядерного взрыва. Об этом речь пойдет в следующей главе.

ПОД ЯДЕРНЫМ ЗОНТОМ

В последние годы в ряде изданий появилось много статей о Тоцких учениях. Во время этих учений впервые была применена ядерная бомба. Кроме того, в них принимали участие различные рода войск: артиллерия, танки, авиация и мотострелковые части. Операция проводилась на широком фронте и на большую глубину. Многие годы сведения об этих учениях являлись государственной тайной, а их участники дали подписку о неразглашении этих сведений.

Впервые с упоминанием о Тоцких учениях я встретился в романе Карпова «Полководец», опубликованным в журнале «Роман-газета» в 1985г. Этот роман был посвящен биографии генерала армии И.Е.Петрова, возглавлявшего всю работу по подготовке к учениям. На последних страницах романа В.Карпов пишет: «По вполне понятным причинам я не могу подробно описывать ход учений и всего, что там происходило». Сегодня мы можем об этом рассказать.

Итак, полк прибыл на Тоцкий полигон, находившийся в нескольких десятках километров от железнодорожной станции. В указанном месте мы разбили палаточный городок.

На Тоцком полигоне. Первые дни

Здесь уже располагались прибывшие ранее части. И только здесь мы узнали о том, что предстоят крупные войсковые учения с применением ядерного оружия (тогда говорили «атомной бомбы»).

Мы должны были заниматься инженерной подготовкой учений, а затем участвовать в них. Нашей задачей было строительство нескольких

опорных пунктов по типу, принятому в США. Опорный пункт – это часть оборонительного района, способная вести бой в окружении. Создавались они на важных направлениях и включали в себя систему окопов, траншей и ходов сообщения, дотов и укрытий для личного состава и техники.

Кроме того, на указанных участках нам было приказано возвести несколько убежищ различного типа, оборудованных двумя выходами, герметическими дверями и ФВУ (фильтровентиляционными установками). В окопах и укрытиях размещались танки, орудия и другая техника, часть из которой была оставлена вне укрытий на различных расстояниях от предполагаемого эпицентра ядерного взрыва. А за сутки до начала учений в убежища, окопы и укрытия поселили подопытных животных: собак, овец, коз и даже несколько мартышек. Часть из них помещалась в танках и БТР.

А теперь необходимо хотя бы кратко рассказать об условиях, в которых людям пришлось выполнять эти задачи.

В палаточном лагере

Размещались мы в палатках, питание было нормальным. К сожалению, поблизости не было водоема и воду приходилось привозить. Соорудили простейшие души. С наступлением лета обстановка осложнилась. Сорокоградусная жара и сухая пыльная погода вынуждали делать частые паузы, особенно для тех, кому приходилось работать в котлованах и траншеях. Мучила жажда, люди потребляли много воды,

нередко из сомнительных источников. Появились случаи заболевания солдат дизентерией и другими желудочно-кишечными болезнями.

В связи с этим генерал И.Е.Петров издал приказ, предусматривающий ряд строгих мер по лечению и профилактике желудочно-кишечных заболеваний, изоляции заболевших и возвращению в строй излечившихся. Усилился контроль над работой пищеблоков, было ограничено общение солдат между подразделениями. При выходе на работу каждый солдат должен был иметь при себе флягу с кипяченой водой.

Такая профилактика позволила предотвратить распространение инфекции. Кроме того, некоторое время каждый должен был принимать какие-то таблетки (по-моему, антибиотики).

Наряду с работами по инженерному оборудованию местности к предстоящим учениям личным составом изучались поражающие факторы ядерного оружия, способы защиты от него, меры безопасности при работе на местности, зараженной РВ (радиоактивными веществами), способы преодоления радиоактивных участков, дезактивация техники и оружия и проведение санитарной обработки после выхода людей из зараженного РВ участка. К сожалению, в последствии на практике ничего этого сделано не было.

Офицерский состав изучал новые по тому времени приборы радиационной разведки и дозиметрического контроля. К слову сказать, тогда мы обнаружили, что светящиеся циферблаты старых часов и стрелки компасов обладают слабой радиоактивностью.

Одновременно мы осваивали способы имитации артиллерийской подготовки, а с началом наступления – имитацию огневого вала, при котором взрывы фугасов должны были удаляться по мере приближения к заранее намеченным рубежам танков и другой бронетехники. Этот эффект достигался с помощью специального пульта КРАБ-И. Накануне создавалась проводная сеть, к которой перед началом учений подключались фугасы – 400-граммовые тротиловые шашки с электродетонаторами, часть из которых срабатывала мгновенно, а часть – с замедлением несколько секунд.

Приближалось время начала учений. В предполагаемом эпицентре ядерного взрыва выкорчевали деревья, сделали и выровняли площадь разме-

ром со стадион, на которой из серебристой синтетической ткани выложили крест, прикрепив его к земле металлическими штырями, вбитыми в грунт, а в центре установили отражатели для радиолокаторов авиационного прицела.

В воспоминаниях И. Путивльского, опубликованных в газете «МК» за 13 сентября 2004г., говорится об этих событиях: «За месяц до начала учений ежедневно самолет «ТУ-4» сбрасывал в эпицентр «болванку» - макет бомбы массой 250 кг».

Этого не было. Если такие «болванки» и сбрасывались для тренировки летчиков, то где-то в другом месте, так как в районе будущего эпицентра работали многие сотни солдат, стремившихся к установленному сроку завершить работу. Кроме того, сюда вскоре стала прибывать военная техника, которую размещали в эпицентре, а неподалеку содержались подопытные животные. Самолет «ТУ-4» в сопровождении истребителей «МИГ-17» пролетал над нами несколько раз, но болванку сбросил лишь однажды, когда в зоне людей уже не было.

Ожидалось прибытие на учения многочисленных гостей – министров обороны социалистических стран. Кто-то из них мог выразить желание осмотреть защитные сооружения, какими они были до взрыва. Поэтому необходимо было привести в порядок всю территорию и обеспечить возможность подъезда транспорта в этот район.

Хорошо запомнилось посещение нашего участка китайским маршалом Пэн Дэхуаем, который возглавлял соединения китайских добровольцев, оказывавших помощь Корее в борьбе против американцев.

В Корее американские войска широко применяли напалм (особую горючую смесь) и на основе опыта борьбы с напалмом, чтобы избежать возгораний деревянных конструкций при ядерном взрыве, маршал посоветовал обмазывать глиной открытые деревянные элементы сооружений. Местами обмазали, но при взрыве глину буквально сдуло взрывной волной.

И вот наступило 14 сентября 1954г. – день начала учений. Руководителем учений был назначен маршал Г.К. Жуков, в то время бывший заместителем Министра обороны СССР.

Над полигоном появился бомбардировщик «Ту-4». Его сопровождала пара истребителей «МиГ-17». Сделав круг над полигоном, самолет лег на боевой курс. Прозвучала команда «Молния». В это время мы находились в открытом окопе, примерно в 5-6 километрах от эпицентра взрыва, как того требовала инструкция. Все легли лицом вниз на дно окопа и зажмурили глаза. В таком положении мы должны были дожидаться взрыва и прохождения взрывной волны.

Раздался оглушительный громовой раскат, сопровождаемый колебанием почвы. На миг появилось ощущение движения в мягком вагоне. Налетевший вслед за этим смерч вызвал резкое повышение атмосферного давления. У людей появилась резкая боль в ушах. У одного солдата в нашем окопе началось носовое кровотечение, которое вскоре удалось остановить.

На месте взрыва выросло большое грибовидное облако, которое под действием сильного ветра стало уходить в сторону. Нас же больше всего

волновало состояние деревень Федоровка и Богдановка, находившихся в нескольких километрах от эпицентра взрыва. Жители этих деревень были временно выселены. Увидев, что деревни горят, мы поняли, что наша командировка затягивается надолго, ибо восстанавливать их после учений, кроме нас, было некому.

Взрыв явился сигналом к началу артиллерийской и авиационной подготовки. Загремели залпы «Катюш», орудий и минометов. На противоположном фланге появились самолеты, наносившие удары по «противнику» с воздуха. Некоторые из них проносились через радиоактивное облако, образовавшееся после ядерного взрыва.

По своей мощности артиллерийская подготовка превосходила все, проводившиеся ранее на подобных учениях. Ее сравнивают с тем, что было во время Берлинской операции 1945 года, ибо «...плотность огня на километр площади была больше, чем при взятии Берлина» («МК» от 13.09.04г.) Думается, что такое сравнение с тем, что происходило под Берлином, некорректно и несравнимо ни по масштабам, ни по историческому значению. В штурме Берлина участвовали войска двух фронтов, имевших в своем составе 6300 танков, 41600 орудий и минометов, 8000 самолетов, и это сражение решило ход войны.

Через пару часов, когда радиоактивное облако рассеялось, и осела радиоактивная пыль, был подан сигнал к началу атаки. Мимо нас промчались танки, а немного погодя – САУ (самоходные артиллерийские установки), а затем и мотопехота на бронетранспортерах.

Когда танки подошли к намеченному рубежу, с помощью пульта КРАБ-И мы привели в боевую готовность первую линию фугасов и, по мере приближения танков, взрывали их. Поскольку электровзрыватели имели различную степень замедления, то взрывались они не одновременно. Таким образом имитировался огневой вал, преследующий отступающего противника. Поднялась стена дыма и пыли, содержащая радиоактивные вещества, образовавшиеся при ядерном взрыве.

Чтобы избежать попадания радиоактивных веществ в организм, приходилось использовать противогазы, защитные комбинезоны (их было крайне мало), а также накидки из специально обработанной бумаги.

Вслед за бронетехникой двинулась и колонна наших машин, входящая в состав отряда обеспечения движения. В его задачу входила расчистка завалов и других препятствий, мешавших продвижению боевых машин.

К исходу дня учения завершились, и мы возвратились в свой палаточный городок. Большинство из нас прошло дозиметрический контроль с одним и тем же результатом: доза не превышает допустимых норм.

Но вот что удивляет: ведь уже тогда было известно, что после работы на зараженных участках люди должны пройти санитарную обработку, но этого сделано не было. Не могу сказать, что так было со всеми войсками, участвовавшими в тех учениях. Возможно, я ошибаюсь, и где-то было по-другому, но я об этом нигде не читал. Скорее всего, стремясь показать внешнюю сторону мероприятия и угодить начальству, организаторы об этом про-

сто не позаботились. Все свелось, как в пионерском лагере, к призыву «мойте руки перед едой». Очевидно, что многих трагических последствий в будущем можно было избежать, если бы организаторы предусмотрели создание пунктов санитарной обработки личного состава с заменой зараженной одежды, подготовили и оборудовали площадки для дезактивации техники и оружия. Этого сделано не было, а ведь на учениях присутствовали чиновники от медицины, да и сам создатель атомной бомбы академик И. Курчатов. Кстати, инструкции и наставления предусматривали все необходимые в таком случае мероприятия. Но о людях, как это бывало и раньше, никто не подумал.

А в газете «Правда» 17 сентября было опубликовано сообщение ТАСС, где говорилось об испытании, целью которого «...было изучение действия атомного взрыва. При испытании получены ценные результаты, которые помогут... успешно решить задачи по защите от атомного нападения». А вот какой ценой были получены эти результаты, долгие годы умалчивалось. Из 48000 военных, принимавших участие в тех учениях, к 2004 году в живых осталось только 2 тысячи, из которых большинство признано инвалидами первой и второй групп. А пострадавших из числа гражданского населения вообще никто не считал, как не изучалось здоровье детей и внуков тех, кто перенес взрыв.

И как Родина-мать отблагодарила участников (а точнее, подопытных людей) за их подвиг? До 1980 года – никак. В 1980 году секретность была снята. Теперь писать можно обо всем, только писать уже почти некому. Немногим удалось дожить до наших дней.

Председатель Комитета ветеранов подразделений особого риска В.Бенцианов пишет: «По сути, в 1954-м мы участвовали в ядерной войне без противника, где управлять воздействием поражающих факторов было невозможно. Ветераны думали и надеялись, что льготы даны им до конца жизни. Но депутаты Государственной Думы проголосовали за замену льгот для ветеранов подразделений особого риска отнюдь не адекватными денежными компенсациями». Ветеранов Тоцких учений приравнивали к «чернобыльцам» с существенными потерями в льготах, ранее установленных Постановлением Правительства РФ от 11.12.97 № 958.

Но вот учения закончились. Части, принявшие в них участие, грузились в эшелоны и отправлялись в места постоянной дислокации. Нам дали несколько дней отдыха для приведения в порядок себя и техники. За это время недомогание, которое многими ощущалось, почти прошло. Мы были молоды, беспечны, и нам очень хотелось побывать там, где мы трудились все лето, лично посмотреть на результаты взрыва бомбы. Сегодня мы вряд ли решились бы на такой «героический» поступок.

Картина была удручающая. Местность изменилась до неузнаваемости. От дубовой рощи не осталось и следа, почва местами оплавилась. В самом эпицентре на мачте возвышался флаг, поднятый для точного определения расстояния от эпицентра до отдельных сооружений и техники, и степени их разрушения в зависимости от этого расстояния. Построенные нами убежища и блиндажи рядом с эпицентром были разрушены сдвинувшимся грунтом,

траншеи захлопнулись словно книги. На многие десятки метров ударной волной разбросало остатки техники: автомашин, БТР, орудий, самолетов, обломки защитных сооружений. Здесь же лежали изувеченные трупы животных, которых пока не успели захоронить. Недалеко от эпицентра лежал вверх гусеницами танк Т-34. В момент взрыва он стоял бортом к эпицентру. На несколько метров его протащило по земле, опрокинуло и башней утрамбовало в землю. Изнутри раздавалось истошное блеяние то ли овцы, то ли козы, освободить которую быстро было невозможно. Здесь работало специальное подразделение, которое занималось эвакуацией уцелевших животных. Люди работали в защитных комбинезонах, и мы постарались поскорее убраться отсюда.

Через несколько дней, когда уровень радиации значительно понизился, для ликвидации последствий взрыва в бывший эпицентр была направлена наша инженерная техника.

Вскоре, как мы и предполагали, полк получил приказ принять участие в строительстве деревень вместо разрушенных во время учений. Но, поскольку на прежнем месте уровень радиации был повышенным, деревни решено было возводить на новом месте. На строительстве одной из них под Бузулуком, километрах в 45-ти от Тоцкого, должен был работать и наш полк.

Приближалась зима. Жителей пострадавших деревень расселили по ближайшим населенным пунктам, а мы построили для себя землянки.

Наше жилище - землянка

Из Сибири и других мест непрерывно приходили составы с лесом, дверными и оконными блоками, другими строительными материалами. Рядом с железнодорожными путями были установлены пилорамы, на которых лес – кругляк распиливался на доски и брусья. Из брусьев, скрепленных между собой железными штырями и скобами, с прокладками из пакли возводились стены будущих домов.

Объем работ был колоссальным. Кроме домов с печным отоплением, на каждом дворе надо было построить погреб, сарай и др. В каждой деревне необходимо было возвести здание школы, амбулатории, правления колхоза, сельсовета, скотные дворы, колодцы и т.д. К этой работе были привлечены тысячи людей. Наши солдаты работали там до весны. Весной жители отпраздновали новоселье, а полк возвратился в Дубоссары.

Несколько лет спустя мне довелось встретиться с офицером, служившим близ Бузулука. Он рассказал, что через пару лет жители построенных нами деревень перевезли дома на старые места. И их можно понять: кому бы захотелось жить в голой оренбургской степи вместо обжитых мест, где были и лес, и река?

Чтобы завершить рассказ об учениях и их последствиях придется нарушить хронологическую последовательность прошлых событий и рассказать на личном примере, какими были отдаленные по времени последствия. За прошлые годы я четырежды госпитализировался в связи с заболеваниями пневмонией, по поводу язвенной болезни желудка и дважды – с инсультом, получил 2-ю группу инвалидности. Но ни в одном документе не упоминается о возможной связи этих заболеваний с радиационным облучением.

С большими трудностями сталкиваются те, кто пытается в наше время доказать свое участие в событиях сорокалетней давности. Мне повезло – удалось сделать это за полтора года. Благодаря помощи, оказанной мне работником Балашихинского военкомата Павловым Н.Л., я получил справку из Центрального архива МО РФ. А вот В. Бенцианову, нынешнему председателю Комитета ветеранов подразделений особого риска, для этого потребовалось пять лет.

Грамота ЦК ВЛКСМ

За участие в Тоцких учениях я был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, подписанной Первым секретарем ЦК А. Шелепиным. В ней сказано: «... за отличные показатели в овладении новой боевой техникой и оружием и высокую воинскую дисциплину». Вот так.

В конце года, задолго до окончания строительства деревень под Бузулуком, меня с группой офицеров откомандировали на постоянное место службы в Дубосары.

Когда я уезжал в командировку, моему сыну едва исполнилось 10 месяцев. Теперь ему было полтора года. Меня он называл «дядей», а когда ему сказали, что я его папа, то он показал мою фотографию и сказал: «Вот мой папа». Однако вскоре мы выяснили, кто есть кто, и стали жить дружно.

Наступила весна. Мне предоставили очередной отпуск, и мы уехали в Старобельск навестить моих родителей. Здесь я получил служебную телеграмму с просьбой дать согласие на получение должности помощника начальника политотдела Строительного Управления Одесского военного округа по комсомольской работе. Разумеется, я был согласен, о чем и сообщил в ответной телеграмме. Вскоре после моего возвращения из отпуска пришел приказ о новом назначении, и я снова оказался в Одессе.

Сначала нас поселили в гостинице «Пассаж», принадлежавшей гарнизонной коммунально-эксплуатационной части (КЭЧ), в разных номерах: меня – в мужском, а жену с малолетним сыном – в женском. Но в один прекрасный день, возвратившись из командировки уже поздним вечером, жены с

сыном «дома» я не обнаружил. Соседи по номеру сказали, что им дали отдельную комнату, и назвали ее номер. Люба рассказала историю ее получения.

После моего отъезда одна из работниц политотдела дала ей номер телефона и посоветовала позвонить с проходной штаба генералу (по-видимому, это был один из заместителей командующего округом), попроситься к нему на прием и рассказать о нашей жизни. Генерал не стал ее принимать, а велел, чтобы она «не проливала слез» у него в кабинете и ехала в гостиницу, где нам дадут отдельный номер (скорее всего, ему уже позвонили из Стройуправления). Как бы то ни было, в тот же день ее переселили в отдельный номер.

Гостиница, превращенная в семейное общежитие, комфортом не отличалась. Здание давно не ремонтировалось (многие дома еще лежали в развалинах). В коммунальной кухне на столах, обитых жестью, стояли примусы и керогазы, о которых сейчас многие не помнят. Стены и потолки были густо усеяны полчищами тараканов, которые с шуршанием разбегались, когда вечером включали свет.

Моя новая служба была связана с частыми командировками, так как строительные части были разбросаны по всему округу. В это время проводился обмен комсомольских билетов. Вместо прежних серых книжечек с изображением двух орденов, которыми прежде был награжден комсомолец, выдавались билеты красного цвета с изображением четырех орденов.

В послевоенные годы проводилось переоформление строительных батальонов в стройотряды. В связи с объявленным значительным сокращением Вооруженных Сил многие офицеры увольнялись в запас, и с каждым из них надлежало провести беседу. К этой работе привлекались и офицеры политотдела.

Военно-строительные организации принимали активное участие в жилищном строительстве. Политотдел проводил большую работу по пропаганде и распространению новых по тому времени технологий: вместо кирпичной кладки – использование блоков, а затем и панелей, появилась сухая штукатурка и т.д. Как правило, строились пятиэтажки, прозванные теперь «хрущобами». Но возможность получить такую квартиру людям, прожившим всю жизнь в коммуналках, была большим счастьем. Вскоре и я получил первую в своей жизни квартиру – комнату в трехкомнатной квартире. Две комнаты в ней занимал офицер с оригинальной фамилией Белоцыценко. Правда, жили мы там не долго. Я подал рапорт с просьбой предоставить мне возможность поступления в Высший военно-педагогический институт им. М.И.Калинина. Получив разрешение, в свободное время я стал готовиться к вступительным экзаменам.

Теперь хотелось бы очень кратко рассказать о нашей жизни в Одессе. Сразу оговорюсь, что в городе мне приходилось бывать нечасто. Большую часть времени занимали командировки. Потому воспитанием ребенка занималась жена Люба.

Мальчик рос серьезным и смышленным. Рано начал разговаривать, а поскольку с ним никогда не «сюсюкали», разговаривали как с взрослым, то и он с самого раннего детства стал разговаривать так же. Помнится, когда нас навестила соседка с девочкой – его ровесницей, они недолго общались, а потом Славик от нее ушел и стал играть самостоятельно. Когда у него спросили, почему он не играет с девочкой, ответил:

Сын Слава

- А как с ней играть, если она по - человечески не умеет разговаривать?

В другой раз мама повела его стричься. Парикмахерша, привыкшая стричь капризных детей, стала его уговаривать, чтобы он не боялся, что сейчас она сделает «чик-чик ножничками», потом «жик - жик» машинкой. Он ее молча выслушал, а когда она закончила свою работу и сказала «Вот и все», он серьезно спросил:

- Тетя, а одеколончик у вас есть? – тетя от неожиданности чуть «машинку» не выронила. И хотя при детской стрижке прейскурантом это не было предусмотрено, она «освежила» его чубчик «Тройным» одеколоном.

За все время нам вдвоем с женой удалось несколько раз побывать в Театре оперы и балета и в недавно созданном в Одессе театре музыкальной комедии, где мы смотрели новую оперетту И.О.Дунаевского «Белая акация». В главных ролях в ней выступали Татьяна Шмыга и Михаил Водяной (игравший роль Попандопуло в фильме «Свадьба в Малиновке»). Позже по мотивам этой оперетты была снята кинокомедия «Белая акация» с этими же артистами.

Вскоре из института, куда я подал документы на поступление, пришел вызов на вступительные экзамены, и я уехал в Ленинград. Экзамены я сдал успешно и стал слушателем Высшего военно-педагогического института им. М.И.Калинина.

ЛЕНИНГРАД. ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В июле 1956 года я получил вызов и выехал в Ленинград для сдачи вступительных экзаменов в Высший военно-педагогический институт (ВВПИ) имени М.И.Калинина. Институт располагался в старинном здании, принадлежавшем ранее Николаевскому кавалерийскому училищу, в котором с 1832 по 1834 год учился поэт М.Ю.Лермонтов. Об этом напоминают названный его именем проспект, а также бронзовый памятник поэту работы скульптора Б.М.Микешина, расположенный перед парадным входом в институт.

ВВПИ им.М.И.Калинина

Сначала нас поселили в общежитии при институте, а когда собрались все абитуриенты, нас перевели в лагерь под городом Пушкино, куда надо было ездить с Варшавского вокзала на электричке. В лагере нас поселили в палатках. Прошло несколько дней, начались вступительные экзамены. Нам предстояло продемонстрировать свои знания по пяти дисциплинам: русскому языку, истории СССР, географии, тактике и иностранному языку. Все экзамены устные. Предварительные оценки объявлялись сразу, окончательные – за каждый предмет – на следующий день. Девушка – технический секретарь, проходя между палаток в лагере, называла фамилии тех, кому надлежало прибыть в институт для получения документов и возвращения восвояси к прежнему месту службы. А поскольку одновременно работала и мандатная комиссия, то девушку мы ожидали каждый раз с трепетом, ибо то, чем руководствовалась эта комиссия, нам было неведомо.

У меня с поступлением в институт трудностей не возникло. Экзамены по русскому языку и литературе, истории СССР и географии я сдал легко. Сложнее было с экзаменом по тактике. На офицерских курсах мы изучали главным образом тактику инженерных войск, а требовались знания общевойсковой тактики. В нашем распоряжении был лишь Боевой устав пехоты. Получив исходные данные, необходимо было оценить тактическую обстановку, принять решение, обосновать его и нанести на карту со своими выводами и примечаниями. По тактике я получил оценку «хорошо».

Особый разговор о том, как я сдавал экзамен по немецкому языку. Я легко прочитал и перевел предложенный мне текст, ответил на вопросы по грамматике немецкого языка. При этом заметил, что преподаватель с кафедры иностранных языков, принимавшая экзамен, Дворкина (ее фамилию я помню до сих пор) все время как-то странно на меня смотрит. В заключении она сказала:

- Я впервые слышу, как русским языком можно говорить по-немецки.

Я объяснил, что сильный русский акцент – это результат самостоятельного изучения языка. Она немного подумала и поставила отличную оценку.

К концу августа все экзамены были сданы. Количество сдавших экзамены значительно превышало число учебных мест, имевшихся на первом курсе. Предстоял конкурсный отбор, зависевший главным образом от количества набранных баллов по ведущим дисциплинам. Поскольку я сдал все экзамены, кроме тактики, на «отлично», то надеялся на благоприятный исход. И вот, наконец, оглашен приказ от 31 августа 1956 года, согласно которому я стал слушателем Высшего Военно-Педагогического Института имени М.И. Калинина.

У входа в институт

авиаторов была иной, предусматривала ношение галстука и имела другие отличия от общевойсковой.

За многие годы службы я не раз наблюдал, насколько трудно люди привыкали к ношению новой формы и новым требованиям службы. Особенно ярко это проявлялось у бывших моряков. Когда в годы правления Хрущева началось сокращение Флота, многие моряки оказались в сухопутных войсках. Они не снимали полосатых тельняшек, кухня для них всегда оставалась камбузом, туалет – гальюном, пост – вахтой и т.д., а воротники гимнастерок они не застегивали, чтобы была видна тельняшка.

Когда я служил в инженерно-саперном полку, некоторое время заместителем командира полка по технической части у нас был полковник Бакутин, который всю жизнь служил в кавалерии, был награжден орденом Ленина. С техникой он дела никогда не имел, а в наш полк попал по сокращению штатов. За время служения в полку он так и не снял долгополой кавалерийской шинели, носил синюю фуражку, погоны с эмблемами в виде лошадиных голов и подков. Шпоры, правда, не носил. Бакутин был уволен в отставку по возрасту.

К началу занятий все слушатели прибыли в институт. На первом организационном собрании всех распределили по факультетам – их было два –

педагогический и пропагандистский. Из числа слушателей были назначены старосты групп.

***Группа слушателей
ВВПИ им.М.И.Калинина***

Уроком соблюдения воинской дисциплины нам послужил такой случай. После оглашения приказа о зачислении в институт кое-кто захотел «отметить» это событие в ресторане. Один из слушателей в пьяном виде был задержан городской комендатурой. На следующий день он был отчислен из Института, а на его место вызван один из тех, кто не прошел по конкурсу. Товарищу повезло, и радости его не было предела. Приказ о причинах отчисления слушателя был доведен до всего личного состава.

Для учебы были созданы идеальные условия, не говоря уже о теоретическом уровне лекций и семинаров и высочайшем методическом мастерстве преподавательского состава. Отличные классы и лаборатории, богатая институтская библиотека с просторным читальным залом. На кафедрах в любое время можно было получить консультацию и помощь по любому интересующему вопросу, связанному с изучением предмета, подготовке к семинару или зачету. Если слушатель был готов к зачету, то он мог его сдать, не дожидаясь окончания семестра. Это позволяло лучше подготовиться к более сложному экзамену или зачету. Правда, в этом случае преподаватель предъявлял более высокие требования, чем при групповом зачете.

Первое время большинство слушателей жили в общежитии при институте, пока не удавалось найти квартиру, чаще всего за городом. Это было дешевле и выгоднее, так как институт располагался рядом с Балтийским вокзалом, откуда ходили электрички.

Начался первый семестр учебы в институте. В это время, главным образом, читались лекции. Их приходилось по возможности подробно конспектировать, потому что преподаватели чаще всего имели собственную точку зрения на ту или иную проблему и хотели, чтобы мы ее придерживались, отвечая на зачете. К каждой теме прилагался обширный список рекомендованной литературы, которую необходимо было изучить при подготовке к семинару или зачету.

Год учебы в институте стал для меня самым светлым и желанным периодом в моей, к тому времени, четырнадцатилетней военной службе.

Не было ни служебных нарядов, ни дежурств, ни командировок. Не было и подчиненных, за которых нужно было бы отвечать. Единственной и главной обязанностью была учеба и, разумеется, воинская дисциплина.

Уроком соблюдения воин-

И тут я пришел к неожиданному и не очень приятному для себя выводу. Дело в том, что, обладая хорошей памятью, я быстро запоминал содержание лекций. И чтобы восстановить их в памяти, достаточно было бегло просмотреть конспект или учебник. А здесь требовалась кропотливая и упорная самостоятельная работа по изучению трудов историков, философов и, разумеется, работ классиков марксизма-ленинизма. Я к этому, к сожалению, не привык. И в то время как мои товарищи часами занимались в читальном зале, моего терпения хватало лишь на час-полтора. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы заставить себя работать по-настоящему.

Особенно запомнились лекции по всеобщей истории, которые читал кандидат исторических наук подполковник И.В. Ковалев. Само понятие «читал» никак не подходит к тому, как он вел свои лекции. В аудиторию он приходил без всяких записей и шпаргалок. Выслушав рапорт старшего группы, он брал в руки указку и начинал свой рассказ. Слушали его, затаив дыхание, стараясь как можно больше законспектировать. Ибо многого из того, о чем он рассказывал, в учебниках не было. Он называл многочисленные даты, имена и фамилии исторических личностей и никогда не ошибался. Иногда он отвлекался, чтобы рассказать относящийся к теме лекции забавный случай или исторический анекдот.

Лекции по психологии читал полковник Г.Д. Луков – автор учебника для военных училищ «Военная психология».

Военная психология – это раздел науки, изучающий психологические особенности различных видов боевой деятельности и боевой подготовки.

Полковник Луков увлекательно рассказывал о своей многолетней работе в НИИ, занимавшимся вопросами психологии. Объяснял секреты выступлений Вольфа Мессинга и других известных иллюзионистов. Его лекции помогали нам глубже познать особенности проявлений психики солдат в бою, учили грамотно воздействовать на нее для успешного выполнения поставленной задачи.

Что касается немецкого языка, то уже на первой лекции перед нами была поставлена задача: в кратчайшие сроки научиться читать, писать и вести диалог на немецком языке на бытовые, и главным образом на военные и общественно-политические темы.

Читать и писать я кое-как умел, а разговаривать не умел из-за полного незнания фонетической (звуковой) стороны языка. Я не имел понятия о долготе гласных, дифтонгах – звуках, состоящих из двух кратких звуков, не говоря уже об особенностях произношения и интонации речи.

Изучение иностранного языка проводилось в группах по 5 – 7 человек. Такая организация позволяла преподавателю более тесно общаться с каждым слушателем, вовремя замечать и исправлять его ошибки. В дальнейшем занятия приобрели форму диалога, в который преподаватель старалась вовлечь и других слушателей. Так или иначе, но к концу года мы уже, хотя и с трудом, могли читать газету «Нойес Дойчланд», на которую нам предложено было подписаться.

Напряженная учеба почти не оставляла свободного времени. До обеда слушали и конспектировали лекции, после обеда – самостоятельная работа с

Эрмитаж

*Петропавловская
крепость*

Достопримечательности Ленинграда

первоисточниками в читальном зале, подготовка к семинарам и очередным занятиям. Свободными оставались выходные дни. А еще каникулы по окончании семестра, когда можно было поехать домой. Но многие служили в дальних гарнизонах, да и ехать надо было за свой счет.

Многие из нас в Ленинград попали впервые, и мы старались использовать каждый свободный день для знакомства с городом и его достопримечательностями. Мы посещали Государственный Эрмитаж, Русский музей, основанную Петром I Кунсткамеру, Петропавловскую крепость, Исаакиевский и Казанский соборы и др. Обычно мы пристраивались к экскурсионной русскоязычной группе и слушали рассказы экскурсоводов.

У памятника Петру I

Я сфотографировался у памятника Петру I, установленному на Сенатской площади (с 1925 года – это площадь Декабристов) по повелению императрицы Екатерины II. Автор «Медного всадника» скульптор Э.Фальконе установил его в 1666-1682 г.г. на скале – «гром-камне», привезенном издалека. Надпись на скале гласит: «Петру Первому – Екатерина Вторая».

Приближался новый 1957 год, а вместе с ним экзамены и зачеты за 1 семестр. В связи с этим учебная нагрузка значительно возросла. Готовиться приходилось и в выходные дни. А по воскресеньям мы иногда ходили на вечерние сеансы в ближайший кинотеатр.

Именно тогда мы увидели только что вышедшую на экраны кинокомедию «Карнавальная ночь» с Игорем Ильинским и юной Людмилой Гурченко в главных ролях. Роль лектора исполнял очень популярный в те годы Сергей

Филиппов. Незадолго до этого я видел его в Ленинградском театре комедии в роли слуги Хлестакова Осипа в гоголевском «Ревизоре».

Успешно сдав экзамены и зачеты, я оформил необходимые документы для перевозки семьи из Одессы в Ленинград. Жене еще раз напомнил о необходимости взять в Одесской КЭЧ справку о том, что квартиру я сдал. И я был прав. Примерно через год, когда я уже служил в 46-й танковой дивизии Дальневосточного военного округа, меня вызвал начальник политотдела дивизии полковник Бугров и показал письмо, пришедшее из Одессы. В нем сообщалось, что квартиру я передал, а возможно продал лицу, не имевшему на нее права. От меня потребовали объяснений случившегося. К счастью у меня сохранилась справка КЭЧ. В объяснительной записке я написал, что если комната оказалась у посторонних, то жуликов следует искать в Одессе, а не на Дальнем Востоке, и приложил копию справки, заверенной подписью начальника КЭЧ и печатью. Ответного письма из Одессы не последовало, и на этом переписка прекратилась.

Итак, мы переехали в Ленинград и сняли комнату в поселке Дачном, находившемся в нескольких километрах от Балтийского вокзала. Комната располагалась в деревянном доме с печным отоплением и без всяких удобств. Наш хозяин, которого звали Борисом, по тогдашним представлениям был человеком зажиточным. У него был телевизор «КВН-49» с крохотным экраном и огромной линзой, заполненной водой, служившей для увеличения изображения.

На просмотр телепередач приходили многочисленные соседи, теснившиеся вокруг экрана. В телевизоре «КВН-49» не было ни одного транзистора. Он был собран исключительно на электронных лампах, которые, к сожалению, часто выходили из строя.

Телевидению в те годы до совершенства было еще далеко, хотя первые телепередачи начали транслироваться еще в октябре 1931 года. В связи с войной работы по телевидению прервались, и только в 1951 году в Москве на Шаболовке была создана Центральная студия телевидения. И почти в то же время начало трансляцию программ и ленинградское телевидение. 1-го мая 1952 года впервые был передан нестудийный телерепортаж о первомайской демонстрации на Красной площади в Москве с помощью четырех передвижных телевизионных станций.

Мы жили в парадоксальное время. Академик Т.Д.Лысенко громил вейсманистов-морганистов по вопросам наследственности и хромосомную теорию, а в то же время академик Н.П.Дубинин со своими единомышленниками разрабатывали вопросы генетики и генетические основы селекции, что в корне противоречило учению Лысенко.

Кибернетика считалась буржуазной лженаукой, но тогда же академик С.А.Лебедев создавал первую в СССР ЦВМ (цифровую вычислительную машину), за которую ему была присуждена Ленинская премия.

И все же нашему поколению повезло: мы жили в атмосфере постоянных научных сенсаций и открытий. Наступала эра реактивной авиации, появился первый в мире пассажирский самолет ТУ-104. Впервые был запущен

искусственный спутник Земли, построен гигантский синхрофазотрон (до этого люди почти не слышали об элементарных частицах), началось исследование Луны, полетел в космос Гагарин... И важнейшей сенсацией было телевидение, без которого сегодня немыслимо дальнейшее развитие науки, искусства и культуры.

Но я отвлекся от главной темы – ленинградской жизни и учебы в институте.

Прошли каникулы, начался второй семестр. Вставать теперь приходилось рано, чтобы не опоздать к электричке. А домой я приезжал поздним вечером, когда сын уже крепко спал. Вместе с ним выезжали в город только по выходным дням. Посещали те же памятные места, где я побывал ранее.

Малыш внимательно слушал и запоминал все, что увидел и услышал во время этих прогулок. Он задавал множество разных вопросов. И когда у нас гостила его бабушка, проходя по мосту, с видом знатока объяснял ей, что «эта речка называется Мойка». В это время ему едва исполнилось четыре годика.

К сожалению, в это время мы не имели возможности бывать на вечерних спектаклях. И только однажды решились пойти на выступление театра миниатюр Аркадия Райкина, оставив сына одного и объяснив ему, что вскоре придем домой. Спектакль шел в клубе Института, от которого до Дачного поселка можно было доехать за полчаса.

Домой мы вернулись в полночь и, когда зажгли свет, увидели, что наш Славик сидит в постели и к чему-то прислушивается. На вопрос, почему он не спит, ответил, что он слушает мышку, которая скребется за стеной. Больше в ночное время мы его одного дома не оставляли.

Однажды нас приехал проведать Николай Васильевич, Любин отец. Остановился он у земляков, проживавших на проспекте Стачек. А чтобы возместить стоимость поездки, он привез бидон отличного молдавского меда, намереваясь продать его на колхозном рынке. К зиме мед «засахарился». Но многие покупатели сочли, что в него добавлен сахар, и не стали его брать. Возвратившись с рынка, отец поставил мед на газовую плиту. При нагревании он расплавился, приобрел тягучесть. Весь бидон был раскуплен за один день. А отец, долгие годы занимавшийся пчеловодством, удивлялся незнанию горожан того, что при нагревании меда в металлической посуде он теряет свои целебные свойства, а «сахаристость» не влияет на его качества.

50-60-е годы были ознаменованы не только научными и техническими открытиями, но и глубокими изменениями в политической, экономической и культурной жизни страны.

Решительно осудив культ личности Сталина, Н.С.Хрущев и его ближайшее окружение сосредоточили в своих руках всю государственную власть. Хрущев стал Первым секретарем ЦК КПСС (с 1953 г.), а с 1958 года одновременно – Председателем Совета Министров СССР. Началась эпоха безудержного восхваления Хрущева. Ему присваивают звания Героя Советского Союза и Трехжды Героя Социалистического Труда. Он становится лауреатом Международной Ленинской премии мира, кавалером множества со-

ветских и зарубежных наград. На смену культу личности Сталина пришел хрущевский «стиль» руководства, при котором важнейшие решения принимались без учета законов экономического развития и реальных потребностей страны по воле «вождя» и тех, кто старался ему угодить, не забывая о собственной выгоде.

Началась эпоха хрущевских реформ, далеко не всегда приносивших пользу стране. Для руководства экономикой были созданы совнархозы – прообразы современных министерств. В СССР их было образовано 103. Партийные организации были разделены на промышленные и сельские. Все это преподносилось как возвращение к ленинским принципам управления народным хозяйством.

Немалый вред нанесла сельскому хозяйству и науке деятельность академика Т.Лысенко, отрицавшего генетику как науку «вейсманистов-морганистов». При поддержке Хрущева он насаждал свою, антинаучную концепцию, занимаясь шельмованием других научных школ, чем нанес большой ущерб отечественной генетической науке.

Непростительной, если не сказать, глупой ошибкой Хрущева была передача Украине Крымской области, в результате чего Крым, завоеванный в свое время русскими, был потерян для России.

Вместе с тем, по инициативе Хрущева в стране свершались и многочисленные полезные преобразования. Улучшалась жизнь народа. Восстанавливалась социалистическая законность. Были реабилитированы миллионы невинно репрессированных людей. Ни один из его идейных противников, как это было раньше, арестован не был. При нем было развернуто массовое жилищное строительство, и многие тысячи семей были переселены из бараков и коммуналок в отдельные квартиры. Освоение целины в короткие сроки решило в стране зерновую проблему. Успешно развивалась космонавтика.

Эту противоречивость деятельности Хрущева отразил скульптор Эрнст Неизвестный в надгробном памятнике на Новодевичьем кладбище в Москве. Скульптурный портрет Никиты Сергеевича обрамлен гранитными блоками белого и черного цвета, символизирующими эту противоречивость. Кстати, творчество Неизвестного Хрущев жестоко раскритиковал на выставке современного искусства в Манеже, о чем, по утверждению его сына Сергея, Никита Сергеевич впоследствии сожалел. Именно Неизвестному семья Хрущева заказала этот памятник.

Годы правления Хрущева, к сожалению, не способствовали укреплению мощи и развитию наших Вооруженных Сил. Возлагая главные надежды на ракетно-ядерное вооружение, руководство СССР не стало заниматься строительством авианосцев, главным оружием которых является палубная (бомбардировочная и истребительная) авиация. Уже в 1956 году в США появился авианосец «Форрестол», а затем и другие подобные суда, несущие на борту свыше сотни самолетов. И сегодня мы видим, как в любой точке мирового океана они выполняют боевые задачи в интересах США: на Ближнем Востоке в Персидском заливе и в других местах.

В СССР соответствующие ресурсы были сосредоточены на строительстве атомных подводных лодок (АПЛ) с ракетным, в том числе ядерным, оружием. Построили подводных лодок великое множество. АПЛ совершали регулярные длительные походы, в том числе к Северному полюсу. Сегодня они стоят у причалов, изредка выходят в океан, производят учебные пуски ракет в заданные районы (иногда неудачные). Многие старые подлодки просто ржавеют, нуждаются в утилизации, на которую нет средств. Об экологической безопасности пока никто не думает.

В 1960 году был издан Закон о сокращении Вооруженных Сил СССР на один миллион 200 тысяч человек. При этом Закон не предусматривал никаких гарантий увольняемым ни на жилье, ни на трудоустройство. Эти заботы были возложены на местные органы власти районов, из которых военнослужащие были призваны в армию. А там демобилизованных тоже никто не ждал.

Хрущевские военные реформы вскоре докатились и до нас. Ленинградский Высший военно-педагогический институт имени М.И.Калинина был упразднен за ненадобностью. Случилось это в конце 1957 года, уже после успешной сдачи экзаменов за первый курс Института.

Меня вызвал в свой кабинет начальник отдела кадров и сообщил о решении направить меня для прохождения дальнейшей службы в Дальневосточный военный округ. Поскольку в Институт я был принят из Одесского военного округа, то от нового назначения категорически отказался и попросил вернуть меня в этот округ. Начальник сказал, чтобы я написал рапорт о своем отказе. Я написал рапорт и тут же положил его на стол, чем кадровик был заметно озадачен.

На следующий день я был вызван к начальнику политотдела института. Мой рапорт лежал у него на столе. Я не помню фамилии этого начальника, но это был опытный и мудрый человек. Он долго беседовал со мной и на личном опыте убедил, что на этом служба не кончается, а только начинается, и все еще впереди. Он удержал меня от опрометчивого поступка, и я забрал свой рапорт, о чем никогда не жалел. Затем получил в штабе все необходимые документы, в том числе предписание и проездные на себя и семью для проезда до станции Хабаровск, где находился штаб Дальневосточного военного округа.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ГАРНИЗОНЫ

Не догуляв положенного отпуска, мы стали готовиться в дальний путь – на незнакомый нам пока Дальний Восток. Прежде всего, мы стали отбирать самые необходимые предметы. Таких оказалось значительно больше, чем мы полагали ранее: помимо постельных принадлежностей, одежды и белья, книг (в том числе учебной литературы и разных справочников для академической учебы) оказалась необходимой масса столовой посуды и кухонной утвари, обуви на все сезоны и т.д.

Все это было отправлено в Хабаровск, затем перенаправлено на станцию Уссурийск. Всего набралось три места – два дощатых ящика и тюк с мягкой «рухлядью», не считай ручной клади килограммов на тридцать.

Один ящик был довольно внушительных размеров. Долгое время затем он исправно служил Славику кроватью, а нам платяным шкафом, украшая интерьер нашего жилища

И вот, наконец, мы в пути. Ехали довольно медленно: тепловозы и электровозы нас везли редко, – все больше паровозы с частыми остановками для заправки углем и водой и смены паровозных бригад.

Мы занимали купе в плацкартном вагоне, отгородившись от остальных пассажиров шторой из одеяла. Кто был четвертым пассажиром, теперь уже не помню. Но спутники попались доброжелательные, скоро перезнакомились и стали добрыми соседями.

Питались мы тем, что приносили разносчики из вагона-ресторана, а разнообразили меню продуктами, купленными на привокзальных рынках. В отличие от нынешних рынков, продукты там продавались качественные, в том числе и необычные для наших мест: таежные ягоды, грибы, кедровые орехи, молочные продукты, а в Прибайкалье – омуль и хариусы.

Долгими вечерами попутчики вели бесконечные разговоры о своих проблемах, с которыми они не всегда могли поделиться даже с близкими людьми, облегчая тем свою душу и понимая, что дальше вагона эти разговоры не пойдут.

По-моему, это была наша единственная поездка через всю страну по железной дороге, в последующие годы «на материк» мы летали самолетами. Это было выгоднее: во-первых, дороже ненамного, так как в воинских проездных документах учитывалась стоимость проезда по железной дороге, и, во-вторых, продолжительность отпуска в любом случае составляла 45 суток – хоть лети самолетом, хоть иди пешком.

Эта поездка произвела на меня самое глубокое впечатление и запомнилась на всю жизнь. Она дала возможность воочию увидеть русские просторы, полноводные реки, «славное море, священный Байкал», его неописуемо красивые скалистые берега с многочисленными железнодорожными туннелями, богатейшую сибирскую тайгу. При этом исподволь возникал один вопрос, ответ на который до сих пор не может дать никто: почему при таких просторах и богатствах страны народ наш в подавляющем большинстве живет столь бедно?

Чиновники любят употреблять термин «Великая Россия». Но может ли называться великим государство, неспособное обеспечить достойную жизнь своим гражданам?

В конце пути наш поезд пошел по территории Амурской области. На берегах рек Зея и Буря железнодорожная колея местами настолько близко располагалась к воде, что, казалось, вагон вот-вот окажется в реке – при взгляде из окна вагона ощущение было не из приятных.

Наше путешествие близилось к завершению. Ранним утром состав с грохотом вкатился на высокий и длинный железнодорожный мост над широкой рекой. Мы переезжали Амур-батюшку, состоящий из нескольких широких рукавов. Пассажиры стали собирать свои многочисленные пожитки, готовясь к выгрузке.

Перетащив с помощью носильщика свой скарб в зал ожидания, наскоро перекусив и оставив семью, я поехал в штаб округа для доклада начальству о своем прибытии.

Предъявив на КПП документы, прошел на территорию штаба. Мне показали здание, где размещалось политуправление. Принял меня один из заместителей начальника. Узнав, что моя семья находится на вокзале, он долго разговаривать не стал, а тут же позвонил военному коменданту вокзала и попросил устроить нас на несколько дней в гостиницу. Затем он вызвал машину с офицером и отправил нас на вокзал, приказав прибыть к нему на следующий день: «Пока мы решим, куда вас определить».

Несколько последующих дней было потрачено на оформление документов, в том числе проездных и багажных. Нам предстояло ехать до станции Уссурийск, туда же отправлять и багаж. В Уссурийске нас должен был встретить офицер с машиной и довезти до места службы – поселка Корфовка, расположенного рядом с советско-китайской границей. Там находился гарнизон, в котором мне предстояло служить.

В Уссурийск поезд прибыл поздно вечером. На перроне нас встречал офицер с грузовой машиной, оборудованной фургоном и скамейками. Посадив жену с ребенком в кабину, сам забрался в кузов. В полной темноте мы двинулись в путь.

Несколько часов езды по безлюдной разбитой проселочной дороге – и машина въехала в какой-то населенный пункт. Остановились возле одноэтажного дома. В нем для нас было приготовлено временное жилище – комната с двумя железными кроватями, парой стульев и вешалкой на стенке. До рассвета еще оставалось несколько часов, и мы устроились на ночлег, поблагодарив хозяев за гостеприимство.

Проснувшись рано утром и выйдя на улицу, мы, наконец, смогли осмотреть окружающий нас ландшафт и военный городок, в котором нам предстояло жить. Мы знали, что едем в Корфовку, поэтому первое, что спросила жена, было: «А где же Корфовка?». Для меня ответ на этот вопрос был неочевиден, поэтому я ответил, что станция метро с таким названием находится рядом с ближайшей сопкой.

Оказалось, что Корфовка – это крошечный посёлок, затерявшийся среди сопки недалеко от границы с Китаем. Почти вплотную к нему примыкал военный городок нашего зенитно-артиллерийского полка 46-й танковой дивизии, штаб которой находился в Покровке, недалеко от Корфовки.

Первыми, кто попался мне на глаза, были подполковник и неопрятного вида солдат, о чем-то оживленно спорившие между собой. При этом было заметно, что более агрессивно был настроен солдат, а подполковник вел себя миролюбиво и даже в чем-то оправдывался. Я прислушался к их разговору.

Солдат кипятился:

- А вы, товарищ подполковник, хоть раз спросили, обедал ли сегодня Нудельман? А вы спросили, куда дел Нудельман свои часы? А я их продал, чтобы иметь деньги на обед...

И так далее.

Никакие доводы подполковника о необходимости брать сухой паек при поездке в Уссурийск на кинобазу, солдатом не воспринимались.

Позже я узнал, что такой стиль общения был обычным для замполита полка подполковника Койлера и киномеханика рядового Нудельмана. При этом они всегда находили общий язык.

Через несколько часов я прибыл в кабинет своего нового непосредственного начальника подполковника Койлера с рапортом о прибытии в его распоряжение, о чем он, разумеется, был уже поставлен в известность.

Подполковник Койлер оказался грамотным, интеллигентным человеком. Он попросил меня рассказать о себе. Слушал, не перебивая и не задавая дополнительных вопросов. Когда я закончил свой рассказ, он пригласил всех политработников полка и представил каждого из них, кратко рассказав обо мне и спросив, имеются ли у присутствующих вопросы. Вопросы не было. На этом первое знакомство закончилось. Мне было предоставлено три дня для доставки из Уссурийска имущества и бытового обустройства.

Квартирный вопрос был решен просто: нашей квартирой стала комната, в которую нас вселили в ночь приезда. Другую комнату занимала семья майора Емельянова, а кухня была общая.

Жизнь в небольших гарнизонах имела свои особенности. Люди быстро сближались, завязывались дружественные отношения, ходили друг к другу в гости. Помогали, чем могли, особенно вновь приезжим, предлагая на первое время воду (она была привозная), овощи, кухонную утварь и т.д.

В местной жизни были и отрицательные моменты, связанные, главным образом, с бытовыми условиями: отсутствие городских удобств, печное отопление, на кухне тоже печка, частые перебои с подачей электричества, нерегулярная доставка почты, привозная питьевая вода и т. д.

Особенно серьезно эти проблемы сказывались на бывших жителях крупных городов, особенно москвичих. Жены некоторых офицеров ни за что не хотели покидать свои комфортные городские квартиры. Иногда это приводило к распаду семей. Но были и другие примеры. Так, когда один наш сосед решил уволиться в запас, жена ему категорически заявила: «Не офицер ты мне не нужен!»

Не было в нашем городке никаких культурно - развлекательных учреждений, кроме клуба, где уже знакомый нам Нудельман раз в неделю «крутил» кинофильмы, как правило, «не первой свежести».

У мужчин, правда, была еще одна забава – охота. Сразу за поселком находилось поле, которое засеивалось соей. После уборки урожая на поле оставалось много зерна, и осенью сюда слеталось много фазанов.

Наш сосед Емельянов часто и удачно там охотился. Он даже держал охотничью собаку – сеттера Пальму.

Однажды и мне захотелось испытать охотничье счастье. Взял у соседа ружьё и свистнул Пальме, которая, увидев ружье, охотно откликнулась на зов, полагая, что предстоит настоящая охота. Вдвоем с собакой мы двинулись на промысел.

Выйдя на поле и пройдя сотню метров, Пальма подняла первого фазана, который с шумом взмыл в воздух. Выстрелить я не успел. Взлетели еще две птицы. Два раза я стрелял и все мимо. Пальма, по-видимому, поняла, с кем имеет дело, и потеряла интерес и к охоте, и к незадачливому охотнику.

С охотой связан еще один курьезный случай. Как-то, возвратившись с добычей домой, сосед похвалился, что ему удалось подстрелить барсука. А по слухам барсучий жир обладает целебными свойствами. Поэтому решено было жир вытопить, а мясо использовать на закуску, чтобы отметить удачную охоту. Приступили к делу. По поселку разнесся нестерпимый смрад, но на это не обращали внимания. В разгар пиршества к нам подошел кто-то из опытных охотников и спросил, кто убил енота, шкура которого валяется на помойке.

Это был шок... Получилось, что закусывали-то собачатиной! Все мигом потеряли аппетит и разбежались по кустам.

В общем, жизнь, как и в других дальних гарнизонах, не баловала офицеров разнообразием, но место службы не выбирают – служи там, где приказано, где Родина велит, а приказ есть приказ.

В октябре 1957 года пришел письменный приказ о моем назначении на должность пропагандиста зенитно-артиллерийского полка. Одновременно я был зачислен слушателем второго курса общевоинского факультета Военно-политической Академии имени В.И. Ленина на заочное отделение.

На пропагандиста полка возлагался широкий круг обязанностей. Само слово «пропаганда» означает распространение философских, научных, художественных и других идей и взглядов. В данном случае речь шла об организации политической пропаганды с целью формирования у личного состава коммунистического мировоззрения. Ее основными принципами должны были быть научность, партийность, конкретность, правдивость и тесная связь с жизнью.

Принцип научности базировался на «прочном фундаменте» марксистско - ленинской философии, политической экономии и научного коммунизма, разработанных Марксом, Энгельсом, Лениным.

Партийность пропаганды означала её идейную направленность, отвечающую «генеральной линии» партии, фактическое отрицание свободы выражения собственных взглядов, мнений.

Так, роман А.Фадеева «Молодая гвардия», написанный в 1945 году по следам событий в Краснодаре, был подвергнут жестокой критике и переиздан в 1951 году в связи с тем, что в предыдущем издании не была показана руководящая роль партии в борьбе против фашистов на временно оккупированной территории Украины.

Без руководства КПСС – никак. Все, что было создано в стране положительного – исключительно под руководством КПСС, все отрицательное – от лукавого. Да и не обязательно всем знать обо всем. Для ограничения нежелательных сведений была даже создана особая форма информации: по парторганизациям стали рассылаться так называемые «Закрытые письма ЦК КПСС», которые зачитывались на закрытых партийных собраниях. Но и в этих «письмах» содержалась далеко не вся правда. Ясно, что и принципом правдивости наша пропаганда не отличалась: многие «достижения» оказались дутыми.

В декабре 1950 года состоялся пленум ЦК КПСС, посвященный опыту Рязанской области, намного перевыполнившей свои обязательства по продаже мяса государству. Это была авантюра областной власти, в результате которой сельское хозяйство области лишилось значительной части основного стада. Убедившись в крахе своей затеи, первый секретарь обкома А.Н.Ларионов застрелился, о чем средства массовой информации умалчивали.

Не лучшим образом обстояли дела и с урожаем зерновых культур. Было очевидно, что лозунг «догнать и перегнать Америку за 3-4 года» по производству мясомолочной продукции, выдвинутый в 1959 году, был невыполним.

Во время учебы в Ленинграде мы слушали по радио выступление Хрущева, когда он, как обычно, отступая от текста, говорил примерно так: "Коммунизм" - вековая мечта человечества. Но "коммунизм", смазанный маслом, становится ещё более привлекательным!". Разумеется, эти слова не попали в печать, а мы, слушатели, с улыбками рассуждали о том, какую оценку мы бы получили за "коммунизм, смазанный маслом" на экзамене или зачете.

В стране шли бесчисленные экономические перестройки, которые отнюдь не способствовали развитию сельского хозяйства, годовой прирост которого составил всего 1,2%.

Летом 1961 года газеты опубликовали проект новой Программы КПСС, разработанной под личным руководством Хрущева и принятой на XXII съезде партии. В Программе выдвигался демагогический лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Разумеется, этому никто не верил. Историк Рой Медведев вспоминал, как на московском общегородском совещании идеологических работников в середине 1960 года главному идеологу партии Л.Ильичеву был задан вопрос:

«Тов. Ильичев! Не можете ли Вы сказать, за сколько лет в СССР будет построен коммунизм?» В аудитории раздался общий смех. Вопрос был нелепым. Ильичев ответил, что для этого потребуется 40 - 50 лет. Но прошел всего год, и тот же Ильичев стал активным пропагандистом построения коммунизма «в основном» к 1980 году, ибо так было записано в новой Программе КПСС.

Неудачи на земле все же смягчались новыми успехами в космосе. В августе 1960 года удалось вернуть с орбиты на землю двух собачек, а 12 апреля 1961 года в небо ушел первый в мире пилотируемый космический корабль с Юрием Гагариным на борту. 14 апреля Москва торжественно встречала Ю. Гагарина. Гагарин и Хрущев стояли на трибуне Мавзолея, приветствуя демонстрацию. Только через несколько лет мы узнали имя конструктора космических кораблей – академика С.П.Королева. Россия открыла человечеству дорогу в космос.

Одновременно Хрущев занимался и экономическими проблемами. Был принят закон «Об отмене налогов с рабочих и служащих», подоходного налога с «холостяков». С 1960 года был осуществлен переход на семичасовой рабочий день.

Высокими темпами шло жилищное строительство, строительство МКАД (московской кольцевой дороги), определившей границы города Москвы. Был открыт Международный институт дружбы народов им. Патриса Лумумбы, призванный, по замыслу, готовить кадры для стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В 1961 году неприятным для большинства людей оказался Закон об изменении масштаба цен 1:10. На рынках этот закон работал далеко не всегда, и цены там если и снижались, то незначительно. Зарплата же и другие выплаты уменьшились в десять раз. Рынок диктовал свои цены, в результате чего уровень благосостояния народа снизился, так как большую часть продуктов питания люди покупали на колхозных базарах.

В целом положение в экономике страны и, особенно в сельском хозяйстве, ухудшалось, популярность Хрущева падала. На складах накопилось огромное количество неходовых низкосортных товаров. Росло недовольство во всех группах населения. Рабочие были недовольны ухудшением продовольственного снабжения, ростом цен. По этим же причинам уменьшался реальный рост зарплаты. Крестьяне были недовольны посягательствами государства на личные подсобные хозяйства и уменьшением оплаты труда в колхозах. В милиции были отменены добавки за звания, в армии уменьшены размеры пенсий и выплаты за выслугу лет.

Неумеренное восхваление заслуг Хрущева шло, разумеется, по указке «сверху». На экраны вышел фильм «Наш Никита Сергеевич», везде печатались материалы о «великом ленинце», «великом борце за мир». И те же, кто создавали этот культ, через некоторое время с таким же энтузиазмом принялись его развенчивать, хотя большую часть своих решений Хрущев проводил через Президиум и Пленумы ЦК, которые, как правило, поддерживали его.

Когда страна оказалась в трудном положении, а Хрущев отказался уйти со своего поста, его стали обвинять во всех грехах. Суслов, например, поставил ему в вину, что за девять месяцев 1964 года в центральных газетах 140 раз помещался портрет Хрущева, в то время как Сталин в свое время печатался 10 - 15 раз в год. В печати и на радио он якобы окружил себя подхалимами – как будто сам Суслов не являлся одним из главных организаторов этой кампании.

На октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1964 года Хрущев был смещен со своих постов. Первым секретарем (а с 1966 г. – Генеральным секретарем) был избран очередной «верный ленинец» – Л.И.Брежнев.

Весь срок моей пропагандистской службы пришелся на период хрущевской "оттепели", хрущевских реформ, нередко поспешных и непродуманных. В этих условиях основное внимание приходилось обращать на положительные факты из жизни, избегать превосходных степеней, характеризуя деятельность правящей верхушки и самого Хрущева. О многих вещах приходилось умалчивать, особенно о тех, которые не подлежали оглашению и содержались в закрытых «Письмах ЦК КПСС» и других документах.

Все это не способствовало повышению действенности пропаганды и авторитета КПСС. Ведь для народа лучше горькая правда, чем сладкая ложь. А мы должны были эту самую ложь всячески приукрашивать. В этом смысле мало что изменилось и при правлении Брежнева.

И все же, как ни критиковали советскую систему идейно-политического воспитания, при всех издержках и недостатках, которые сегодня подвергаются осмеянию (нередко справедливому), ее действенность оказывалась в итоге выше, чем при нынешней системе управления государством. В 90-х годах свобода была воспринята как вседозволенность и безнаказанность, что, в свою очередь, привело к росту преступности. Теперь ее не скрывают, а, по сути, рекламируют в литературе в детективных повестях, кинофильмах типа «Бандитский Петербург», «Сонька - Золотая ручка», «Улицы разбитых фонарей», «Оплачено смертью» и многих других. Спортивные кружки, секции, бассейны – все за деньги и не всем по карману. Городские квартиры, словно тюрьмы, – с решетками на окнах, со стальными дверями, с домофонами и охранной сигнализацией. Дворцы «новых русских», окруженные высоченными заборами, оберегаемые службами охраны с телекамерами и сторожевыми псами, – больше походят на средневековые замки. А сколько здоровых парней околачивается в многочисленных охранных структурах, начиная с детских садов, школ и заканчивая банками и торговыми предприятиями. А ведь у нас еще есть и милиция, которую очень часто можно встретить на рынках и на дорогах, точнее, «на больших дорогах» ...

Постоянно растет преступность, нередко на национальной почве, захват заложников и грабежи. В ночное время на улице лучше не появляться. Растет преступность в основном за счет молодежи, родившейся после начала или незадолго до начала так называемой "перестройки".

Вся система воспитания рухнула. Появились «Наши» и неизвестно чьи «Молодогвардейцы» (лучше бы они не позорили это название), «лимоновцы»

с их фашистской символикой и другие. «Наших» подкармливают власти, обеспечивая обмундированием и средствами. Недовольных разгоняют, применяя при этом «спецсредства» – резиновые дубинки, пластиковые щиты, наручники, слезоточивый газ и другие. Таких «средств пропаганды» мы в свое время не знали, нам их только показывали в документальном кино и по телевидению как подтверждение антинародной сущности «загнивающего Запада».

Большое значение придавалось военно-патриотическому воспитанию личного состава. Новобранцев обязательно знакомили с историей полка, рассказывали о боевом пути части, его традициях и Героях Советского Союза. А если был воин, зачисленный навечно в списки части, то в казарме, рядом с аккуратно заправленной кроватью, размещался его портрет, а имя и фамилия значились в списке личного состава. На вечерних поверках старшина называл его имя первым, а командир отделения обязан был отвечать: «Герой Советского Союза (такой-то) погиб смертью храбрых в боях за Родину».

Военно-патриотической тематике были посвящены политзанятия, беседы, номера художественной самодеятельности, коллективы которой имелись при клубах каждого полка, особенно в отдаленных гарнизонах.

Клуб был единственным местом проведения вечеров отдыха, организаторами которых были мы сами. Здесь встречали праздники, проводили новогодние застолья, устраивали самодеятельные концерты и танцы.

В солдатском клубе мы и встретили Новый 1958-й год. На следующий день солдат, который ухаживал за поросятами на подсобном хозяйстве части, хвалился, что он устроил своему стаду «хвестиваль» из остатков пищи.

Через несколько месяцев мне пришел вызов из Академии, и я уехал на полтора месяца в Москву на учебные сборы и для сдачи зачетов и экзаменов за предыдущий курс.

Вскоре после моего возвращения в Корфовку наш полк был передислоцирован в поселок Липовцы, за несколько десятков вёрст от Корфовки.

В Липовцах у нас родился второй сын – Коля. Так как родильный дом находился в соседнем поселке Сергеевском, жену туда увезли заранее. В это время на хозяйстве я остался со Славиком, которому еще не исполнилось шести лет.

Приходя домой на обед, я начинал искать своего сына и чаще всего находил его за околицей поселка, где в зарослях высокой, под полтора метра, полыни ребята играли в войну, разжигали костры и пекли картошку. Дома он появлялся весь закопченный, измазанный сажой от костра и с обуглившейся полусырой картошкой в карманах. Прежде, чем посадить за стол, его сначала приходилось приводить в божеский вид. Со всем этим мы кое-как справлялись.

В эти дни я купил фотоаппарат и сделал свои первые снимки. Одним из них было фото для жены, которая лежала в больнице. На обратной стороне фотокарточки сохранилась надпись: «ЗИМ дает гудок. Сейчас едем к маме».

Офицерские дети не были избалованы излишним вниманием своих родителей, хотя и без присмотра взрослых не оставались. В военных городках,

как в деревнях, вся жизнь была на виду и ни один неблагоприятный поступок не только детей, но и взрослых не оставался незамеченным.

ЗИМ дает гудок...

Офицерские дети. Липовцы

День рождения Славы

*Коля
Липовцы, 1959 год*

В городке не было ни одного дошкольного учреждения, а в школу ребят в большинстве случаев возили на машинах. Поэтому организацией детского досуга занимались сами родители и солдатский клуб.

Для детей регулярно устраивались утренники, посвященные различным праздникам, спортивные состязания, новогодние елки. В зимнее время для них заливались освещенные разноцветными лампочками катки. Если родители устраивали для своего ребенка день рождения, то именинник обязательно приглашал ближайших друзей.

Служба на Дальнем Востоке для меня была связана с многочисленными длительными поездками: переменами места службы, командировками, выездами в Москву на очередные экзамены и сборы в Академии, с очередными отпусками продолжительностью 45 суток и выполнением других заданий за пределами части.

В апреле 1960 года в связи с очередными реорганизациями меня назначили на ту же должность пропагандиста полка, но уже в другой вид Вооруженных Сил – войска ПВО страны, 11-я отдельная армия ПВО Дальневосточного Военного округа.

Штаб полка находился в городе Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края. Благодаря этому мы опять оказались в «цивилизованном» мире. Сначала наша семья была поселена на окраине Комсомольска в районе, называвшемся Камушки, на втором этаже двухэтажного дома без каких-либо городских удобств (все удобства – во дворе, в том числе водопровод). Рядом были сопки, куда

местные жители осенью ходили за грибами. По всему району между домами были проложены деревянные тротуары. Пищу готовили на электроплитке,

тогда же мы приобрели первый «необычный» бытовой прибор – электродуховку. А примерно через полтора года мы получили отдельную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, приобрели кое-какую мебель, пылесос и телевизор. Местное телевидение показывало свои передачи несколько часов в вечернее время. Показывали в основном последние известия (рассказ диктора и показ фотоснимков с места событий), а затем демонстрировался киножурнал и художественный фильм.

Летом 1961 года пришел вызов из Академии на очередную сессию, после которой мы сдавали государственные экзамены по трем дисциплинам: Истории КПСС, Партийно-политической работе в СА и ВМФ и Общей тактике. Государственную экзаменационную комиссию возглавлял генерал-полковник Н. Антонов.

Все экзамены я сдал успешно. Вручение

дипломов и торжества по случаю окончания Академии состоялись в актовом зале МГУ им. Ломоносова на Ленинских (ныне Воробьевых) горах, после чего выпускники разъехались по своим частям. Уехал и я в свой Комсомольск-на-Амуре.

*Первый раз в школу
1 сентября 1961г.*

*Комсомольск-на-Амуре
В городском парке*

В том же 1961 году Слава поступил в первый класс. Ему, как и многим офицерским детям, в связи с частыми переездами пришлось сменить немало школ, учителей и школьных друзей – он учился в шести разных школах, в том числе один месяц в четвертом классе украинской школы, поскольку мой очередной отпуск совпал с началом учебного года. Благо все школы страны работали по единой программе, так что все эти перемены не вызывали серьезных проблем в учебе, а Слава по окончании 10-го класса был награжден золотой медалью.

Казалось, что, закончив учебу в Академии, освободившись от груза учебных задач и контрольных работ, можно будет и несколько расслабиться. Больше времени уделять семье, гулять в городском парке культуры, в кино-театрах и других местах отдыха. Но в армейской службе такое бывает нечасто. Поступил приказ сформировать строительный батальон для оказания помощи соседнему Забайкальскому Военному округу в строительстве жилых и других помещений в местах дислокаций будущих войсковых частей.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ СТЕПИ

Рассказывая о своей службе в Строительном управлении Одесского военного округа, я упомянул об упразднении строительных батальонов и создании на их базе строительных отрядов. Они отличались от стройбатов тем, что в их составе вместо взводов создавались бригады во главе с сержантами (большинство офицеров увольнялось в запас), многие специалисты нанимались из гражданских лиц, сокращалась численность военнослужащих.

Такая система оправдывала себя там, где было достаточно рабочей силы. В отдаленных и малонаселенных районах, в том числе в Забайкалье, таких кадровых возможностей не было. Поэтому, когда потребовалось построить здесь военные объекты, было решено привлечь дополнительные силы из соседнего Дальневосточного военного округа. Такова, на мой взгляд, предыстория создания нашей части – по существу, того же стройбата.

Было приказано укомплектовать это подразделение солдатами и сержантами, отслужившими по два года и подлежащими осеннему увольнению в запас, чтобы не возвращать их к прежнему месту службы.

Люди прибывали практически из всех частей округа. При этом командиры частей стремились избавиться, прежде всего, от неудобных им подчиненных: нарушителей дисциплины, лодырей, лиц, уличенных в более серьезных проступках, а иногда и для того, чтобы избавиться от необходимости заводить уголовное дело. Иными словами, командиры частей использовали необходимые кадровые перемены для исключения факторов, которые могли отрицательно повлиять на оценку части и работу ее командования вышестоящим начальством. Так что батальон был укомплектован весьма специфическими кадрами, которые нам надлежало убедить в необходимости добросовестно трудиться не только во имя Отечества, но и в личных интересах, так как от этого зависело время увольнения в запас. Решающая роль в этой работе принадлежала командиру батальона. На эту должность был назначен подполковник Виктор Степанович Макаркин, о котором следует рассказать особо.

***В.С.Макаркин и Б.И.Пясецкий**
Забайкальская командировка*

тельность, он постоянно заботился о бытовом устройстве и нуждах подчиненных, прост в обращении с людьми и всегда готов прийти на помощь тем,

Виктор Степанович – грамотный офицер, окончивший две военные академии и обладавший большим командирским опытом работы, как в мирное, так и в военное время. Участник Великой Отечественной войны, награжденный 8-ю боевыми орденами и многими медалями. Трижды раненный, он неизменно возвращался в строй и с боями дошел до Берлина. Будучи командиром, подполковник являлся и умелым воспитателем. Проявляя высокую требова-

кто в ней нуждался. С нерадивых строго взыскивал, такие люди его побаивались. Но все солдаты уважительно называли Макаркина батей.

Меня назначили заместителем командира батальона по политической части, и хотя служили мы с Макаркиным в одном полку, ранее по службе мы встречались редко: он часто бывал в командировках, а я в это время сдавал курсовые и экзамены в академии. Тем не менее, мы быстро нашли с ним общий язык, не предполагая, что через несколько лет нам будет суждено снова встретиться и работать вместе уже на Чукотке.

А пока приходилось работать с теми, кто прибывал в наше распоряжение. Люди были разные, но большинство из них трудились на совесть: за два года строевая служба многим изрядно надоела, и они были готовы выполнять другую разнообразную работу. Кроме того, был еще один существенный стимул: им было обещано увольнение в запас сразу после выполнения поставленной задачи. Тут и сами солдаты не давали спуску ленивым.

Но вот наш батальон укомплектован. Получены весь транспорт и техника, положенные по штату. Мы грузимся в эшелон на станции Комсомольск-на-Амуре и трогаемся в путь.

Поездка продолжалась несколько дней. Ее конечным пунктом была железнодорожная станция Оловянная Читинской области. Далее путь пролегал по забайкальской степи до военного городка, затерявшегося в этой степи. Сейчас уже не помню, сколько километров было до ближайшего населенного пункта, но думаю, что немало, так как местность эта была отнесена к категории отдаленных, и офицеры, служившие здесь, через пять лет переводились в центральные округа.

Солдаты поселились в палаточном городке, офицеров разместили в местной гостинице. Вскоре сюда прибыл офицер – представитель Строительного Управления Забайкальского военного округа, который должен был координировать и направлять нашу работу. Через несколько дней были определены объекты работы, созданы бригады, назначены бригадиры, и работа закипела. По своему характеру работа эта мало чем отличалась от той, которую мы выполняли под Бузулуком, когда строили дома вместо разрушенных ядерным взрывом.

Местный дацан

Несмотря на некоторые опасения, грубых нарушений воинской дисциплины, а, тем более, чрезвычайных происшествий за девятимесячный срок командировки у нас не было. Не было и самовольных отлучек – «отлучаться» было некуда: на многие километры вокруг простиралась голая степь. Не было и злчных мест, где можно бы-

ло бы приобрести спиртное. В нескольких километрах стоял буддийский монастырь – безлюдный дацан.

После того, как установился деловой ритм работы, появилась возможность более подробно ознакомиться с окружающей средой и местностью, где нам предстояло трудиться. С наступлением лета местность покрылась буйным степным разнотравьем с цветами, среди которых часто встречались дикорастущие пионы. В отличие от садовых, они не имели запаха, и почти все были белого цвета. Но эта красота продержалась недолго. Наступило жаркое, засушливое лето, и степь резко изменилась. К счастью, недалеко от нашего палаточного городка протекали реки Онон и Борзя, в которых мы могли не только искупаться, но и порыбачить в свободное время.

Забайкальские пионы

Одна из рыбалок оказалась уникальной, и о ней мне хотелось бы поведать. В субботу под вечер, собрав рыболовные снасти и прихватив с собой палатку, мы выехали на реку Онон, находящуюся от нас в нескольких километрах. Накануне прошел сильный ливень, необычный для этих мест. Река вышла из берегов, и подъехать к ней на затопленном участке было невозможно. Оценив сложившуюся ситуацию, мы решили провести ночь в палатке, а на утренней зорьке, найдя подходящее место, несколько часов порыбачить. На удачу особенно не рассчитывали.

Когда рассвело, меня разбудили звуки пистолетных выстрелов. Я выглянул из палатки и увидел любопытную картину: в трусах, по колено в воде с пистолетом в руке бродит мой командир, изредка производя выстрелы. Я спросил, что здесь происходит? Он объяснил, что, выйдя из палатки, заметил, как неподалеку от берега в воде что-то шевелится. Пригляделся – и увидел большого сома. Путаясь в высокой траве, по

Река Онон. На рыбалке

мелководью сом быстро продвигался к реке. И Макаркин решил добыть рыбу с помощью пистолета. Это ему удалось. И тут мы обратили внимание на то, что трава шевелится по всему побережью. Внезапное понижение уровня воды в Ононе вынудило рыбу спасаться и «бежать» с заливных лугов в основное русло реки. Мы отбросили в сторону свои рыболовные снасти и начали рыбачить первобытным способом – глушить рыбу палками, сильно ударя ими по воде, где шевелилась крупная рыба. Добычу собирали голыми руками. Когда рыбой наполнился полный вещевой мешок, мы эту варварскую рыбалку прекратили, а рыбу отвезли на солдатскую кухню. В этот день для всех на обед повара приготовили вкусную уху из свежей рыбы. Подобных

«рыбалок» больше не случалось, и добычи обычно хватало на котелок ухи, которая тут же съедалась под чарку водки.

Короткое забайкальское лето скоро закончилось. Подули северные ветры, резко похолодало. Личный состав пришлось переселить из палаток в построенные дома. Подходили к завершению намеченные работы, и солдаты работали с предельным напряжением, надеясь на обещанную досрочную демобилизацию.

Но к концу года резко обострилась международная обстановка в связи с намерением СССР разместить на Кубе ракеты средней дальности и базы Советских Военно-воздушных сил. Несмотря на то, что все мероприятия проводились в строжайшей тайне, американская воздушная разведка обнаружила эти приготовления. Произошел обмен посланиями между Хрущевым и президентом США Кеннеди. Америка объявила морскую блокаду Кубы. В этой блокаде принимали участие 180 военных кораблей и сотни самолетов. Назревал опасный военный конфликт. 24 октября 1962 года Министр обороны СССР отдал приказ о приведении Вооруженных Сил в состояние повышенной боевой готовности, в связи с чем были отменены отпуска офицеров и задержано очередное увольнение в запас военнослужащих срочной службы.

Кеннеди заявил о готовности нанести удар по объектам на Кубе и начать вторжение войск на ее территорию.

В конце октября между Хрущевым и Кеннеди было достигнуто последнее соглашение, согласно которому США снимали морскую и воздушную блокаду Кубы и отказывались от вторжения на остров. Кеннеди заверил Хрущева, что в будущем США уберет свои ракеты из Турции. СССР обязался немедленно прекратить работы по установке ракет на Кубе и убрать все имеющиеся ракеты с ее территории, а также убрать с острова под наблюдением ООН все наступательное вооружение. Взаимное соглашение было достигнуто буквально за сутки до срока, определенного США для начала военной операции на Кубе. Мир был спасен. В послевоенный период он никогда еще не подходил так близко к пропасти новой мировой войны.

Я остановился на этих событиях потому, что они оказывали непосредственное влияние на дальнейшие наши действия. Поставленные перед нами задачи мы выполнили и должны были возвращаться в свой округ. А как быть с солдатами, отслужившими свой срок и которым было обещано увольнение? Для решения этих вопросов подполковник Макаркин выехал в штаб Забайкальского военного округа в Читу. Об этом отъезде и цели командировки знали все солдаты и сержанты, которые более всего опасались, что в связи с событиями вокруг Кубы их увольнение будет задержано на неопределенный срок.

Поздним вечером командир возвратился из Читы. Все ожидали его с нетерпением и с радостью узнали, что увольнение в запас не отменяется. Впоследствии Виктор Степанович рассказал, что ему пришлось побывать во многих кабинетах, но никто не решался принять решение, опасаясь за последствия. Ведь приказ Министра обороны о задержке увольнения офици-

ально еще не был отменен. Командующий войсками Забайкальского военного округа принял решение – уволить.

Началось оформление документов на солдат и сержантов, подлежащих увольнению. Одновременно готовились и сдавались отчеты о проделанной работе, об израсходованных денежных и материальных средствах, сдавалось на склады оставшееся имущество. На все это ушло чуть больше недели. Затем на той же станции Оловянная погрузили свою автотранспортную технику в вагоны и через несколько дней прибыли в Хабаровск.

С прибытием в Хабаровск моя забайкальская командировка закончилась. На следующий день меня вызвал на беседу член военного совета – начальник политотдела армии ПВО генерал Кислицин. Беседа продолжилась в кабинете командующего 11-й Отдельной армией ПВО генерала Бессеребренникова. Речь шла о моем назначении на должность начальника политотдела – заместителя командира полка ПВО по политической части. Предложение было заманчиво: через три года я буду переведен на службу в один из центральных округов, поскольку предлагаемый мне полк находился на Чукотке, то есть в отдаленном районе. Я согласился, но попросил сначала дать мне возможность посоветоваться с женой, живущей в Комсомольске-на-Амуре. Командующий сказал, что это легко устроить. Он куда-то позвонил и велел мне прийти в его приемную на следующий день к 12 часам.

В назначенное время офицер, работавший в приемной, позвонил и передал мне трубку: «Говорите со своей женой». Я услышал Любин голос, с тревогой спрашивавшей, что случилось? Я успокоил ее, сказав, что со мной все в порядке, и спросил, как она относится к возможности переехать для дальнейшей службы на Крайний Север – Чукотский полуостров. Люба ответила, что решать мне, а она готова ехать со мной, куда пошлют.

Другого ответа я и не ожидал. О результате разговора я доложил генералу Кислицину, который приказал мне возвратиться в свой полк и там дожидаться приказа Начальника Главного Политуправления СА и ВМФ о новом назначении.

Болеем корью...

Телефонный звонок из Хабаровска наделал переполоху в полку: не каждый день командующий звонит командиру полка, да еще с необычным приказом – пригласить к телефону жену офицера. А жена подумала, что с мужем приключилась какая-то беда. На следующий день все прояснилось, а через день я уже был дома.

В ожидании приказа я приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Приближался новый, 1963-й год. Вскоре пришла телеграмма о моем новом назначении. В это время случилась неприятность: мои сыновья один за другим заболели корью. И хотя болезнь протекала в легкой форме, и

госпитализация не понадобилась, с отъездом пришлось задержаться на две недели.

И вот настало время отъезда. Предстояло ехать поездом до Хабаровска, далее самолетом через Петропавловск-Камчатский на Анадырь. Заказали контейнер для домашнего имущества. Его мы отправили в Старобельск моим родителям. Телевизор «Знамя 56» был продан, чтобы иметь деньги на дорожные расходы. В багаж с собой взяли стиральную машину, завернув ее в ковер, и тюк с постельными принадлежностями. Приобрели билеты. попрощались со своими друзьями, соседями и сослуживцами. Нас отвезли на вокзал и помогли погрузиться. Поезд тронулся и через несколько метров остановился – сработал стоп-кран. Не знаю, существует ли эта традиция сегодня, но в те годы все дальние поезда прежде, чем тронуться в путь, обязательно останавливались таким образом. Правда соблюдался такой ритуал только на станции Комсомольска-на-Амуре.

До Хабаровска доехали без приключений, а дальше на такси приехали в аэропорт.

Приключения начались во время полета. Самолет ИЛ-18 вылетел из Хабаровска и взял курс на Камчатку, однако, спустя несколько часов, приземлился в Магадане. Нам сообщили, что Петропавловск не принимает по метеоусловиям. Ночь просидели в аэровокзале. Наутро мы узнали, что нелетная погода стоит по всему маршруту нашего перелета. К тому же взлетную полосу покрыло дымом от таежного пожара. Стало ясно, что мы застряли в Магадане надолго и надо устраиваться более основательно. Пошел к коменданту, у которого в это время было уже много желающих получить места в гостинице при аэропорте. Но свободных мест не хватало. Мы нашли приемлемый вариант. Объявили, что мы – две семьи: нас четверо и другая «семья» – капитан-пограничник с девочкой и еще одна женщина (якобы его жена) со своей дочкой. В номере было четыре кровати, на которых все мы ввосьмером и разместились. Надеялись, что пожить так придется пару дней, а оказалось – две недели. И все бы ничего, только с деньгами было туго. Проживать с семьей в гостинице, питаться в ресторане стоило немалых денег. Все средства быстро ушли, в том числе и деньги, полученные от продажи телевизора. Выручил майор Ланц – командир дивизиона полка, куда я ехал служить. Мы познакомились здесь же, в аэропорту. Он одолжил необходимую сумму, хотя и сам был небогат: возвращался из очередного отпуска.

Наконец наступил день, когда объявили посадку на наш рейс. Самолет подали другой, поменьше, так как не все пассажиры предыдущего рейса летели в Анадырь. По-моему, это был ИЛ-14.

Мы прилетели на Чукотку в январе, поэтому самолет приземлялся в полной темноте: стояла полярная ночь. Анадырь находится чуть южнее полярного круга, поэтому настоящей полярной ночи там все-таки не бывает, но световой день зимой продолжается примерно два часа. В Магадане, откуда мы вылетали, стояла умеренная морозная погода, и мы готовились к тому, что в Анадыре нас встретит трескучий мороз. Но самолет приземлился на взлетное поле, покрытое лужами – шел дождь. Буквально на наших глазах, в

течение нескольких часов, бетонное покрытие аэродрома, промерзшее за время стоявших накануне сильных морозов, превратилось в идеально ровное ледяное поле. Температура воздуха резко понизилась, подул сильный боковой ветер. Нам повезло – мы успели вовремя приземлиться. Аэропорт снова закрыли.

Нас встретили на грузовой машине и привезли в поселок Шахтерский, расположенный в нескольких километрах от аэропорта. Квартиру нам выделили на втором этаже. Она состояла из двух небольших комнат и кухни. Обогревалась квартира батареями центрального отопления, трубы которого подводились к нашему и другим таким же домам по теплотрассам. Теплотрасса – специальная конструкция, представляющая собой деревянный прямоугольный короб шириной и высотой около метра, внутри которого находились трубы в минеральной вате (утеплителе). По трубам подавалась горячая вода. Из-за вечной мерзлоты теплотрассы устанавливались над землей на деревянных сваях. Зимой, когда снежные заносы достигали значительной высоты, теплотрассы иногда использовались в качестве тротуаров. Водопровод же в домах отсутствовал, воду привозили в цистернах, а жители запасали ее впрок, заливая в металлические бочки, которые стояли на лестничных площадках у дверей каждой квартиры.

В нашей новой квартире стояли кровати с постельными принадлежностями, пара тумбочек, вешалка, несколько табуретов и полевой телефонный аппарат. На кухне была установлена обыкновенная печь, которую можно было использовать для приготовления пищи и дополнительного обогрева.

Мы легли отдыхать, решив отложить знакомство с новым местом жительства на следующий день.

ЧУКОТКА

Анадырь
Памятник первому
Реввоенкому Чукотки

С полковником
А.К.Выскобчуком

просов к своим заместителям. Его принцип был таков: раз обращались к нему, то и проблему решал он. При необходимости привлекал заместителей и других офицеров, напоминая им, что они обязаны были решать вопросы без его вмешательства.

Генерал Н.И.Рытов

Наступило утро первого дня нашего пребывания на Чукотке. Проснулись мы в обычное для нас время, но рассвет наступать не торопился. Мы вспомнили, что находимся у полярного круга, а в Заполярье в это время года – полярная ночь. К этому предстояло еще привыкнуть. Соседи-офицеры уже давно уехали на службу.

Вдруг зазвонил телефон. Звонил командир полка полковник Андрей Кузьмич Выскобчук. Он поздравил меня и семью с благополучным прибытием на Чукотку и спросил, когда прислать за мной машину. Я ответил, что буду готов через час, когда побреюсь и позавтракаю.

В оговоренное время я был в штабе и по установленной форме доложил командиру о прибытии на должность его заместителя. Андрей Кузьмич оказался крупным, полным мужчиной с головой, побритой наголо. Мы долго с ним беседовали по разным проблемам, и в результате этой беседы у меня осталось самое благоприятное впечатление о командире. Он был лишен всякого высокомерия. В ходе беседы к нему заходило множество людей, и ко всем обращениям и просьбам он относился с неизменным вниманием, никого не отсылал для решения вопросов к своим заместителям. Его принцип был таков: раз обращались к нему, то и проблему решал он. При необходимости привлекал заместителей и других офицеров, напоминая им, что они обязаны были решать вопросы без его вмешательства.

В этот же день состоялось знакомство и с начальником штаба полка подполковником Куделей. Остальным офицерам полка командир представил меня на специально созванном по этому случаю совещании офицеров части. Так состоялось первое знакомство с полком, где мне предстояло служить ближайшие три года. Впереди было еще знакомство с дивизионами полка, несшими боевое дежурство.

Однако поездку в дивизионы пришлось отложить. Обильный дождь, пролившийся на скованную крепкими морозами бетонную взлетно-посадочную полосу аэро-

дрома, привел к образованию на ней толстого слоя ледяной брони. Аэропорт снова был закрыт, так как ни взлет, ни посадка были невозможны. Такая погода для этого времени здесь была редчайшим случаем. Привести аэродром в порядок можно было только вручную. И начальник гарнизона генерал Николай Иванович Рытов приказал привлечь к этой работе весь личный состав частей гарнизона, лично возглавив эту работу. Через три дня аэродром был очищен и принял первый самолет.

Вскоре наша семья полностью обустроилась на новом месте. Из аэропорта привезли багаж, получили имевшуюся в наличии в КЭЧ (КЭЧ – коммунально-эксплуатационная часть) мебель и перешедшую от прежних хозяев металлическую бочку для запаса воды. Решили также «продовольственную проблему»: я получил положенный мне северный продовольственный паек, доупили продукты в магазине. Вода развозилась по домам автоцистерной раз в неделю, и мы пополняли ее запас по мере необходимости. Старший сын пошел в местную школу – он уже ходил в третий класс.

Дорога в дивизион. Отлив

Дорогой местность, покрытую мхом, травой, стелящимися карликовыми кустарниками. Так что проехать к дивизионам можно было только на гусеничном транспорте – среднем или тяжелом тягаче (ГТС или ГТТ). Лишь к одному дивизиону можно было проехать на «Газике» – и то, только летом в период океанского отлива, потому что ехать нужно было вдоль линии воды под крутым берегом, а в прилив эта «дорога» была затоплена. Отливы бывают четыре раза в сутки. За отпущенное время нужно было проехать затапливаемый участок. А однажды случилось так, что двигатель машины заглох, и людям пришлось ее покинуть. Завалив машину камнями, чтобы ее не смыло приливной волной, офицеры вскарабкались на крутой скалистый берег и ждали, пока наступит отлив и подоспелет помощь.

Дивизионы жили своей относительно независимой хозяйственной жизнью. В период летней навигации туда завозили уголь, горючее, овощи и другое продовольствие. В дивизионах были свои источники электроэнергии, пекарни, выпекавшие вкусный хлеб, котельные и бани. Проживая на берегу залива, военнослужащие в период нереста, вдали от рыбнадзора, заготавливали кету и горбушу, научились ее солить и коптить. Рыба была существенной добавкой к солдатскому столу. Дивизионы сами обеспечивались питье-

Наступило время знакомства с зенитно-ракетными дивизионами, входившими в состав полка. Дивизионы располагались вокруг Анадыря на расстоянии в несколько десятков километров друг от друга. Между дивизионами простиралась тундра – неровная местность, покрытая снегом и начисто лишённая какой-либо видимой растительности. Летом тундра представляла со-

вой водой: солдаты распиливали плотный снег пилами, заполняли этим снегом бочки и получали чистую питьевую воду.

Но главная задача нашего зенитно-ракетного полка состояла в том, чтобы во взаимодействии с истребительной авиацией ПВО обеспечить надежную защиту одного из участков северо-восточной границы страны от внезапного нападения противника.

В те годы обстановка в мире была беспокойной. Недавно был преодолён Карибский кризис, поставивший мир на грань новой мировой войны. Военно-воздушные базы армии США располагались в непосредственной близости от северо-восточных границ СССР на Аляске и острове Святого Лаврентия. С берега бухты Провидения можно было наблюдать за взлетом и посадкой американских самолетов. Самолеты-разведчики США регулярно совершали полеты вдоль нашей границы от Чукотки до северного Сахалина. Как только самолет приближался к нашим территориальным водам, дежурные средства приводились в состояние боевой готовности, а если позволяла погода, в воздух поднималась дежурная пара истребителей.

Иногда самолеты-разведчики шли на явную провокацию. Самолет резко менял курс и начинал приближаться к государственной границе, порой вторгаясь в наше воздушное пространство. Командир был вынужден давать команду на включение СНР (станции наведения ракет). Самолет тут же покидал опасную для него зону и уходил в нейтральные воды, продолжая полет по обычному курсу. Американцы таким способом проверяли нашу бдительность и боевую готовность. После описанного маневра самолет-разведчик уходил на юг, к Сахалину. Тогда можно было расслабиться. Но ненадолго. Через несколько часов самолет обратным курсом возвращался на свою базу, и все могло повториться сначала.

Кроме круглосуточного дежурства сокращенных расчетов, важное место в жизни дивизионов занимала боевая и политическая подготовка. На вооружении стояла сложнейшая техника, работа с которой требовала постоянного совершенствования, регулярного проведения регламентных работ, тренировок на слаженность в боевой работе.

Боевую подготовку и боевое дежурство приходилось совмещать с многочисленными хозяйственными работами, которые московским чиновникам, утвер-

Тундра. Снежный покров

ждавшим штатное расписание для таких подразделений, и в голову не приходили. Я уже упоминал, что в дивизионах были свои автономные котельные, работавшие круглый год, прачечные, пекарни, продовольственные склады, бани. И все это хозяйство держалось на солдатских плечах. Солдаты работали там в свободное от боевых дежурств время.

Много времени уходило на уборку снега, особенно после пурги, иной раз заносившей казармы под самые крыши. При этом снег настолько плотно

утрамбовывался ветром и смерзлся, что по нему, не проваливаясь, могли ездить автомашины.

О таком явлении, как чукотская пурга, следует рассказать отдельно. О ее приближении передавалось пурговое предупреждение. С этого времени личному составу запрещалось покидать казармы и выезжать на вездеходе в тундру без крайней необходимости. Ветер резко усиливался, достигая ураганной силы. Скорость ветра достигала 40 метров в секунду и более. Начался снегопад, одновременно ветер поднимал массы снега с лежащих на земле сугробов, заноса сооружения и дороги. Ветер дул с переменных направлений – пурга «кружилась», сбивая дыхание, снижая видимость порой до полутора метров. Люди в такой обстановке теряли ориентацию. Ураган сбивал с ног, не хватало сил бороться с ветром, и человек шел туда, куда его заставляла идти стихия. В полку был случай, когда солдат, отдежуривав в бане, пропал на пути в казарму. Его нашли весной на льду залива среди торосов, где он, по-видимому, присел отдохнуть и уснул. Навечно.

Чукотский народный транспорт

Однажды на один из дивизионов в пургу забрели два чукчи, разыскивавшие отбившихся от стада оленей. Поскольку район считался приграничным, об этом случае доложили в штаб и через местные органы проверили личности этих оленеводов. Пурга тем временем усиливалась, поэтому гостей поселили в бане, где им давали пищу и чай. Чай они пили непрерывно и в больших количествах. Когда же несколько пурга утихла, они ушли, поблагодарив хозяев за гостеприимство.

Кстати, любой путник, попавший в беду, найдет приют в чукотской семье и ему будет предложено лучшее место в яранге. Таков закон тундры.

Национальным бедствием для чукчей является хронический алкоголизм, «завезенный» многие годы тому назад американскими купцами. За «огненную воду» и табак скупались пушнина и другие богатства этого края.

Чукчи в таких ситуациях отрывали в снегу нору и пережидали непогоду под снегом. Офицеры соседнего мотострелкового полка, в котором служили и местные жители, рассказывали, что их без проблем можно было посылать в любую непогоду в тундру для поисков заблудившихся и выполнения других задач. Кроме умения выживать в местных условиях, они отличались исключительной честностью и добросовестностью.

Аборигены Чукотки
(на левом снимке – женщина)

После пурги

офицеров) или ватной куртки с капюшоном – так называемого тундровика – для солдат. На ногах – валенки или унты, на руках – меховые перчатки. Были также шапки особого покроя, которые закрывали не только верхнюю часть головы и уши, но, при необходимости, лицо полностью, оставляя открытыми только глаза. Такие шапки в шутку называли шапками с двойным окладом по аналогии с двойными должностными окладами, которые получали офицеры, служившие на севере.

При низких температурах возникали проблемы с техникой: солярка густела в топливных системах двигателей, стальные детали теряли упругость, становились хрупкими. Так, при резком рывке тягача оборвалась прицепная серьга у тяжелого прицепа.

Потребовалось некоторое время и для нашей акклиматизации. В первые недели не проходило чувство озноба: дома температура воздуха не поднималась выше 16-17 градусов. В комнатах на внутренней стороне окон намерз довольно толстый слой льда. Это считалось нормальным. Дополнительно решались вопросы, связанные с питанием. Картофель получили со

У афиши гарнизонного дома офицеров

После пурги обычно наступало резкое похолодание, сопровождавшееся сильными ветрами. В обычной для европейцев зимней одежде долго не выдержишь – она продувается насквозь ледяным ветром. Поэтому наша северная зимняя одежда состояла из ватных брюк, сшитых из плотной ткани, и мехового полушубка и брезентового плаща (для

склада. Покупали ящики с яблоками, доставляемые из Китая. Каждое яблоко было завернуто в бумагу, а внутренность ящика заполнена рисовой шелухой для лучшей сохранности фруктов. Овощи и фрукты в ящиках хранились на лестничной клетке, рядом с бочкой для воды. Раз в неделю мы ездили в баню. Она располагалась недалеко, километрах в трех от дома, но ездить туда всей семьей приходилось на вездеходе, поскольку погода нас не баловала – стояли сильные морозы. После бани надо было беречь

детей и самих себя от простуды.

Кроме службы, у людей было время досуга, выходные и праздничные дни. В полку организовался свой нештатный духовой оркестр, руководителем которого был старшина сверхсрочной службы. Оркестр комплектовался за счет подразделений обслуживания, музыкантов подобрали также из прибывшего пополнения. В оркестр принимались даже те, кто не умел, но хотел играть на духовом инструменте. Старшина обучил их этому ремеслу. В

короткое время ему удалось научить свой оркестр исполнять простейшие, а затем и более сложные мелодии и марши. Дирижер оркестра руководил также и самодеятельным хором, работа которого оживилась с призывом на военную службу девушек. Почти все они были из Магадана. Одна из прибывших на службу раньше пела в магаданском ресторане – и стала солисткой нашего хора. К сожалению, через два года почти все музыканты духового оркестра уволились в запас, а среди прибывших молодых солдат музыкантов не оказалось. Инструменты пришлось сдать на склад.

Центром культуры и отдыха жителей гарнизона был местный клуб – Дом офицеров. Руководство клуба имело более широкие возможности в поиске талантов: к работе в клубе привлекались люди из всех частей гарнизона. В штате клуба были профессиональные работники, организовывавшие детские праздники, вечера отдыха для офицеров и их семей, новогодние праздники, работали разнообразные кружки по интересам, в том числе спортивные и музыкальные для детей. В клубе шли показы фильмов. Старший сын тоже посещал кружки при клубе – спортивный и игры на баяне.

Домашний концерт

Профессиональные артисты на Чукотку приезжали очень редко. В памяти остался концерт сестер Федоровых, участниц фильма «Карнавальная ночь». Там они исполнили песню «Ах, Таня, Таня, Танечка...».

В зимнее время все мужчины увлекались подледным ловом корюшки. Эта рыбка имеет запах, очень похожий на запах свежих огурцов (впрочем, чукчи утверждали, что это огурцы пахнут как их свежая корюшка). Ловля

корюшки не требовала никакой наживки. Из латунной пряжки солдатского ремня изготавливалась блесна, которая отполировывалась до зеркального блеска. Эта блесна привязывалась к леске с коротким удилицем – и снасть готова. Главная трудность заключалась в том, что нужно было быстро сделать

Слава на рыбалке

лунку в почти полтораметровой толще льда. На глубине примерно в полметра лед становился рыхлым, но трудиться приходилось все равно немало. Тем более что эту работу по сверлению лунок нужно было выполнять в течение дня многократно. Дело в том, что корюшка перемещается большими стаями, поэтому рыбаки внимательно следили за соседями, и если начинался клев неподалеку, то все, кто был рядом, собирались вокруг счастливого рыбного места, делая новые лунки. За день таким образом можно было наловить несколько десятков корюшек общим весом 3-5 килограммов. Эта рыбка очень вкусная в жареном и вяленом виде. На Чукотке пива не было, поэтому вяленую корюшку всегда

брали с собой в отпуск, уезжая на материк.

Когда наступало полярное лето, Анадырский лиман и местные реки, освободившиеся ото льда, заполнялись массой кеты и горбуши, шедшей на нерест. Этим всегда пользовались местные хищники – нерпы, песцы, морские птицы, но наибольший ущерб рыбьему поголовью наносили люди. В отдаленных местах браконьеры ловили горбушу сетями исключительно ради икры. Ценнейшую красную рыбу просто выбрасывали за борт. Весь берег Анадырского лимана летом был буквально завален тоннами гниющей красной рыбы. Очень малая часть этой рыбы засаливалась и коптилась кустарными способами. Так же, как и корюшка, красная рыба и икра вывозились на материк в качестве подарков и экзотических северных угощений для друзей и близких.

Охота на птицу в начале лета не велась: все пернатые были заняты выводением птенцов и, кроме того, мясо птицы в это время сильно пахло рыбой, которой они питались на берегах залива. Суп, сваренный из такой птицы, напоминал уху. Последний фактор служил наилучшим условием безопасности для водоплавающих – браконьеры птицей не интересовались.

Понемногу мы освоились с особенностями быта, а я, кроме того, и со своими служебными обязанностями. Они отличались неизмеримо большей ответственностью по сравнению с работой замполита полка.

Политотдел нашего полка был наделен правами райкома партии. Это, прежде всего, право приема в партию. При политотделе была создана партийная комиссия. Здесь хранились учетные карточки, принимали на учет прибывших членов КПСС и высылали по запросам партийных органов учетные карточки убывших на новое место службы. Политотдел выдавал партийные документы вновь принятым членам и кандидатам КПСС за подписью начальника политотдела. В КПСС осуществлялся строгий учет. На каждого

Политотдел полка
1-й ряд: начальник, майор Барвинов,
инструктор А.Куц;
2-й ряд: ст.лейтенант Дубошей,
майор Ковалев

члена партии оформлялись три документа под одним номером: членский билет (вручался каждому), учетная карточка (хранилась в горкоме по месту работы) и отчетная карточка (высылалась в ЦК КПСС). Все эти документы заполнялись специальными чернилами и пересылались фельдсвязью. Никакие исправления и подчистки не допускались. В случае их появления весь комплект погашался с составлением акта, а документы пересылались в вышестоящую организацию. Персональную ответственность за все это нес секретарь райкома.

Наш политотдел состоял

из пяти человек: начальник, заместитель начальника (майор Барвинов), пропагандист (майор Ковалев), инструктор по комсомольской работе (старший лейтенант Дубошей) и инструктор по учету кадров (жена военнослужащего Анна Куц). Начальнику политотдела был подчинен и полковой клуб (начальник – капитан Сапегин).

«Инструктаж» перед уходом на работу

появилась возможность, она перешла на другую работу – в промтоварный магазин Чукотторга, который располагался рядом с нашим домом. Уходя на работу, она подробно инструктировала детей, а, приходя на обед, кормила их и проверяла, все ли в порядке. Иногда Слава задерживался в школе. В этом случае Николаю показывали, куда придет стрелка часов, когда кто-то из нас придет домой. И если к этому времени никто не приходил, он начинал крутить ручку полевого телефона и спрашивать у дежурной телефонистки, где папа. Если меня не оказывалось на месте, он в знак протеста начинал колотить кочергой по входной двери.

Установились более дружественные связи с сослуживцами и соседями. Ходили друг к другу в гости, совместно отмечали праздники и семейные даты. Своеобразной традицией стали встречи офицеров, возвращавшихся из очередных отпусков, как говорили тогда, «с материка». Друзья ехали в аэропорт, встречали прилетевших у трапа самолета и везли домой, где женщины накрывали на стол. Все знали, что отпускники привозят с собой фрукты и сезонные овощи, настоящую водку, а также что-нибудь такое, чего на севере не было. В Анадыре был местный водочный завод, где делали водку, разводя водой спирт. Выпускалась еще «Перцовка», которая получалась из первого продукта добавлением стручка сушеного перца.

За время службы в полку были и чрезвычайные происшествия. В одном случае солдат, работавший в котельной, начал грузить в сани уголь, отбивая его куски от смерзшейся огромной кучи, лежавшей во дворе. Чтобы облегчить себе работу, он воспользовался нишей, которая образовалась на месте выбранного раньше угля. В результате на солдата обрушился верхний пласт антрацита и сломал ему ногу. И пока санинструктор вез пострадавшего по тундре на гусеничном тягаче в госпиталь, расположенный в двадцати километрах, солдат скончался от болевого шока. Одним несчастьем не обошлось. Как говорят, «Пришла беда, отворай ворота» ...О несчастном случае

сообщили матери погибшего, жившей на Сахалине. Пока она добиралась до Анадыря, в течение двух дней в вечной мерзлоте тундры готовилась яма для похорон. Однако по приезде мать потребовала, чтобы тело сына отправили для погребения на родину. Уже перед самым отлетом она спросила, закопана ли яма, приготовленная для ее сына. Узнав, что яма осталась, сказала, что у нас скоро будет еще один покойник. Материнские слова оказались пророческими. Из технического дивизиона пропал солдат. Как позже выяснилось, он пошел в поселок за спиртным. Вскоре после ухода стемнело, началась пурга. Через несколько дней поисков пропавшего нашли охотники. При нем была бутылка водки, а из-за пурги шел он в противоположном от дивизиона направлении. Его похоронили в могиле, отрытой ранее для другого.

С пургой шутки плохи. Из-за заносов и плохой видимости останавливался транспорт. Если пурга затягивалась на несколько дней, у жителей кончался запас воды, ее приходилось экономить. В связи с этим вспоминается забавный случай. Командиру нашего полка полковнику Выскобчуку позвонил командир дивизии генерал Рытов и попросил прислать водовозку, поскольку несколько дней продолжалась пурга, и вода закончилась. Андрей Кузьмич вызвал солдата – «водовоза» и приказал ему подвезти вводу к дому Рытова. Солдат был молодой и не знал точного адреса. Но в поселке была всего одна улица, поэтому он двинулся в путь, заявив, что разыщет дом генерала. Долгожданная весть о приезде водовозки стала тотчас известна всем жителям этого дома. Один из этих жителей, полковник, вышел на дорогу, чтобы встретить автоцистерну, и остановил ее. Из дома выбежали жители с ведрами и стали носить воду. Вышел и генерал. Одет он был в меховой комбинезон и шапку-ушанку. Генерал неспешно носил воду к себе на второй этаж. Когда все набрали воды, а генерал продолжал ее носить, солдат вышел из кабины и обратился к Рытову:

- Ты, старик, кончай крутить усы, - генерал носил чапаевские усы, - и скорее таскай воду. Мне ее надо еще Рытову везти. А здесь я бы и не остановился, если бы не приказал товарищ полковник.

- А ты знаешь, где живет Рытов?

- Не знаю, но я его найду.

Когда генерал ушел, солдат узнал, что «стариком» был сам генерал Рытов. Позже генерал позвонил командиру полка и спросил, какой чудак привозил ему воду. Андрей Кузьмич объяснил, что солдат совсем молодой, с водой ездил всего второй раз. А подробности этой истории рассказал сам водитель.

В конце второго года моей северной службы полковник Выскобчук ушел из полка на повышение. Мы ждали нового командира, и вскоре он прибыл. Им оказался подполковник Макаркин. Тот самый Виктор Степанович Макаркин, с которым мы служили сначала в Комсомольске-на-Амуре, а потом почти год – в забайкальских степях. Это назначение меня обрадовало. Думаю, что и Макаркин был доволен: мы друг друга хорошо знали, и привыкать не пришлось. Служба продолжалась в прежнем режиме.

**Полковник Макаркин.
Ознакомительная поездка
по дивизионам**

Ежегодно, иногда дважды в год мы летали в Хабаровск для участия в подведении годовых итогов боевой подготовки, на учебные сборы, партийные конференции. Останавливались мы в гостинице, изредка ходили в театры и на концерты, когда выступали известные артисты. Одним из них был Муслим Магомаев. Он дал концерт в Хабаровске на пути из Сахалина в Москву. Было ему тогда двадцать четыре года. Как его принимали молодые девушки и взрослые женщины, трудно

описать. Каждый номер его выступления сопровождался бурным ликованием, визгом и аплодисментами. Вся сцена была усыпана цветами. В те годы он был кумиром молодежи, особенно женской ее части.

В командировках были и курьезные случаи. При проведении очередных учебных сборов в гостиницах города не оказалось достаточно мест для проживания командированных офицеров, сборы было решено провести на база санатория «Океанский». Ехать к новому месту нужно было поездом. Мы тронулись в путь после обеда, а прибытие на место планировалось утром следующего дня.

Мы с Макаркиным ехали в одном купе. Утром проснулись оттого, что поезд остановился. Мы решили, что проспали, быстро собрали вещи и выскочили из вагона. Поезд тронулся и поехал дальше, а мы опомнились, увидев, что находимся на совершенно пустом перроне таежного полустанка. Нас окружали сопки, покрытые заснеженной уссурийской тайгой – и ни одного жилища. Следующий поезд шел через сутки.... Недалеко от нас стоял автофургон, работали люди. Оказалось, это была бригада электромонтеров. Нам удалось уговорить бригадира довезти нас до санатория, расплатившись за это бутылкой спирта, банкой икры и копченой кетой. Когда мы приехали на место, все были в столовой – наступило обеденное время. Наше появление было встречено общим смехом. Все интересовались, как мы так быстро добрались до места. Мы отшутились, сказав, что из Анадыря нам в помощь прислали собачью упряжку.

Неумолимо летело время. И вот подошел последний год моей северной службы. Мне этот год запомнился двумя знаменательными событиями. Я был избран делегатом 17-й Чукотской окружной партийной конференции от Анадырской районной парторганизации. И в этом же году Дальневосточная армия ПВО инспектировалась комиссией Министерства обороны. Возглавлял комиссию Главный Инспектор маршал Советского Союза Москаленко.

Участвуя в конференции, я надеялся ближе познакомиться с местными жителями, которые в нашем поселке не проживали. Мои надежды не оправдались – чукчей среди делегатов почти не было. Причиной такого положения было то, что для чукчей наивысшей должностью была должность

бригадира оленеводческой бригады. Мы знали всего одного руководителя – представительницу местного населения – чукчанку по фамилии Нутытегрынэ. Она возглавляла окружной Совет и была членом Президиума Верховного Совета РСФСР. В свое время Анна Нутытегрынэ закончила Ленинградский институт народов Севера. Главное внимание в докладе и выступлениях на партконференции было уделено тому, что с переходом чукчей от кочевого к оседлому образу жизни молодежь не идет на работу в тундру, молодые люди не хотят жить в ярангах и кочевать вместе со стадами оленей.

Чукотка богата полезными ископаемыми, но в 60-е годы их почти не разрабатывали, за исключением угля, который шел на местные нужды. Прошло 40 лет, из которых последние 10 были, пожалуй, самыми тяжелыми для жителей полуострова. В последние годы Чукотка изменилась. Сейчас строятся современные дома, школы, больница с современным оборудованием. Вместо деревянного барака построен современный аэропорт. Значительная заслуга в положительных переменах принадлежит губернатору Абрамовичу, который финансирует строительство многих объектов из личных средств. Имея многомиллиардное состояние, он может себе это позволить. Почему же родная советская власть за многие годы сделала так мало? Да и нынешняя власть не очень озабочена положением северных жителей. Не даром чукчи обожают своего губернатора, а Президент не дает своего согласия на его отставку. В 2007 году пройдут выборы в Государственную Думу. Вряд ли кто-нибудь из участников этих выборов приедет с агитацией на Чукотку с 170-тысячным населением, разбросанным на площади 137 тысяч квадратных километров.

Наступила весна 1966 года. Началась навигация. Часть кораблей пришла заранее. Они стояли в ожидании, когда река Анадырь освободится ото льда. Местный причал был невелик, поэтому многие корабли разгружались на рейде, переправляя грузы на берег самоходными баржами. Разгрузка шла круглосуточно в авральном темпе, благо стоял полярный день.

На Чукотку завозилось буквально все: продовольствие, промтовары, военное имущество, горючее для авиации и транспорта, овощи и фрукты, товары для магазинов Чукотторга. Иногда в спешке груз роняли в воду. Часть вылавливали, что-то уплывало или тонуло, потом пропавшие вещи списывались. Однажды к нам на дивизион, стоявший на берегу, прибоем принесло бочку со спиртом. Мы сообщили об этом в порт, находившийся на другом берегу лимана. Но за пропажей никто не приехал. Бочонок был отправлен на наш склад, оприходован, и его содержимое использовалось в дальнейшем для технических и иных нужд.

С пароходами прибывало пополнение, и убывали солдаты, отслужившие свой срок. Мы радовались, когда к нам приезжали сибиряки и дальневосточники, и огорчались, если прибывали южане, не привыкшие к холоду, или изнеженные, избалованные москвичи.

Вскоре началась инспекторская проверка Министерства обороны. Маршал Москаленко прилетел на самолете, его мы встречали на аэродроме.

Через несколько часов он улетел, осмотрев по пути американскую военную базу на острове Святого Лаврентия.

***Прибытие маршала
Москаленко***

У нас в полку остался полковник Генерального штаба, который проводил всестороннюю проверку полка в течение недели. Результатами он остался доволен, пообещав полку хорошую оценку. Мы его проводили и расстались хорошими друзьями. После окончания проверки мы начали проводить регламентные работы на боевой технике. И во время этих работ произошел самопроизвольный старт зенитной ракеты С-75. К счастью, ракета находилась почти в горизонтальном положении, а пусковая установка сориентирована в сторону моря. По счастливой случайности также, возле пусковой установки никого не оказалось. Ракета почти сразу после старта упала в море. Боевая часть ее не взорвалась – сработало предохранительное устройство. Извлекать ракету из воды не стали: во-первых, она лежала на значительной глубине (105 метров), во-вторых, занятие это могло быть очень опасным. Так и лежит она там до сих пор, на дне морском.

***В аэропорту Анадыря
Перед отлетом
на материк***

Для расследования этого случая из Москвы прилетела специальная комиссия. Никаких нарушений со стороны личного состава установлено не было. Комиссия пришла к выводу, что все происшедшее объясняется сбоями в работе техники, тем более что ракета утонула, а вместе с ней утонули и все другие причины.

Приближалось время моей замены с Крайнего севера в один из центральных военных округов страны. С наступлением летних каникул мы решили, что жена и дети уедут в Молдавию к Любиным родителям в город Дубоссары. Сам же я оставался в Анадыре, дожидаясь своего сменщика. Вскоре поступило сообщение, что меня должен будет сменить офицер из подмосковного Егорьевска. Но что-то не сложилось, и поступила новая команда – ехать в Электросталь, который расположен значительно ближе к Москве. Правда, воинская часть располагалась в десяти километрах от города, детей возили в школу на автобусе. Но все равно, этот вариант замены нас устраивал больше,

чем Егорьевск. Близость к Москве облегчала поступление и учебу в столичном вузе, куда после окончания школы намерен был поступать старший сын.

После приезда нового офицера на мое место я сдал свои дела по политическому отделу.

Сборы были недолгими. Вскоре я покинул Чукотку и улетел в Молдавию, где меня ожидала Люба с сыновьями. Все лето они жили у Любиных родителей, загораючи на Днестре под южным солнцем и наслаждаясь южными фруктами, виноградом и свежими овощами, по которым соскучились, проживая на Крайнем Севере.

В первой главе я подробно рассказал о своих родителях и жизни в оккупированном Старобельске, и было бы несправедливо не рассказать о Любиных родителях, о семье, с которой многие годы была связана моя жизнь.

Нарушая последовательность своего рассказа, я должен буду вернуться к началу сороковых годов.

Любины родители – отец Николай Васильевич и мама Агриппина Павловна были глубоко порядочными людьми и неутомимыми тружениками. На их долю выпала тяжелая жизнь: война, оккупация румынскими, а затем немецкими захватчиками, эвакуация на несколько десятков километров от линии фронта, проходившей по Днестру, голод и послевоенная разруха.

Отец в период финской кампании был призван в армию и прошел в звании рядового всю войну.

Мама осталась одна с четырьмя малолетними детьми на руках. Единственным средством существования был огород да кормилица – корова, которую с большим трудом удалось спасти от угона во время отступления немецких войск. Помощи было ждать не от кого, а более зажиточные родственники заняли позицию посторонних наблюдателей, полагая, что «раз Николай наплодил детей, то пусть сам с ними и разбирается». Эту обиду Николай Васильевич не мог простить брату Федору всю жизнь.

Но вот война закончилась. Вернувшись с фронта, отец сразу пошел работать кузнецом. Но прокормить семью из шести человек на одну зарплату было невозможно, и отец стал работать по вечерам и выходным дням на дому. Дети, чем могли, помогали родителям. Но легально продать изготовленные собственными руками изделия отец не мог: такие заработки считались «нетрудовыми доходами» и строго преследовались финансовыми органами. Основными заказчиками и покупателями были цыгане, приезжавшие с наступлением темноты. Для них Николай Васильевич ковал подковы, ободья для колес телег и металлические части конской сбруи.

Жизнь постепенно налаживалась. Старшая дочь – Елена Николаевна – поступила в Кишиневский педагогический институт, мальчики – Борис и Николай – ходили в школу. Люба, закончив 9 классов, пошла работать в сельпо. Десятилетку она закончила в вечерней школе, будучи уже замужем.

Время летело незаметно. Окончила институт и вышла замуж старшая сестра Елена. Через несколько лет семья Николая Васильевича пополнилась четырьмя внуками, а через несколько лет и внучкой. Отец не хотел, чтобы его называли дедом до тех пор, пока так его не назовет кто-нибудь из внуков.

И только тогда, когда Слава назвал его дедушкой, он принял это почетное звание.

Большую часть лета дети проводили в Дубоссарах. Бабушка их очень любила, и внуки ее любовно называли «бабушка Графиня». Только став самостоятельными людьми, мы смогли в полной мере оценить, каких трудов стоило ей вести домашнее хозяйство. Вставала она до рассвета – в четыре часа утра. К тому времени, когда мы только просыпались, она успевала накормить живность – поросенка, кроликов, кур, сходить на рынок, приготовить завтрак, поработать на огороде, после завтрака вручную занималась стиркой

Бабушка Графиня со своими внуками

жесть всех забот лежала на маминых плечах.

Через несколько лет отец серьезно заболел и не смог больше заниматься кузнечным ремеслом. Но сидеть без работы он не привык. В огороде был фруктовый сад, но местные власти установили налог на каждое фруктовое дерево. Сад пришлось вырубить и вместо него посадить виноград – на него налога не было. Кроме того, отец обзавелся пасекой, приобрел соответствующую литературу и занялся пчеловодством. Каждую весну он вывозил ульи в поле за десятки километров от города. Чтобы ездить туда, нужен был транспорт. Отец приобрел мотоцикл с коляской. И хотя никаких документов на право вождения мотоцикла у него не было, он свободно разъезжал по городу. Милиция никогда его не задерживала: Николая Васильевича все хорошо знали, он был уважаемым в городе человеком.

Осенью наступал сезон виноделия.

вещей своего многочисленного семейства, прибирала в доме, наводила порядок во дворе, готовила обед и при этом приглядывала за своими непослушными внуками. Дети не слышали от нее ни одного грубого слова или хотя бы упрека. Взрослые дети тоже не сидели без дела, но все же основная тя-

Дедушка Николай на пасеке

Люба с родителями Николаем Васильевичем и Агриппиной Павловной. Дубоссары, 1966 год

Вино у Николая Васильевича было отменного качества. Об этом знали не только соседи и знакомые, но и покупатели из Украины, граница с которой проходила в нескольких километрах от Дубоссар. Когда же молдавские власти запретили продажу вина на рынках, обязав хозяев сдавать за бесценок на винзаводы выращенный ими виноград, украинские «коммерсанты» стали закупать у отца вино оптом. Благо на Украине подобных законов не было. «Освятив» купленное вино колодезной водой у себя дома, продавали его, получая немалые барыши. Ни о каком качестве такого вина не могло быть и речи.

Но вернемся к моей дальнейшей службе.

Отпуск мой подходил к концу. Приближался новый учебный год в школах. Коля должен был пойти в первый класс. Надо было определять детей в школу, приобрести для этого все необходимое. Переезжая на новое место жительства, мы надеялись, что нас ждет квартира, по крайней мере, не хуже той, которую мы оставили в Анадыре (все же столичный округ!).

Но мы жестоко ошиблись... На новом месте нас никто не ждал. Некоторые подробности о том, как сложилась моя служба в Московском округе Противовоздушной обороны, я расскажу в следующей главе.

МОСКОВСКИЙ ОКРУГ ПВО

В конце августа 1966 года мы приехали в полк Московского округа ПВО, располагавшийся в лесном массиве в нескольких километрах от города Электростали.

За годы многочисленных переездов по разным гарнизонам я пришел к выводу о том, что именно первые дни проживания и службы на новом месте позволяют представить себе, как сложится дальнейшая служба в новых условиях, в новом коллективе.

Особенность офицерского коллектива здесь состояла в том, что многие из офицеров, не покидая Подмосковья, выслужились от лейтенанта до майора, подполковника и даже полковника, они не мыслили себе другой службы – на периферии, в глуши, вдали от столицы. Это порождало угодничество перед теми, от кого зависела их служебная карьера, зависть к успехам своих коллег, отрицательное отношение к «чужакам» - возможным конкурентам, претендентам на какую-либо должность.

Первой неприятной для нас неожиданностью было то, что квартира моего предшественника была отдана другому офицеру, а нам предложили временно пожить в финском домике и подождать другую квартиру, которая вскоре должна была освободиться. Когда же она освободилась, то оказалось, что ей требовался серьезный ремонт. Разумеется, командование об этом не могло не знать. Начинать службу на новом месте с выяснения причин случившегося мне не хотелось. По-видимому, предполагалось, что я должен быть безмерно счастлив уже тем, что попал служить в Подмосковье. Дело прошлое, но в те годы я мечтал служить в Киевском военном округе, поближе к месту проживания моих и Любиных родителей.

Приехали мы, когда уже стемнело, и сразу устроились на ночлег на приготовленных для нас солдатских кроватях.

Поутру улица была безлюдной. Для нас это было непривычно. В дальних гарнизонах прибывших обычно радушно встречали, приходили знакомиться, предлагали свою помощь, рассказывали о своей жизни, предлагали посуду и кухонную утварь, зная, что у новичков, кроме чемоданов, ничего нет. Здесь же из соседних домов изредка кто-то выглядывал, любопытствуя, как там приезжие обживают свое финское жилище.

Я ушел в штаб представляться командиру и знакомиться со своими новыми сослуживцами, оставив дома жену и детей, предоставив им самим знакомиться со своими новыми соседями и друзьями.

Как и везде, люди были хорошими и не очень. Их поведение и поступки диктовались обстоятельствами и условиями, в которых они жили. Но порой неприязнь и зависть к «чужакам» проявлялась в скрытых формах. Приведу только один пример. За три с лишним года службы на Чукотке мы накопили немного денег. Учитывая отдаленность от города, не говоря уже о Москве, мы решили купить автомобиль – большой дефицит и редкость по тому времени. Нам повезло: мы попали в автомагазин, в который поступила партия машин «Москвич-412». К счастью, у нас на руках оказались все необ-

ходимые документы, нас записали в очередь, а через несколько недель мы получили приглашение из Ногинска для получения машины. Мы ее поставили под окнами, а через день утром обнаружили, что все четыре колеса нашей машины были проколоты. Не думаю, что это была детская шалость.

Приближалось первое сентября – начало учебного года. Слава шел в шестой класс, а Коля в первый. Положение осложнялось тем, что школа находилась в Электростали в десяти километрах от военного городка, и надо было приспособливаться к графику движения школьного автобуса. Осложняла жизнь и бытовая неустроенность – квартиру пришлось ждать несколько месяцев и основательно отремонтировать.

Ребята быстро привыкли к новым условиям, обзавелись школьными друзьями. Сложнее было мне строить отношения со своими сослуживцами, хотя должностные обязанности мало отличались от прежних и даже в чем-то были проще: работа по учету членов КПСС, приему в партию и выдаче партийных и комсомольских билетов выполнялась политотделом соединения, который возглавлял генерал-майор В.Малкин. Определенные трудности были связаны с незнанием техники, стоящей на вооружении полка в то время. По прежнему комплексу С-75 я имел квалификацию специалиста третьего класса, здесь же все было незнакомо.

Первое время для меня были непривычными частые посещения полка

Генеральская инспекция

генералами. На Севере был один генерал – Н.И.Рытов, который руководил огромной территорией, занимавшей половину Чукотки. А тут в один полк приезжают два, а то и три генерала. Позже я понял, что это объяснялось близостью центральных учреждений Министерства Обороны, где генералов было в избытке, и каждый стремился доказать свою незаменимость,

«работая в войсках», не отрываясь от столицы. На представленном снимке запечатлен один из таких генеральских наездов в полк: командир корпуса генерал-лейтенант Хомчук (второй справа), генерал-лейтенант и генерал-майор – фамилий не помню, слева – командир полка полковник Игнатъев (в кадр полностью не поместился) и крайний справа – замполит (это я). Каждого прибывшего нужно было достойно встретить, сопровождать и ублажать. К

последнему я не был приучен за всю свою службу и этим никогда не занимался.

Не забывали нас навещать и работники вышестоящих политорганов. Я стал подумывать о целесообразности дальнейшей службы в армии, ем более, что если учесть фронтовую службу и двойную выслугу на Чукотке, то я уже имел право на получение пенсии в предельном размере.

Это мое намерение укрепилось после беседы с одним крупным работником политотдела, фамилию которого не стану называть, поскольку беседа была доверительной. Он спросил у меня, как я принимаю гостей, то есть своих начальников – устраивал ли для них рыбалку (на территории части был водоем), шашлыки (разумеется, с выпивкой), посылал ли солдат собирать для них грибы, во множестве росшие на закрытой территории полка. Я ответил, что этого никогда не делал и делать не собираюсь.

- Тогда сидеть тебе в полку до окончания службы, - подвел он итог нашей беседы.

К счастью, он оказался неправ. Как показала дальнейшая служба, такие случаи бывали, но очень редко. Большинство высших начальников были глубоко порядочными людьми. Все же интриги плели недобросовестные низестоящие клерки, которые имели доступ к высоким начальникам и могли влиять на их решения, представляя своих приятелей достойными людьми, но могли и опорочить добросовестных работников, если те им чем-то не угодили.

Билет депутата городского Совета

таты городского Совета и на выборах почти единодушно избрали депутатом электростальского городского Совета народных депутатов. Это неудивительно, поскольку один депутат избирался из одного кандидата. Такая уж была в то время демократия. Ну, а мне добавилось еще работы в военно-спортивной секции Горсовета. Проработал я там недолго – около года, а затем уехал из города в связи с переводом по службе.

Вскоре после нашего приезда в полк и жена нашла себе работу. Машинистка штаба уволилась, а другую не могли найти: в городке не было, а со стороны брать не хотели, поскольку часть была режимной, для оформления потребовалось бы много времени. У Любы был такой опыт работы, и после прохождения необходимых формальностей ее приняли на должность машинистки штаба. Женщин, мечтавших получить работу рядом с жомом, было много, но далеко не все владели нужной профессией. И все же поступление на работу кого-либо, особенно из новичков, вызывало определенную рев-

Приближались выборы в местные органы Советской власти. Меня выдвинули, а точнее сказать – назначили кандидатом в депу-

ность и зависть. «Доброжелатели» тут же донесли о том, что среди женщин городка пошли слухи, что новый замполит, только приехав, сразу же «всунул» свою жену в штаб.

В начале 1968 года в нашем полку работала группа офицеров из политотдела армии. Со мной встретился и побеседовал полковник А.М.Антропов, начальник отделения пропаганды и агитации, и он решил взять меня в политотдел на должность инструктора. Его намерение встретило решительное сопротивление кадровых работников, у которых на этот счет были, по-видимому, свои планы. Накануне у меня состоялся нелicenseприятный разговор с майором Широковым – главным кадровиком политотдела корпуса, которому я высказал все, что думал о нем и его работе. Разговор этот, судя по последствиям, стал известен начальнику отдела кадров политуправления округа Шашкову (кстати, бывшему замполиту полка, в котором я служил).

- Полки сильны замполитами, а раз он хороший замполит, то там ему и место, – примерно таким был ответ Шашкова на просьбу полковника Антропова перевести меня в политотдел армии. И тогда член военного Совета армии генерал В.А. Гришанцов при мне позвонил начальнику политуправления округа генерал-полковнику Петухову, и вопрос о моем назначении был решен вопреки всем стараниям кадровых чиновников. Так я стал старшим инструктором политотдела армии по марксистско-ленинской подготовке офицеров.

Вскоре я получил квартиру, и мы переехали в военный городок Северный в 25 километрах от Москвы.

Первым моим заданием по новой работе была подготовка материала для доклада на военном совете первого заместителя начальника политотдела полковника Ф.Пономаренко о работе с письмами в частях. Вместе с тем, это была и моя первая служебная командировка в части. Не знаю, насколько качественным был подготовленный материал, но нареканий в мой адрес не было.

Большая часть рабочего времени на новой должности была связана с выездами в части. Поводом для этого были разные проверки, контроль выполнения приказов, решений вышестоящих органов, а также для выявления причин различных происшествий. Чаще всего выезжали группы офицеров, в которых, кроме работников политотдела, включались другие военные специалисты, а при необходимости и работники военной прокуратуры. В конце учебного года проводились комплексные проверки, материалы которых использовались при подведении итогов. Много времени занимала работа по написанию различных справок и материалов к докладам и выступлениям командующего и члена военного совета, справок об итогах частных проверок. Эти материалы готовились не только офицерами политотдела, но и другими службами. В мои служебные обязанности входили организация и контроль проведения в частях занятий по марксистско-ленинской подготовке офицеров. Тематика этих занятий давалась «сверху» и дополнялась директивами в случае выхода в свет новых «исторических» решений партии и Правитель-

ства. Кроме того, я должен был организовать эти занятия с руководящим составом соединений и с офицерами управления. Сам я лекции не читал. Для этого в политотделе были лекторы. Кроме того, при Окружном доме офицеров существовала нештатная группа лекторов, через которую можно было заказать лекцию по любой теме. В составе группы были специалисты высокой квалификации, преподаватели московских ВУЗов, кандидаты и доктора наук. Мне было достаточно через дом офицеров получить телефон лектора, договориться с ним. Затем, взяв машину, привезти его в нужное место в аудиторию. Лекторы охотно откликались на наши просьбы, тем более, что лекции оплачивались наличными. Как правило, оплата шла за два академических часа, сумма зависела от квалификации лектора. Лекция доктора наук стоила в два раза больше, чем его коллеги кандидата.

Бесконечные командировки, проживание в офицерских общежитиях, далеко не комфортных, питание в военторговских столовых – все это вскоре изрядно надоело, а никаких положительных перспектив ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем не предвиделось. Вскоре вышло Постановление о порядке прохождения службы офицерами Вооруженных Сил СССР, предусматривавшее предельный возраст для службы офицеров в зависимости от их воинского звания. Для подполковника предельный возраст определялся 45 годами. К этому времени мне уже исполнилось 46 лет, и меня вызвал генерал В.А. Гришанцов для беседы о дальнейшей службе. Генерал имел право продлить пребывание на службе на несколько лет, и многие офицеры по разным причинам просили его об этом. У меня же таких причин, а главное – желания – продолжать военную службу не было. И я попросил генерала уволить меня, предоставив предварительно очередной отпуск в связи с тяжелой болезнью отца, которому к тому времени исполнилось восемьдесят два года.

Отпуск был мне разрешен, и я срочно выехал в Старобельск. К сожалению, я отца в живых уже не застал. Он скончался 15 апреля 1972 года.

Похоронив отца, я возвратился в Балашиху и лег на десять дней в госпиталь, откуда был выписан с формулировкой «Годеен для службы вне строя в мирное время, ограниченно годеен первой степени в военное время».

14 августа 1972 года приказом Главкома войск ПВО я был уволен с действительной военной службы по возрасту с правом ношения военной формы. На этом моя действительная армейская служба завершилась. Прослужил я тридцать календарных лет, однако при назначении военной пенсии с учетом прохождения службы в особых условиях (война, служба на Чукотке) формальный стаж был определен в тридцать пять лет.

Заканчивая рассказ о годах своей офицерской службы, хотелось бы остановиться на роли офицерских жен, их влиянии на службу своих мужей, потому что они во многом определяют настроение офицеров, их отношение к службе.

Выходя замуж за офицера (или курсанта – будущего офицера), далеко не все жены готовы к тем трудностям, с которыми им придется встретиться в будущем: проживанием в квартирах без городских удобств, удаленность от культурных центров (а иногда и от населенных пунктов, когда в школу дети

должны ездить на автобусах за десяток с лишним километров). К этому надо добавить частые, порой длительные командировки мужей. Я уже упоминал, что некоторые жены, особенно жительницы крупных городов, опасаясь потерять квартиры, отказывались ехать в дальние гарнизоны, иногда теряя при этом своих мужей – не всем удавалось пережить длительную разлуку...

Мне в этом отношении крупно повезло. Моя жена Любаша не была избалована благами цивилизации, тем не менее, она, не задумываясь, оставила впервые полученную в центре Одессы благоустроенную квартиру и поехала со мной и малолетним сыном на Дальний Восток в тайгу под Уссурийск, а затем через Корфовку в Липовцы и Комсомольск-на-Амуре, сменив при этом пять квартир. Каждую из них приходилось основательно ремонтировать. Она без колебаний полетела уже с двумя детьми на Крайний Север, в Анадырь. Люба была заботливой мамой, хорошей хозяйкой, умевшей на новом месте быстро создать комфорт и уют. Когда же была возможность, она шла работать – продавцом, машинисткой, кассиром, успевая при этом посещать родительские собрания в школах и вести домашнее хозяйство. Все годы моей офицерской службы она была надежной подругой и верным помощником. Она была всегда рядом, разделяя со мной все трудности и радости нелегкой армейской жизни. За это я ей безмерно благодарен.

Но вот и закончилась наша кочевая жизнь с ее многочисленными переездами и командировками. Мы, наконец, перешли к оседлому образу жизни. О ней я расскажу в последней главе.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Уйдя в запас, нужно было решить вопрос о трудоустройстве. Я решил работать в школе руководителем начальной военной подготовки (военруком) и уже 1-го сентября 1972 года был принят на полставки в Балашихинскую среднюю школу-интернат №1. Моя нагрузка составляла всего четыре часа в неделю. Для приобретения знаний об особенностях работы с учащимися я прошел курс подготовки военруков при Московском институте усовершенствования учителей.

Я быстро нашел взаимопонимание как с педагогическим коллективом, так и с учениками. Наряду с проведением занятий занялся оборудованием школьного военного кабинета, получил в военкомате имевшиеся там учебные пособия и оружие. Для занятий по начальной военной подготовке в школах годами создавалась учебно-материальная база: оборудовались комнаты для хранения оружия, оснащенные охранной сигнализацией, полосы препятствий, площадки для строевых занятий, а в некоторых школах строились даже стрелковые тиры. Наша школа-интернат проводила занятия по стрельбе в тире бывшего ДОСААФ. В школе имелся давно уже не работавший радиоприемник. Я попросил своего бывшего сослуживца его отремонтировать, а заодно и восстановить внутреннюю радиотрансляционную сеть. Это позволило нам создать школьную радиогазету «Ровесники», выходящую раз в неделю. Диктором была одна из старшеклассниц. Будучи фотолюбителем, я организовал фотокружок. Выпустили несколько фотогазет, фотографии использовались для оформления школы, в классах и школьном музее. Все это делалось не сразу.

Начальная военная подготовка предусматривала не только теоретическое изучение уставов, но и практическое их выполнение: строевая подготовка – строевые приемы без оружия и с оружием, правила отдания воинской чести, движение строевым шагом. Изучались не только требования устава гарнизонной и караульной служб, на практике отрабатывались приемы заступления на пост, смены часовых и действия часового во время несения службы на посту. В таком же порядке проводились занятия по выполнению требований Устава внутренней службы.

Много времени уделялось изучению стрелкового оружия, тренировкам в его разборке и сборке, правилам прицеливания на станках и стрельбе из пневматического оружия и малокалиберных винтовок.

В конце учебного года для учащихся 9-х классов были предусмотрены полевые занятия, в ходе которых каждый ученик должен был оборудовать индивидуальный окоп для стрельбы лежа, научиться способам передвижения на поле боя. В эти же дни военкомат организовывал боевые стрельбы из автомата Калашникова.

Кроме того, в школах были оборудованы военные кабинеты, площадки для проведения занятий по строевой подготовке, имелась приличная материально-техническая база, а кое-где и стрелковые тиры.

Сегодня все это разрушено, потеряны связи школ с ранее шествовавшими над ними воинскими частями, которые в прошлом оказывали большую помощь в организации военизированных игр «Зарница». Вместо этого появился новый предмет со странным названием «Основы безопасной жизнедеятельности» (ОБЖ), что совершенно не отвечает тем задачам, которые призваны выполнять Вооруженные Силы. О какой безопасной жизнедеятельности может идти речь, когда идет бой с группой террористов, выполняются боевые задачи «по оказанию интернациональной помощи» в Афганистане или «наведению конституционного порядка» в Чечне? К тому же Военная присяга и обязанности солдата требуют «не щадить своей жизни для выполнения воинского долга».

Учебник ОБЖ для 11-го класса излагает содержание основных законодательных документов о порядке постановки допризывников на воинский учет, прохождения медицинских обследований, призыва на военную службу и основания для предоставления отсрочки от призыва. Далее речь идет о воинских званиях и военных должностях. Много говорится о социальной защите, правах, свободах и гарантиях военнослужащих и ни слова об ответственности за выполнение своего воинского долга. И даже там, где излагается текст Военной присяги и подробно рассказывается о порядке ее принятия, ничего не сказано об ответственности солдата за нарушение клятвы, данной своему Отечеству. Ознакомившись с содержанием главы «Основы подготовки к военной службе» по учебнику ОБЖ, приходишь к выводу, что эти «Основы» носят чисто теоретический, познавательный характер, что само по себе полезно и необходимо. Но не менее важно обучить будущего солдата элементарным строевым приемам, ознакомить его с содержанием общевоинских уставов, усвоить и соблюдать порядок обращения к старшим по званию, соблюдать воинскую вежливость, о которой упоминается в учебнике, но не раскрывается ее суть. Я уже не говорю о необходимости стрелковой подготовки: изучении стрелкового оружия, умении стрелять хотя бы из малокалиберной винтовки. Впрочем, авторы учебника по ОБЖ таких целей и не ставили, ограничившись «получением учащимися необходимых ЗНАНИЙ об обороне государства, о воинской обязанности граждан, а также приобретением НАВЫКОВ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЕ. Обязательная подготовка граждан к военной службе МОЖЕТ также осуществляться в ходе военных сборов» (Учебник ОБЖ для 11-х классов, с.124). И это не случайно. Дело в том, что этот учебник подготовлен Министерством образования и МЧС. Министерство Обороны к его созданию, к сожалению, отношения не имеет.

В последнее время высказываются пожелания о возврате прежней системы начальной военной подготовки. Это вряд ли возможно и целесообразно. Вопросы гражданской обороны, поражающие факторы ядерного оружия и способы защиты от него, а также многие нормативно-правовые документы, определяющие порядок прохождения службы в армии, в достаточной мере раскрываются в учебнике ОБЖ. Поэтому на практические занятия достаточно было бы отвести 1-2 урока в неделю, в основном для юношей – учащихся 11-х классов. К проведению этих уроков желательно привлечь учителей,

имеющих опыт военной службы, а по возможности и участников боев в «горячих» точках. В подборе таких кадров может оказать помощь военкомат. Не следует забывать и о ветеранах Великой Отечественной войны, о которых принято вспоминать лишь в День Победы, – привлекать их к участию в мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

В школе-интернате я проработал десять лет – до того времени, когда из статуса средней школы интернат был переведен на восьмилетку, в программе которой начальной военной подготовки не было. Несколько последних лет наряду с начальной военной подготовкой я преподавал историю СССР и Основы Советского государства и права, но и эти предметы в восьмилетке также не предусматривались. Поэтому пришлось сменить место работы, и я перешел в Балашихинскую среднюю школу №13.

В кабинете начальной военной подготовки средней школы №13

На выставке продукции НПО машиностроения

Военруком я проработал в двух школах всего пятнадцать лет. Время шло, мне исполнилось 60. Я понял, что с учительской работой пора расставаться: трудно стало показывать строевые приемы, изготовку к стрельбе лежа и с колена, проводить полевые занятия.

В 1987 году я перешел в отряд военизированной охраны (ВОХР) на Реутовском НПО машиностроения. Его генеральным директором и генеральным конструктором был Герой социалистического труда В.Н. Челомей. Под его руководством был создан ряд искусственных спутников Земли, пилотируемая станция «Салют» и автоматическая станция «Алмаз», показанная на снимке. Бал создан ракетный комплекс «Протон» – и ныне остающийся мощным средством доставки на орбиту спутни-

ков Земли.

В те годы предприятие было строго режимным объектом. В систему его охраны входил и отряд ВОХР, состоявший в основном из женщин, кото-

рые поддерживали пропускной режим и осуществляли внутреннюю охрану помещений.

По сравнению со школой работа в охране была гораздо проще и спокойнее. Когда наступал день дежурства, за 30 минут до смены проводился инструктаж (развод). Это же время использовалось для изучения штатного оружия. На вооружении отряда состояли устаревшие револьверы «Наган», после войны снятые с вооружения армии. Помнится, на одном из них стояло клеймо «Тульский оружейный завод императора Александра III». А так как патронов к револьверам было мало (они больше не производились), то учебные стрельбы производились из спортивного пистолета Марголина. Надо отдать должное женщинам: они стреляли не хуже, а иногда и лучше мужчин.

Во время разводов повторялись требования Устава караульной службы, обязанности по несению службы на постах и особенно – правила применения оружия. Каждую осень командование отряда принимало зачеты по знанию личным составом правил несения службы и по стрельбе.

В отряде я проработал более одиннадцати лет. Таким образом, общий стаж моей трудовой деятельности составил пятьдесят шесть лет. Все эти годы так или иначе были связаны с Вооруженными Силами.

В 1999 году я уволился из охраны и окончательно ушел на пенсию, однако, как и все участники войны и ветераны военной службы, близко принимаю к сердцу все, что связано с армейской жизнью. Мы радуемся принятию на вооружение новейших средств борьбы – ракет различного назначения, самолетов, подводных лодок. Но многое из того, что происходит в армии, не может не огорчать. Тревожит состояние воинской дисциплины и порядка в воинских частях – «дедовщина», самовольное оставление службы. Порой солдаты покидают часть во время несения караульной службы, а иногда уносят с собой оружие. Часто они бегут за защитой в органы военной юстиции или к «мамкам» – в Комитет солдатских матерей, не веря своим командирам, неспособным навести порядок в подчиненных им подразделениях. Иногда просто бегут домой, живут у родственников. Безусловно, многое зависит от контингента призывников. Некоторые из них приносят в армию тюремные понятия, делая их нормой взаимоотношений между военнослужащими в казарме, особенно после отбоя, ночью. Но командиры и это обязаны принимать во внимание в своей работе.

В связи с этим хотелось бы сказать о работе военкоматов, отдельные сотрудники которых необоснованно, за мзду, освобождают от военной службы тех, кто мог бы исправно служить. О коррупции в военкоматах открыто говорил бывший министр обороны С.Иванов, предлагая периодически проводить ротацию офицерского состава в военкоматах.

В ближайшие годы предстоят серьезные изменения в комплектовании Вооруженных Сил. Служба солдат по призыву сокращается до одного года. Это потребует коренного улучшения допризывной военной подготовки, чтобы солдаты могли с первых дней службы начать освоение боевой техники, до минимума сократив курс молодого бойца, на который раньше уходило два месяца. Для перехода на контрактную службу потребуется время и значи-

тельные денежные средства, не говоря уже об обеспечении жильем, которое на сегодняшний день имеют не все офицеры. Пока сообщений о положительных результатах контрактной службы не поступало, а вот публикации о бесчинствах, ничем не отличающихся от прежней «дедовщины», появлялись. Наведение порядка в армии, видно, начали не с того конца.

Немалые трудности возникнут и с комплектованием войск сержантами. Сегодня каждое пятое преступление в армии совершается младшими командирами (источник – МК за 12 сентября 2007г.). Предполагается назначать на сержантские должности лучших солдат-контрактников, прошедших соответствующее обучение. Сержант, непосредственный начальник солдат, обязан быть с ними постоянно, в том числе и в ночное время. Как это согласовать со статусом военнослужащего-контрактника, проживающего на квартире, и рабочее время которого определено условиями контракта?

Не менее сложной является и проблема пополнения армии молодыми офицерами. Раньше выпускники вузов, прошедшие подготовку на военных кафедрах, могли быть призваны в армию на два года на офицерские должности. Потом от этого отказались по ряду причин. Теперь вся надежда только на военные училища. Но некоторая часть молодежи поступает в военные училища только потому, что туда поступить гораздо проще, чем в гражданские институты. Цель таких молодых людей – получить высшее образование и уволиться на «гражданку». Поэтому сейчас установлен порядок, согласно которому выпускники военных учебных заведений обязаны отслужить в армии не менее трех лет. Каков будет результат всех этих перемен, покажет время. Остается надеяться, что будет не хуже, чем раньше, что новые принципы комплектования Вооруженных Сил не приведут к снижению уровня выучки личного состава и боевой готовности войск. Не следует забывать слова нашего выдающегося полководца Г.К.Жукова: «При всем значении ракетных и атомных средств человек, независимо от масштаба, характера и способа войны, играл, играет и будет играть в ней главную роль» (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. – с.702).

На этом можно было бы закончить книгу воспоминаний о своей жизни. В заключение хочу еще раз напомнить, что большинство моих ровесников военного призыва 1943 года принимали участие в боях на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Среди них немало моих одноклассников, друзей и просто знакомых, биографии которых мало отличаются от моей. Часть из них не дожила до Победы. Нельзя забывать и о тех, кому не довелось принять участие в боях. Наряду с военными они внесли свой трудовой вклад в Победу, заслуженно награждены медалями «За победу над Германией» и носят звание Ветеранов Отечественной войны.

Из 32 человек 1924 года рождения, призванных в январе 1943 года Старобельским военкоматом и сразу отправленных на фронт, в первом же бою погибли 28 (И.Мирошниченко. Память. – с.134). С 1943 года молодое пополнение перед отправкой на фронт стали обучать в учебных лагерях и полках. И с этого времени мы стали побеждать не только числом, но и умением. Нас обучали почти год и только после этого отправили в действующую

армию. Для будущих солдат этот горький опыт и сегодня должен служить уроком для осознания необходимости учиться военному делу по-настоящему.

Все дальше уходят в прошлое события тех лет, все меньше остается живых свидетелей Отечественной войны. Сегодня западная пропаганда прилагает много усилий, чтобы приуменьшить значение вклада нашего народа в разгром фашизма. Эта кампания началась не сегодня. Уже в 1945 году после парада Победы в Москве мы предложили провести такой же парад в Берлине с участием армий стран-победительниц. Союзники дали свое согласие, но накануне парада командующие союзных армий от участия в нем отказались, сославшись на ряд причин, и прислали своих генералов и части, стоявшие в Берлине. Когда Жуков доложил об этом Сталину, тот сказал: «Они хотят принизить значение парада победы в Берлине. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы». Слова эти оказались пророческими. Вся история второй мировой войны переписывается заново, при этом все меньше упоминается о решающем вкладе нашей страны в победу над фашизмом. Не так давно бывшие союзники отмечали годовщину открытия второго фронта в Европе. Наша делегация не была приглашена. Но самыми позорными являются случаи, когда нашу военную историю, наших полководцев начинают критиковать доморощенные «фокусники». Так, выступая в еженедельной передаче по каналу «Радио России», некий Михаил Веллер, которого представляют как писателя, историка и философа, заявил, что маршал Г.К.Жуков не выиграл за всю войну ни одного сражения, а там, где он и побеждал, то исключительно ценой огромных потерь, заваливая противника трупами наших солдат. При этом Веллер честно признался, что мемуары Жукова не дочитал. А напрасно. Именно в конце своей книги маршал говорит о больших потерях, имея в виду Берлинскую операцию, и доходчиво объясняет их причины. В этом случае как нельзя кстати приходят на память слова поэта: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Но ни западным идеологам, ни доморощенным «стратегам» не удастся принизить значение великого подвига нашего народа, не только защитившего свое отечество, но и освободившего народы Европы от фашистского порабощения. Разумеется, на этом историческом пути были просчеты и ошибки, на которых спекулируют наши недоброжелатели сегодня. Но это не дает им права перевернуть прошлое, наживать на этом свой политический капитал, выдавая себя за носителей прогрессивных взглядов и выразителей истины в последней инстанции.

Победа, одержанная нашими Вооруженными Силами над сильнейшей в мире гитлеровской армией, доказала превосходство отечественной военной науки и полководцев, спланировавших и осуществивших военные стратегические операции невиданных в мире масштабов.

Книга эта адресована молодым читателям, хотя многие из них предпочитают другие источники информации. Хотелось бы, чтобы они, ознакомившись с ее содержанием, узнали хотя бы часть правды о прошедших годах и событиях теперь уже далекого прошлого.

Жизнь продолжается. Выросло новое поколение людей, призванных решать новые, не менее сложные задачи. Хотелось бы, чтобы и в настоящем, и в будущем молодежь преумножала все положительное, что им оставило прежнее поколение.

Содержание

Вместо предисловия	2
Школьные годы.....	3
Нашествие.....	11
Лагерь Селиксы.....	19
Учебный полк. ПУЗАЛ.....	23
Фронтовые дороги.....	30
Битва за Берлин.....	46
Прага. Весна Победы.....	51
Одесса.....	61
Бендеры. Курсы лейтенантов.....	76
Комсомол – моя судьба.....	84
Под ядерным зонтом.....	96
Ленинград. Военно-педагогический институт.....	105
Дальневосточные гарнизоны.....	114
Забайкальские степи.....	124
Чукотка.....	131
Московский округ ПВО.....	146
Жизнь продолжается.....	152